

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2018
№ 3**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч. Р. Айриш (США), П. Я. Бакланов (Россия),
В. Г. Белкин (Россия), Е. П. Жариков (Россия), С. Д. Князев (Россия),
А. И. Коробеев (Россия), Ли Се Ун (Республика Корея),
Пак Ноенг (Республика Корея), В. Ф. Печерица (Россия),
Н. Г. Присекина (Россия), Дэниел Снайдер (США),
Фу Куен-чен (КНР), Хуан Даосю (КНР)**

**2018
№ 3**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А (24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3

Владивосток

Дальневосточный федеральный университет

2018

PACIFIC RIM

◆ Economics

◆ Politics

◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V. I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C. R. Irish (USA), P. Y. Baklanov (Russia), V. G. Belkin (Russia),
E. P. Zharikov (Russia), S. D. Knyazev (Russia), A. I. Korobeev (Russia),
S. U. Lee (Republic of Korea), N. Park (Republic of Korea),
V. F. Pecheritsa (Russia), N. G. Prisekina (Russia), D. Sneider (USA),
K. C. Fu (PRC) and D. Huang (PRC)**

2018

№ 3

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:

Far Eastern Federal University
A920–923 Office, Bldg. A (2), Ajax St.,
Vladivostok, Russky Island, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Registration Certificate ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3

Vladivostok
Far Eastern Federal University
2018

Содержание

К читателям журнала	6
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	
<i>Мирошниченко О. И., Проскурина Д. С.</i> Государственный суверенитет: дифференциация категории в условиях киберреалий	9
<i>Баранник И. Н.</i> Некоторые вопросы участия органов юстиции в создании условий для правовой защиты бизнеса	21
<i>Даниловская А. В.</i> К вопросу о предмете, целях и принципах защиты конкуренции	31
<i>Голохваст К. С., Ролик А. И.</i> Предметы наркопреступлений: юридическая характеристика, химическая природа, способы идентификации	43
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
<i>Дремлюга Р. И., Кошель А. С.</i> Искусственный интеллект как социальный регулятор: за и против	55
<i>Коротких Н. Н., Останин М. Д.</i> К вопросу о соотношении понятий «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление»	69
<i>Кучина Я. О.</i> Предмет киберпреступлений и зависимость его определения от дифференциации понятий «информация» и «данные»: сравнительно-правовой аспект	78
<i>Сон Э. В.</i> Криптовалюта как предмет хищения чужого имущества: проблемы уголовно-правовой оценки	92
<i>Надточий Ю. В.</i> Киберпреступность как угроза экологической безопасности	108
<i>Коробеев А. И., Чучаев А. И.</i> Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования	117
<i>Дремлюга Д. И., Решетников В. В.</i> Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности	133
<i>Мальцев А. А., Нгуен Хунг.</i> Уголовно-правовое противодействие терроризму в сфере высоких технологий по законодательству Социалистической Республики Вьетнам	145
<i>Романова Л. И.</i> Личность интернет-преступника	159
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	
<i>Зигмунт О. А.</i> Насильственная преступность несовершеннолетних в Германии и России: различия и факторы влияния	170
<i>Нгуен Хунг.</i> Транснациональная преступность во Вьетнаме: предупреждение и борьба	180
Сведения о членах редколлегии	190

Contents

To the Readers	6
GENERAL QUESTIONS OF THE STATE AND LAW	
<i>Miroshbichenko Olga I., Proscurina Darya S.</i> State sovereignty: differentiation of the category in cyber realities	9
<i>Barannik Igor N.</i> Some issues of participation of the judicial authority in creating conditions for legal protection of business	21
<i>Danilovskaya Anna V.</i> The subject, objectives and principles of competition protection	31
<i>Golokhvast Kirill S., Rolik Alexander I.</i> Subjects of drug-trafficking crimes: legal characteristics, chemical nature, methods of identification	43
CYBERPRESSURE AND INFORMATION SECURITY	
<i>Dremluga Roman I., Koshel Alexey S.</i> Artificial intelligence as a social regulator: pros and cons	55
<i>Korotkikh Natalia N., Ostanin Maksim D.</i> Correlation between the concepts of “crime in the sphere of computer information” and “computer crime”	69
<i>Kuchina Yaroslava O.</i> The subject of cybercrime and the dependence of its definition on differentiation of the concepts “information” and “data”: a comparative legal aspect	78
<i>Son Eduard V.</i> Crypto currency as an object of thievery: problems of legal assessment	92
<i>Nadtochiy Julia V.</i> Cybercrime as a threat to environmental security	108
<i>Korobeev Alexander I., Chuchaev Alexander I.</i> Unmanned vehicles equipped with artificial intelligence systems: problems of legal regulation	117
<i>Dremluga Roman I., Reshetnikov Vadim V.</i> Legal aspects of predictive analytics in law enforcement	133
<i>Maltsev Alexander A., Nguyen Hung.</i> Legal counteraction to high-tech terrorism under the law of the Socialist Republic of Vietnam	145
<i>Romanova Larisa I.</i> The personality of a cyber-criminal	159
FOREIGN EXPERIENCE	
<i>Siegmunt Olga A.</i> Juveniles’ violent crime in Germany and Russia: differences and factors of influence	170
<i>Nguyen Hung.</i> Transnational crime in Vietnam: prevention and counteraction	180
Editorial Board’s Data	190

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы;
- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках, E-mail для связи с читателями;
- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);

- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5]», или при цитируемой ссылке «[5, с. 18]»;

- Список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике;

- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу:

690091, Владивосток, ул. Суханова, 8, профессору А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;

- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;

- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references;
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";
- list of Literatours (in Russian languages) and References (in English languages) should be placed at the end of the article;
- margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to:

8, Sukhanova St., Vladivostok, 690091, RUSSIA, Professor A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

GENERAL QUESTIONS OF THE STATE AND LAW

УДК 341.211:004(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/9-20

О. И. Мирошниченко¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: olga-star.05@mail.ru

Д. С. Проскурина²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: sl.thsl@dvfu.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАТЕГОРИИ В УСЛОВИЯХ КИБЕРРЕАЛИЙ³

Аннотация. Ключевой идеей исследования является вопрос о соотношении таких категорий, как «государственный суверенитет» и «киберпространство». Авторы считают, что существующая теория права и позитивное правовое регулирование на настоящем этапе не предлагают разумных вариантов взаимодействия и сосуществования указанных понятий. В условиях кардинальных изменений существующих реалий, произошедших за последние 30 лет, встаёт вопрос о дифференциации правового регулирования, которое всё ещё рассчитано в большей степени на существовавшие в XX столетии общественные отношения. Сегодня технический прогресс существенно опережает социальное, в частности, правовое регулирование, которое, в свою очередь, серьёзно «завязано» на государстве, или «территориальной организации власти в обществе, обладающей суверенитетом...». И здесь воз-

¹ Ольга Игоревна Мирошниченко, кандидат юридических наук, LLM, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия

² Дарья Сергеевна Проскурина, студентка Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Мирошниченко О.И., Проскурина Д.С. Государственный суверенитет: дифференциация категории в условиях киберреалий // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 9–20.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

никает основной вопрос о разумности обозначенной формулировки. Подходит ли она под существующие реалии? Или сама по себе является препятствием для правовой актуализации? В рамках статьи анализируются различные подходы к правовому урегулированию отношений в рамках киберпространства, а также предлагаются два варианта наднационального регулирования указанных правоотношений – через разработку и создание внетерриториального международного органа, который будет обладать не только возможностью контроля общественных отношений в рамках киберпространства, но и специальными рычагами принуждения для воздействия на граждан любых государств, либо с помощью создания глобальной системы международных актов, которая бы регулировала большую часть существующих вопросов о взаимодействии лиц в киберпространстве и включала в себя четкий механизм быстрого реагирования на возникновение новых отношений в указанной сфере.

Авторы также полагают, что неспособность на теоретическом уровне концептуализировать соотношение указанных категорий может в будущем привести к дискредитации таких понятий, как «национальное государство» и «государственный суверенитет».

Ключевые слова: государственный суверенитет, киберпространство, государственная юрисдикция, киберсеть.

Olga I. Miroshnichenko¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: olga-star.05@mail.ru

Darya S. Proscurina²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sl.thsl@dvfu.ru

STATE SOVEREIGNTY: DIFFERENTIATION OF THE CATEGORY IN CYBER REALITIES³

Abstract. The key idea of this research is the correlation of two theoretical categories: national sovereignty and cyberspace. The authors think that neither theoretical legal science nor positivistic methods today can suggest any effective models for coexistence and cooperation of these phenomena. In the last 30 years lots of very significant changes have been made thus making the question of differentiation of legal reality very relevant. Today technical progress significantly outpaces the social, and in particular, the legal regulation which, in turn, is seriously based on the state, or on "the territorial organization of the power in society which has sovereignty ...". And here the main question of rationality of the designated formulation arises. Does this approach fit the existing reality? Or in itself it is an obstacle for legal updating? Different approaches to resolving and regulation of juridical relations are being analyzed. As a result two prospective ways of supranational regulation are suggested. The first one requires creating a unique authority, which won't be related to any state, but will have control over any cyber actors within any territory. The second variant is about a strict regulation of any acts within the cyber space through the system of independent legal documents. This system should also include a very quick mechanism of regulation of any rule violation. The authors also think that if no conceptualization of the above-mentioned categories is made in the nearest future, this may discredit the notions of "legal sovereignty" and "national state".

Keywords: national sovereignty, cyberspace, national jurisdiction, cyber net.

Технический прогресс в двадцать первом веке, очевидно, давно достиг того уровня, который обязывает к созданию эффективных и актуальных правовых ин-

¹ Olga I. Miroshnichenko, PhD in legal science, LLM in legal theory, associate professor, department of theory and history of state and law, Law School, Far Eastern Federal University, Russia.

² Darya S. Proscurina, student of Bachelor's degree course, Law school, Far Eastern Federal University, Russia.

For citing: Miroshnichenko O. I., Proscurina D. S. State sovereignty: differentiation of the category in cyber realities // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 9–20.

³ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16129.

струментов регулирования порождаемых им общественных отношений. Еще 20-30 лет назад субъект, сомневающийся в могуществе гоббсовского Левиафана (государства) или высказывавший мысль о «роботизации через глобализацию», казался чудачком и мечтателем. Сегодня идея «большой деревни» [1] не только не кажется утопией, но зачастую пугает своей реальностью. А на уровне современной теоретической правовой науки прочно оформляется мысль о кибер-правовой системе, не существующей в рамках никакой территориальности, но, тем не менее, обладающей всеми признаками указанной теоретической категории. Но самое интересное (или пугающее, в зависимости от субъекта и контекста рассмотрения), что самих акторов нового пространства, так называемого cyberspace, выкладки учёных и теоретиков мало волнуют. Такие гиганты, как Amazon, Facebook и т.д. фактически доказывают свою состоятельность, отдавая на откуп учёным лишь аналитику собственной деятельности.

Таким образом, отрицать произошедшие за последние 30 лет кардинальные изменения существующих реалий элементарно неразумно. Встаёт вопрос о дифференциации правового регулирования, которое всё ещё рассчитано в большей степени на существовавшие в XX столетии общественные отношения. Сегодня технический прогресс существенно опережает социальное, в частности, правовое регулирование, которое, в свою очередь, серьёзно «завязано» на государстве, или «территориальной организации власти в обществе, обладающей суверенитетом...». И здесь возникает основной вопрос, который мы хотим рассмотреть в рамках настоящего исследования: а так ли разумна указанная формулировка? Подходит ли она под существующие реалии? Или сама по себе является препятствием для правовой актуализации? Мы не можем изменить действительность: активное использование современных технологий в жизни граждан большинства стран мирового сообщества – данность, необходимость. Но что делать с основной обязанностью государства – защитой прав и интересов своих граждан, которая весьма осложнена в современных «киберусловиях»?

В частности, в попытках государств защищать интересы своих граждан в пространстве, не имеющем географических границ, возникает проблема соотношения таких категорий, как государственный суверенитет и киберпространство. Мы считаем, что основным в указанном контексте становится вопрос о модернизации самой классической концепции государственного суверенитета в современной теории права. Если сегодня не пересмотреть основные теоретические категории, мы рискуем прийти к реализации принципа, провозглашённого Декларацией независимости киберпространства: «...киберпространство – это так называемый terra nullius, к которому исторически созданные социальные регулятивы и законы не имеют никакого отношения и в рамках которого они будут воссозданы заново» [2].

Считаем разумным начать исследование с дифференциации указанных выше понятий.

Вспользуемся, например, классическим определением С.М. Кукушкиной, которая трактует суверенитет как формально-юридическую категорию, сформировавшуюся одновременно с государством; неотъемлемое, необходимое, качественное, конституционно-правовое свойство государства быть верховным внутри государственных границ и независимым на международной арене [3]. Иными словами, суверенным государством в международном праве считается такое государство, чья юрисдикция распространяется на всю его географическую территорию и не зависит от юрисдикции иного государства.

Таким образом, государственный суверенитет есть правовое поле, которое держит в сохранности правовую политику конкретного государства, организацию общественных отношений внутри этого государства и позволяет ограничить воздействие глобализации на отношения, в которые вступают его граждане. Его роль значительно снизилась с развитием информационных коммуникаций и технологий, которые создали отдельное пространство, не подвергаемое географическому разграничению.

Верховный суд США определяет киберпространство как уникальный носитель, известный его пользователям как киберпространство, не находящийся на определенной территории, но доступный каждому в любой точке мира через Интернет [4].

Международная организация по стандартизации даёт следующее определение киберпространства: сложная среда, которая возникает в результате взаимодействия людей, программного обеспечения и предоставления услуг в Интернете посредством технологических устройств и сетей, подключённых к нему, которая не существует ни в какой физической форме [5].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что киберпространство представляет собой созданное на основании всеобщей сети Интернет информационное поле, в рамках которого возникают общественные отношения правового характера, не определяемые какими-либо территориальными границами.

В свете этого, вопрос о соотношении категорий киберпространства и государственного суверенитета в международном праве является актуальным, ведь сфера распространения второго феномена, а равно и юрисдикции конкретного государства, традиционно определялась его территорией. Киберпространство же нематериально и не подвержено географическим рамкам, вследствие чего возникает проблема определения сферы распространения государственной юрисдикции на конкретный объём киберпространства. Более того, возникает вопрос о самой возможности определения юрисдикционных границ государств в киберпространстве.

Бесспорно, киберпространство является средой, в которой, в том числе, возникают общественные отношения правового характера. Однако, в отличие от право-

отношений, реализуемых в рамках территориальной юрисдикции, их кибер-аналоги не подвержены регулированию конкретным государством, вследствие чего возникает проблема защиты прав и интересов граждан в случае, если они вступают в какое-либо общественное отношение через кибер-сеть.

Так, при рассмотрении дела *American Libraries Ass'n v. Pataki* суд США пришёл к выводу о том, что географические рамки не могут быть применимы к Интернету. Он провозгласил, что пользователи конкретного интернет-ресурса не знают и не интересуются его физическим нахождением. Суд заявил, что интернет-протоколы были разработаны скорее для того, чтобы игнорировать, а не подтверждать географическое местоположение. Фактически это судебное решение говорит о бесполезности географических границ в Интернете [6].

Тем не менее, существует и категорически иная точка зрения на «территориальность» и необходимый тип регулирования киберпространства, декларируемая и продвигаемая в частности такими государствами, как РФ и КНР. С точки зрения обозначенного подхода, в рамках каждого конкретного государства должны существовать так называемые *codes of conduct*, обозначающие устраивающие конкретную страну принципы регулирования киберпространства. Иными словами, в данном случае киберсреда – это отнюдь не сфера свободного обмена информацией между акторами вне зависимости от их национальности, гражданства и иных характеристик, а достаточно чётко урегулированная позитивным правом часть национальной правовой системы.

В любом случае, очевидно, что на настоящем этапе международное право, исходящее главным образом из принципа территориальности, не готово к чёткому урегулированию юридических конфликтов, в которых задействованы такие внетерриториальные образования, как Интернет [7].

Мировой опыт демонстрирует достаточное количество попыток установления границ киберпространства путём средств идентификации.

Наиболее предсказуемым методом проведения принципа суверенитета в киберпространство являются попытки идентифицировать информацию в сети и её отношение к конкретному государству. Например, сайты содержат URL индикаторы происхождения вроде “ru”, “nl”, однако это никак не способствует распространению суверенитета того или иного государства на отношения, которые возникают в связи с взаимодействием конкретного субъекта права с такой идентифицированной информацией [7]. В силу того, что доступ к конкретной информации в киберпространстве может получить любой человек, не зависимо от его места нахождения, политика распространения юрисдикции конкретного государства на ту или иную информацию в сети бессмысленна.

Так как информация в любом случае будет находиться в глобальном доступе, а отношения, которые возникнут по поводу этой информации, не смогут быть урегу-

лированы в рамках юрисдикции одного государства, как минимум из-за того, что в данном случае субъект такого отношения может не являться гражданином страны, чьей информацией он воспользовался.

Именно поэтому определение юрисдикции по местонахождению информации на сервере не является верным. Например, в деле *Steven Rambam v. JDO* американский суд установил недостаточность критерия нахождения сервера для установления юрисдикции [8].

Конструирование, а именно перевод контента одного сайта на адрес другого, которое проявляется в наличии перекрестных ссылок, делает политику идентификации интернет-ресурсов ещё более условной и является неотъемлемой частью глобальной сети. Такая особенность киберпространства обуславливается спецификой сети Интернет и также делает очевидной неэффективность применения понятия географической территориальности и юрисдикции в международном праве, поскольку в информационном пространстве почти теряется связь с физическим местоположением [9].

Итак, мы убедились в том, что существует потребность в разработке норм международного права, иным образом дифференцирующих правовой режим киберпространства и таким образом решающих проблему возможных государственно-кибернетических коллизий. Проблема реализации государственного суверенитета и юрисдикции в киберпространстве не может быть урегулирована самостоятельно ни в одном государстве, исходя только из существующих норм национального законодательства. Решение этой проблемы возможно лишь принятием соответствующей международной конвенции [10, с. 56].

Так, внедрение Интернета и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в поле международно-правового регулирования необходимо, так как современные технологии вытесняют понятие географической территориальности. Однако такие нововведения могут поставить под угрозу основополагающие принципы традиционного международного права.

Мы считаем, международное право должно адаптировать свои догмы к внетерриториальным информационным образованиям, в частности, через адекватную интерпретацию категории «государственный суверенитет». Только в этом случае понятие государственного суверенитета будет актуально в условиях информационной глобализации.

Дэвид Пост и Дэвид Джонсон также придерживаются этой позиции, говоря о том, что многие из юрисдикционных и иных существенных проблем, возникающих в сфере всеобъемлющих коммуникационных технологий, могут быть разрешены с помощью одного простого принципа: представление о киберпространстве как об отдельном «месте» в целях осуществления юридического анализа путем признания юридически значимой границы между киберпространством и «реальным миром» [11].

Они считают, что киберпространство не может и не должно быть урегулировано теми институтами международного права, которые осуществляют правовое регулирование на материальной территории [11].

Таким образом очевидна невозможность приравнивания территориальных границ к виртуальным, как и, очевидно, невозможно применение традиционной концепции суверенитета в киберпространстве.

С теоретической точки зрения, идеальной моделью регулирования общественных отношений в рамках киберпространства являются проекты виртуальных государств, создаваемых в киберпространстве. Так, например, Й. Фергюсон и Р. Мэнсбач говорят о «Свободной бирманской коалиции» как об одном из таких государств. Территориально данное государство существует лишь в киберпространстве и «предлагает свою поддержку, которая трудно достижима географически [12]. То есть, модели таких государств в идеале могут защищать права своих «граждан» вне зависимости от их географического нахождения.

Очевидно, что к теоретизированным моделям виртуального государства невозможно применение понятия государственной суверенитет, так как речь не идёт ни о реальной территории, ни о юрисдикции конкретного традиционного государства.

Однако, исходя из всего вышеизложенного, следует также и вывод о том, что идея о «надправовом» регулировании отношений, возникающих в киберпространстве, в принципе может исключить классическое понимание суверенитета в международном праве.

Итак, мы считаем, что существует острая необходимость, во-первых, в концептуализации и признании киберпространства как сферы реализации общественных отношений, в том числе правового типа. Так, либо мы считаем киберпространство, по Барлоу, свободно функционирующей и не предполагающей вмешательства государства средой – это первый, по нашему мнению, крайне маловероятный вариант, либо, если мы делаем попытку включить киберпространство в существующий теоретический категориально-понятийный аппарат, совершенно очевидным становится острая необходимость изменения существующего правового инструментария, причём как фундаментального теоретического, так и позитивно-правового.

По нашему мнению, в рамках второго аспекта указанной проблемы наиболее перспективными являются два пути:

1. Попытка разработки и создания внетерриториального международного органа, который будет обладать не только возможностью контроля общественных отношений в рамках киберпространства, но и специальными рычагами принуждения для воздействия на граждан любых государств. Данный вариант является «идеальным решением» поставленной проблемы, так как при таком раскладе традиционное понятие государственного суверенитета в международном праве не утратит своего значения.

Мы полагаем, однако, что вероятность его реализации невелика, так как создание такой масштабной структуры, обладающей возможностью принуждения и не подпадающей под юрисдикцию того или иного государства, является крайне рискованным шагом для мирового сообщества. Попытка принятия такого шага была предусмотрена в Будапештской конвенции «О борьбе с киберпреступностью», подготовленной Советом Европы в 2001 г. [13]. Конвенция подписана представителями 30 стран в ноябре 2001 г. Она предусматривала создание транснационального органа, работающего в режиме реального времени и имеющего возможность удалять материалы вне зависимости от физического местонахождения интернет-ресурса. Однако положения данной конвенции так и не были реализованы [14, с. 40–44].

2. Создание глобальной системы международных актов, которая бы регулировала большую часть существующих вопросов о взаимодействии лиц в киберпространстве и включала в себя чёткий механизм быстрого реагирования на возникновение новых отношений в указанной сфере. Таким образом понятие суверенитета в международном праве стало бы включать в себя не только географическую территорию, но и объём потенциальных действий и возможностей, которые может совершать конкретное государство как актор киберпространства. Попытку создания такого соглашения предприняла Российская Федерация в 2011 г. Концепция Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности явилась проектом глобального международного документа, охватывающего все ключевые вопросы противодействия угрозам из киберпространства в широком российском понимании.

Однако такой подход встретил резкое сопротивление со стороны США. Заместитель госсекретаря США М. Познер заявил о неприемлемости предложений, «превращающих Интернет из пространства, управляемого множеством людей и заинтересованных сторон, в подконтрольную центральным правительствам систему» [15, с. 126].

То есть данный вариант также является сложно реализуемым, так как, по мнению некоторых стран мирового сообщества, он может противоречить основным принципам демократии.

Бесспорным остаётся только одно: проблема соотношения категорий «государственный суверенитет» и «киберпространство» приобретает особое значение, так как неурегулированность этого вопроса может повлечь за собой серьёзные международные конфликты и международно-правовые коллизии. Мы полагаем также, что неспособность на теоретическом уровне концептуализировать указанное соотношение может в будущем привести к дискредитации таких понятий, как «национальное государство» и «государственный суверенитет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kaijuka, E. The world of innovations and Cyber Law. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/37992759/the_world_of_innovations_and_cyberlaw.docx.
2. Barlow, J. P. Declaration of Independence of Cyberspace. 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eff.org/ru/cyberspace-independence>.
3. Кукушкина, С. М. Государственный суверенитет в современном мире : актуальные проблемы // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 3. – С. 84–86.
4. Menthe, D. Jurisdiction in cyberspace: a theory of international spaces // Michigan telecommunications and technology law review. – 1998. – Vol. 4, iss. 1. – P. 69–103.
5. Kristen, E. The Cyber-Law of nations // The Georgetown Law Journal. – 2015. – Vol. 103. – P. 317–380.
6. American Libraries Ass'n v. Pataki, 969 F. Supp. 160 (S.D.N.Y. 1997) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/969/160/1808497/>.
7. Ансельмо, Э. Киберпространство в международном законодательстве: опровергает ли развитие Интернета принцип территориальности в международном праве? // Экономические стратегии. – 2006. – № 2. – С. 24–31.
8. Jewish Defense Organization, Inc. v. Superior Court (Rambam) (1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/california/court-of-appeal/4th/72/1045.html>.
9. Искевич, И. С. Актуальные проблемы определения юрисдикции при расследовании преступлений в информационном пространстве: международно-правовой аспект / И. С. Искевич, М. Н. Кочеткова, А. М. Попов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 4. – С. 54–58.
10. Brown, K. The problems of International Finance Law and electronic commerce / K. Brown, S. Kaaya. – Sydney, 2000.
11. Johnson, D. R. Law and borders – the rise of law in Cyberspace / D. R. Johnson, D. G. Post // Stanford Law Review. – 1996. – Vol. 48, iss. 5. – P. 1367–1402.
12. Fergusson, Y. H. Technology and the transformation of global politics / Y. H. Pergusson, R. W. Mansbach // Geopolitics. – 1999. – Vol. 4, iss. 3. – P. 1–28.
13. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/4089723/>.
14. Шарифов, М. Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. – 2009. – № 6. – С. 40–44.

15. Бедрицкий, А. В. Международные договорённости по киберпространству: возможен ли консенсус? // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 4 (13). – С. 119–136.

REFERENCES

1. Kaijuka E. *The world of Innovations and Cyber Law, 2018*. Available at: https://www.academia.edu/37992759/the_world_of_innovations_and_cyberlaw.docx (accessed 18 March 2018).

2. Barlow J. P. *Declaration of Independence of Cyberspace, 1996*. Available at: <https://www.eff.org/ru/cyberspace-independence> (accessed 10 March 2018).

3. Kukushkina S.M. Gosudarstvennyi suverenitet v sovremennom mire: aktual'nye problemy [State sovereignty in the modern world: Actual problems]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in the Russian legislation], 2011, no. 3, pp. 84–86.

4. Menthe D. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces. *Michigan Telecommunications and Technology Law Review*, 1998, vol. 4, iss. 1, pp. 69–103.

5. Kristen E. *The Cyber-Law of Nations. California; Los Angeles (UCLA)*. Available at: <https://georgetownlawjournal.org/articles/63/cyber-law-of-nations/pdf> (accessed 10 March 2018).

6. *American Libraries Ass'n v. Pataki, 969 F. Supp. 160 (S.D.N.Y. 1997)*. Available at: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/969/160/1808497/> (accessed 22 March 2018).

7. Ansel'mo E. Kiberprostranstvo v mezhdunarodnom zakonodatel'stve: oprovergaet li razvitie Interneta printsip territorial'nosti v mezhdunarodnom prave? [Cyberspace in international law: does the development of the Internet negate the principle of territoriality in international law?]. *Ekonomicheskie strategii*, 2006, no. 2, pp. 24–31.

8. *Jewish Defense Organization, Inc. v. Superior Court (Rambam) 1999. Court of Appeal, Second District, Division 7, California*. Available at: <https://law.justia.com/cases/california/court-of-appeal/4th/72/1045.html> (accessed 10 March 2018).

9. Iskevich I. S., Kochetkova N. M., Popov A. M. Aktual'nye problemy opredeleniya yurisdiksii pri rassledovanii prestuplenii v informatsionnom prostranstve: mezhdunarodno-pravovoi aspekt [Actual problems of definition of jurisdiction in the investigation of crimes in the information space: the international legal aspect]. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti*, 2016, no. 4, p. 54–58.

10. Brown K., Kaya S. *The problems of International Finance Law and Electronic Commerce*. Sydney, 2000.

11. Johnson D. R., Post D. G. Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace. *Stanford Law Review*, 1996, vol. 48, iss. 5, pp. 1367–1402.

12. Fergusson Y. H., Mansbach R. W. Technology and the Transformation of Global Politics. *Geopolitics*, 1999, vol. 4, iss. 3, pp. 1–28.

13. *Convention on crime in the sphere of computer information ETS No. 185 Budapest, November 23, 2001*. Available at: <http://base.garant.ru/4089723/>. (In Russian).

14. Sharifov M.S. Suverennaya vlast' v kiberprostranstve i v setevom prostranstve [Sovereign power in cyberspace and in the network space]. *Sovremennoe pravo*, 2009, no. 6, pp. 40–44.

15. Bedritskii A.B. Mezhdunarodnye dogovorennosti po kiberprostranstvu: vozmozhen li konsensus? [International agreements on cyberspace: can there be a consensus?]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2012, no. 4 (13), pp. 119–136.

УДК 346.9:351

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/21-30

И. Н. Баранник¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: barannik_08@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ В СОЗДАНИИ УСЛОВИЙ ДЛЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ БИЗНЕСА

Аннотация. В настоящей статье с использованием эмпирических данных за 2012–2016 гг., мнений экспертов проведён анализ таких направлений деятельности Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов по созданию условий для развития бизнеса в стране, как законопроектная деятельность, обеспечение единства правового пространства Российской Федерации, проставление апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации, а также участие органов юстиции в реализации полномочий по исполнению международных обязательств по вопросам правовой помощи. Выявлены проблемы при реализации полномочий по исполнению международных обязательств по вопросам правовой помощи, предложены пути их решения. При написании статьи автор использовал личный опыт работы в период с 2012 г. по 2018 г. в должности начальника Управления Минюста России по Приморскому краю.

Ключевые слова: анализ, бизнес, предпринимательство, законодательство, Конвенция, правовое пространство, международные обязательства, правовая помощь, нормативная база, юридические лица, государственный контроль, «регуляторная гильотина», правовая экспертиза, нормативный правовой акт, апостиль, судебные решения, Дальний Восток, территориальные органы, Министерство юстиции Российской Федерации.

¹ Игорь Николаевич Баранник, кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и предпринимательского права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Баранник И. Н. Некоторые вопросы участия органов юстиции в создании условий для правовой защиты бизнеса // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 21–30.

Igor N. Barannik¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: barannik_08@mail.ru

**SOME ISSUES OF PARTICIPATION
OF THE JUDICIAL AUTHORITY IN CREATING CONDITIONS
FOR LEGAL PROTECTION OF BUSINESS**

Abstract. In this article the authors use empirical data for 2012–2016 and expert opinions to analyze the areas of activity of the Ministry of Justice of the Russian Federation and its territorial bodies for creating conditions for business development in the country, such as legislative activities, ensuring the unity of the legal space of the Russian Federation, putting down the apostil on the official Russian documents to be exported outside the territory of the Russian Federation, as well as the participation of justice authorities in the exercise of authority to fulfill international obligations with regard to legal assistance. The problems in implementation of the authority to fulfill international obligations on issues of legal assistance are identified, and the ways of solving them are proposed. When writing the article, the author used his personal experience of working in 2012-2018 as the head of the Russian Ministry of Justice for Primorsky Krai.

Keywords: analysis, business, entrepreneurship, legislation, Convention, legal space, international obligations, legal assistance, regulatory framework, legal entities, state control, “regulatory guillotine“, legal expertise, regulatory legal act, apostille, judicial decision, the Far East, territorial bodies, the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Вопросы создания условий для развития бизнеса в стране, которая выбрала путь рыночной экономики, остаются объектом пристального внимания не только руководства государства [1], но и представителей научного, в том числе юридического, сообщества. В числе этих условий следует выделить формирование эффективной нормативной базы, регламентирующей механизм создания, деятельности и ликвидации бизнес-структур различных организационно-правовых форм, а также их судебную и внесудебную защиту. Среди российских юристов, исследовавших в последние годы данные вопросы, следует выделить Г. Б. Зубовского [2], Г. А. Мантул [3], Е. В. Михайлову [4], С. В. Попову [5].

¹ Igor N. Barannik, Ph.D. (Law), associate Professor of the Department of Corporate and Business Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Barannik I. N. Some issues of participation of the judicial authority in creating conditions for legal protection of business // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 21–30.

Одним из органов, принимающих участие в создании названных условий, является Минюст России и его территориальные органы (ТО), к полномочиям которых отнесены законопроектная деятельность, мониторинг правоприменения, обеспечение единства правового пространства Российской Федерации. Статистические данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют, что с 2011 г. по 2016 г. количество ежегодно рассматриваемых подразделениями министерства проектов федеральных законов Российской Федерации увеличилось в 1,8 раза.

Таблица 1

**Динамика рассмотрения Минюстом России проектов
федеральных законов Российской Федерации в 2011–2016 гг.**

Количество проектов федеральных законов / годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Рассмотрено департаментами Минюста России	1616	1704	2207	2319	2614	2886
По результатам рассмотрения подготовлено правовых заключений Минюста России	н/д	н/д	888	627	803	993

Источник: [6].

К примеру, в 2017 г. Минюстом России в рамках законопроектной деятельности проводились разработка и сопровождение проектов федеральных законов о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (в части совершенствования правового регулирования ликвидации юридического лица и др.), в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Помимо этого было рассмотрено порядка 300 первоочередных предложений, поступивших от представителей бизнес-сообщества, послуживших основанием к пересмотру обязательных требований [6]. Данная работа проводится в рамках плановых мероприятий, направленных на подготовку так называемой «регуляторной гильотины», заключающейся в отмене обязательных требований к предпринимателям, которые до 1.02.2020 г. не будут нормативно подтверждены [7].

Ещё одним направлением деятельности органов юстиции является проведение правовой экспертизы действующих нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, затрагивающих в том числе интересы юридических лиц. Как свидетельствуют данные табл. 2, ежегодно в территориальные органы Минюста России поступает свыше 100 тыс. нормативных правовых актов указанных органов. Из них в территориальные органы юстиции, действующие в пределах Дальнево-

сточного федерального округа (ДФО), ежегодно поступает в среднем около 14 тыс. таких актов.

Таблица 2

Динамика проведения Минюстом России и его территориальными органами правовой экспертизы действующих нормативных правовых актов (НПА) субъектов Российской Федерации в 2011–2016 гг.

Количество НПА / годы		2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество НПА, поступивших на экспертизу (всего по РФ)		103896	118790	123901	132998	141634	139116
Из них количество НПА, по которым подготовлено заключений о несоответствии федеральному законодательству	Всего	4426	4971	4608	4850	4261	4564
	В % к поступившему количеству	4,3	4,2	3,7	3,6	3,0	3,3
Количество НПА, поступивших на экспертизу в ТО Минюста РФ в ДФО		11146	11952	13530	14440	14382	14690
Из них количество НПА, по которым подготовлено заключений о несоответствии федеральному законодательству	Всего	559	560	612	728	478	691
	В % к поступившему количеству	5,0	4,7	4,5	6,9	3,3	4,7

Источник: [6].

При этом динамика количества нормативных правовых актов, не соответствующих федеральному законодательству, выявленных органами юстиции российского Дальнего Востока, существенно выше, чем в среднем по России.

К примеру, в Приморском крае значительная доля выявленных территориальным органом юстиции несоответствий касалась игнорирования структурными подразделениями Администрации края требований Федерального закона от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ, запрещающего органам, предоставляющим государственные и муниципальные услуги, требовать от заявителя представления документов и информации или осуществления действий, представление или осуществление которых не

предусмотрено нормативными правовыми актами, регулирующими отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг.

Отдельным направлением деятельности является рассмотрение Минюстом России и его территориальными органами обращений граждан и юридических лиц по вопросам проставления апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации. Анализ статистических сведений за период 2011–2016 гг. (табл. 3) показывает, что их количество в среднем в год составляет соответственно в целом по Российской Федерации – 79 тыс., по Дальневосточному федеральному округу – 2,3 тыс.

Таблица 3

Динамика проставления Минюстом России и его территориальными органами апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации в 2011–2016 гг.

Количество документов, в которых проставлено штампов «апостиль» / годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Минюстом РФ	78814	79090	80014	86397	76623	73349
ТО Минюста РФ в ДФО	2557	2558	2448	2408	1815	2030

Источник: [6].

Не менее важным является участие органов юстиции в реализации полномочий по исполнению международных обязательств по вопросам правовой помощи. В отношениях с государствами дальнего зарубежья по вопросам правовой помощи наиболее востребованной является Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г. [8], которая заменяет собой в отношениях между государствами-участниками Конвенцию по вопросам гражданского процесса 1954 г. в части вручения документов. При этом поручения иностранных судов по данной Конвенции поступают непосредственно в Минюст России, который определён центральным органом для её целей, и направляются в подчинённые ему главные управления для передачи на исполнение компетентным российским судам.

В свою очередь, в соответствии с пунктом 6 Положения, утверждённого приказом Минюста России от 3.03.2014 г. № 25, главные управления получают в установленном порядке непосредственно или через Минюст России от компетентных органов иностранных государств запросы о правовой помощи по гражданским, семейным, уголовным и иным делам и исполняют их либо направляют для организации исполнения в иные органы государственной власти в пределах своего федерального округа, а также направляют в компетентные органы иностранных госу-

дарств непосредственно или через Минюст России запросы о правовой помощи, рассматривают другие обращения в соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации, обеспечивают проверку качества подготовки и предоставление в Минюст России запросов о правовой помощи, поступающих из субъектов РФ, для последующего направления в компетентные органы других государств [9].

При рассмотрении запросов, поступающих в рамках Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, Минюст России, в соответствии с ч. 3 ст. 453 УПК РФ, осуществляет сношения с компетентными органами государств-участников по вопросам, связанным с работой всех судов, за исключением Верховного Суда Российской Федерации. Как видно из табл. 4, в Минюст России ежегодно из компетентных органов иностранных государств поступает от 60 до 67 тыс. запросов о правовой помощи, в т. ч. судебных поручений и ходатайств о признании судебных решений. В территориальные органы Минюста России, действующие в пределах Дальневосточного федерального округа, таких запросов ежегодно поступает существенно меньше – от 4,3 до 2,7 тыс.

Таблица 4

Динамика поступления запросов о правовой помощи в Минюст России и его территориальные органы в Дальневосточном федеральном округе из компетентных органов иностранных государств в 2012–2016 гг.

Количество запросов о правовой помощи/ годы	2012	2013	2014	2015	2016
Поступило в Минюст РФ из компетентных органов иностранных государств (всего):	64401	60871	59942	67929	64483
В т. ч. судебных поручений: Из них возвращено:	22217 1972	22454 2303	20874 2278	20511 2222	18513 2080
В т. ч. ходатайств о признании судебных решений: Из них возвращено:	6641 208	6511 140	7378 114	9090 174	8364 139
Поступило в ТО Минюста РФ в ДФО из компетентных органов иностранных государств (всего)	4311	3869	3150	3172	2694
В т. ч. судебных поручений (всего): Из них возвращено:	1068 80	1097 79	829 64	691 63	523 25
В т. ч. ходатайств о признании судебных решений (всего): Из них возвращено:	1531 29	1137 18	1261 25	1544 29	1293 20

Источник: [6].

При этом количество поступающих запросов российских органов в компетентные органы иностранных государств с 2012 г. по 2016 г. (табл. 5) увеличилось в целом по России – в 1,9 раза (с 75 409 до 140 202), в ДФО – в 1,4 раза (с 2 695 до 3 745).

Таблица 5

Динамика поступления запросов о правовой помощи в Минюст России и его территориальные органы в Дальневосточном федеральном округе в адрес компетентных органов иностранных государств в 2012–2016 гг.

Количество запросов о правовой помощи/ годы	2012	2013	2014	2015	2016
Поступило в Минюст РФ запросов в адрес компетентных органов иностранных государств (всего):	75409	86623	106124	130875	140202
В т.ч. судебных поручений:	10628	11092	11976	13788	16995
Из них возвращено:	1388	1287	1564	1752	1822
В т.ч. ходатайств о признании судебных решений:	3636	3634	4798	6176	6670
Из них возвращено:	562	515	569	813	807
Поступило в ТО Минюста РФ в ДФО запросов в адрес компетентных органов иностранных государств (всего):	2695	3235	2744	3913	3745
В т.ч. судебных поручений (всего):	523	499	331	321	351
Из них возвращено:	84	66	57	53	52
Поступило в ТО Минюста РФ в ДФО запросов в адрес компетентных органов иностранных государств ходатайств о признании судебных решений (всего):	154	172	96	118	113
Из них возвращено:	25	29	26	17	18

Источник: [6].

Как показывает практика, одной из проблем на данном направлении работы остается некачественная подготовка компетентными органами документов о правовой помощи ввиду недостаточного знания требований соответствующих Конвенций и двусторонних международных договоров [10, с. 18–19].

Так, количество ежегодных возвратов судебных поручений, поступивших в Минюст России в период с 2012 г. по 2016 г. из компетентных органов иностран-

ных государств, превышает 2,1 тыс., возвратов ходатайств о признании судебных решений существенно меньше – 155.

О снижении качества направленных запросов о правовой помощи российскими субъектами в целом по России в последние годы свидетельствуют данные табл. 5. С 2012 г. по 2016 г., несмотря на принимаемые органами юстиции меры, количество возвратов судебных поручений, подготовленных в адрес компетентных органов иностранных государств, выросло в целом по Российской Федерации на 31% (с 1 388 в 2012 г. до 1 822 в 2016 г.), возвратов ходатайств о признании судебных решений – на 43% (с 562 в 2012 г. до 1 822 в 2016 г.). В Дальневосточном федеральном округе сложилась несколько иная тенденция. За этот же период количество возвратов судебных поручений, подготовленных российскими субъектами в адрес компетентных органов иностранных государств, снизилось на 61% (с 84 до 52), а количество возвратов ходатайств о признании судебных решений – на 38% (с 25 до 18).

Например, типичными нарушениями при осуществлении правовой помощи по Конвенции 1965 г. являются некорректное оформление документов, подлежащих вручению, а также неправильное составление свидетельства, подтверждающего факт вручения документов получателю, нарушение порядка сношений при пересылке поручений, отсутствие перевода на язык запрашиваемого государства.

Как отмечают эксперты из числа работников органов юстиции, снижению количества возвратов указанной категории запросов способствует работа территориальных органов юстиции с судьями, специалистами федеральных, региональных структур, а также нотариата, задействованными в процессе подготовки таких запросов за рубеж либо исполнения запросов иностранных компетентных органов. Это и подготовка обзоров с анализом типичных нарушений, и индивидуальное консультирование, и проведение семинаров для представителей судейского, нотариального сообществ, расположенных в пределах Дальневосточного федерального округа.

Как представляется, улучшение качества работы на данном направлении деятельности будет способствовать повышению уровня защищённости конституционных прав граждан, в том числе предпринимателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Форум «Малый бизнес – национальный проект!» [Электронный ресурс] : Президент выступил на пленарном заседании ежегодного форума Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» «Малый бизнес – национальный проект!». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/58879>.

2. Зубовский, Г. Б. Гражданско-правовая защита прав предпринимателей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Г. Б. Зубовский. – М., 2002. – 163 с.

3. Мантул, Г. А. Судебная защита предпринимательской деятельности в международном праве // Юристъ-Правоведъ. – 2014. – № 4. – С. 22–26.
4. Михайлова, Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Михайлова. – М., 2013. – 400 с.
5. Попова, С. В. Защита прав предпринимателей по российскому и германскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Попова. – Ставрополь, 2006. – 174 с.
6. Основные итоги деятельности Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/osnovnyye-itogi-deyatelnosti-ministerstva-yusticii>.
7. Трунина, А. Медведев решил облегчить жизнь бизнесу с помощью «регуляторной гильотины» [Электронный ресурс] / А. Трунина, А. Фейнберг // Политика. – 2019. – 15 января. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2019/5c3db3479a79470744faeb35>.
8. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15 ноября 1965) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120864/.
9. Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации и Перечня главных управлений Министерства юстиции Российской Федерации по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Минюста России от 3 марта 2014 г. № 25 (ред. от 14 января 2019 г.). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160496/.
10. Баранник, И. Н. Практика реализации Минюстом России и его территориальными органами полномочий по исполнению обязательств по вопросам правовой помощи / И. Н. Баранник, Т. А. Дядюк // Международное сотрудничество по правовым вопросам стран Центральной и Юго-Восточной Азии: теория и практика : сборник материалов международных встреч. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2016. – С. 11–21.

REFERENCES

1. *Forum «Small business is a national project!»: The President spoke at the plenary session of the annual forum of the MAINSTAY Russia All-Russian Public Organization of Small and Medium-Sized Business «Small business is a national project!»*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/58879> (accessed 12 May 2018). (In Russian).
2. Zubovskii G.B. *Grazhdansko-pravovaya zashchita prav predprinimatelei v Rossiiskoi Federatsii* [Civil-law protection of the rights of entrepreneurs in the Russian Federation]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2002. 163 p.

3. Mantul G.A. *Sudebnaya zashchita predprinimatel'skoi deyatel'nosti v mezhdunarodnom prave* [Judicial protection of entrepreneurial activity in international law]. *Yurist"-Pravoved"*, 2014, no. 4, pp. 22–26.

4. Mikhailova E.V. *Protsessual'nye formy zashchity sub"ektivnykh grazhdanskikh prav, svobod i zakonnykh interesov v Rossiiskoi Federatsii* [Procedural forms of protection of subjective civil rights, freedoms and legitimate interests in the Russian Federation]. Diss. Dr. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2013. 400 p.

5. Popova S.V. *Zashchita prav predprinimatelei po rossiiskomu i germanskomu pravu* [Protecting the Rights of Entrepreneurs under Russian and German Law]. Dis. Cand. (Legal Sci.). Synopsis. Stavropol', 2006. 174 p.

6. *Main results of the activities of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Website of the Ministry of Justice of Russia.* Available at: <https://minjust.ru/ru/osnovnyeyetogi-deyatelnosti-ministerstva-yusticii> (accessed 20 May 2018). (In Russian).

7. Trunina A., Feinberg A. Medvedev reshil oblegchit' zhizn' biznesu s pomoshch'yu «regulyatornoi gil'otiny» [Medvedev decided to make life easier for business with the help of the «regulatory guillotine»]. *Politika*, 2019, January 15. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2019/5c3db3479a79470744faeb35> (accessed 20 August 2018).

8. *Convention on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters (concluded in Hague on November 15, 1965).* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120864/ (accessed 20 August 2018). (In Russian).

9. *On approval of the Regulation on the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation by subject (s) of the Russian Federation and the List of main departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation by subjects of the Russian Federation: Order of the Ministry of Justice of Russia dated March 3, 2014 No. 25 (ed. from January 14, 2019).* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160496/ (accessed 20 August 2018). (In Russian).

10. Barannik I.N., Dyadyuk T.A. *Praktika realizatsii Minyustom Rossii i ego territorial'nymi organami polnomochii po ispolneniyu obyazatel'stv po voprosam pravovoi pomoshchi* [Practice of the implementation by the Ministry of Justice of Russia and its territorial bodies of authority to fulfill obligations on legal assistance]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po pravovym voprosam stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Azii: teoriya i praktika: sbornik materialov mezhdunarodnykh vstrech* [International cooperation on legal issues in Central and Southeast Asia: theory and practice: a collection of materials of international meetings]. Vladivostok: Publ. House of Vladivostok St. Univ. of Economics and Service, 2016, pp. 11–21/.

УДК 346.546

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/31-42

А. В. Даниловская¹

Хабаровский государственный университет экономики и права,

г. Хабаровск, Россия

E-mail: d_a_v@list.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ, ЦЕЛЯХ И ПРИНЦИПАХ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация. Предмет, цели и принципы законодательства, направленного на защиту конкуренции, представляют собой те правовые основы, от содержания, толкования и практического применения которых зависит эффективность закона, а также успех всей государственной конкурентной политики РФ. ФЗ «О защите конкуренции» играет важную роль в экономике страны, т.к. определяет правовые и организационные основы защиты конкуренции. Однако, будучи основным специальным правовым документом по противодействию посягательствам на конкуренцию, названный закон не только не содержит чётких и понятных положений о его предмете и целях, но и не предусматривает принципы, на которых бы строилась защита конкуренции в стране. Пробел в законодательном определении предмета ФЗ «О защите конкуренции» отражается на его содержании, которое имеет исключительно публичный характер, в то время как в конкурентной борьбе важное значение имеет соблюдение частных интересов субъектов экономической деятельности. Абстрактность правовых положений о целях закона сказывается на том, как сформулированы направления государственной конкурентной политики страны – они ориентированы на поддержку и развитие конкуренции, без учета потребностей в реформировании системы защиты добросовестных конкурентных отношений. Отсутствие принципов защиты конкуренции тормозит становление эффективного антимонопольного правоприменения, что проявляется в неверном понимании субъектами положений ФЗ «О защите конкуренции», принятии противоречивых судебных актов. В статье предпринята попытка критического анализа некоторых концептуальных положений Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006.

¹ Анна Владимировна Даниловская, кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права, г. Хабаровск, докторант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Даниловская А.В. К вопросу о предмете, целях и принципах защиты конкуренции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 31–42.

Ключевые слова: предмет, цели, принципы защиты конкуренции; правовые основы защиты конкуренции; баланс частных и публичных интересов; принцип запрета картелей.

A. V. Danilovskaya¹

Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia

E-mail: d_a_v@list.ru

THE SUBJECT, OBJECTIVES AND PRINCIPLES OF COMPETITION PROTECTION

Abstract. The subject, goals and principles of legislation aimed at protecting competition are the legal framework; the effectiveness of the law and the success of the entire state competition policy depend on the content, interpretation and practical application of this area. The Federal Law “On Protection of Competition” plays an important role in the country's economy, since it defines the legal and organizational framework for the protection of competition. However, being the main special legal document on countering encroachment on competition, this law neither defines clear and understandable provisions on its subject and goals nor provides the principles of protecting competition in the country. The gap in the legislative definition of the subject of the Federal Law “On Protection of Competition” is reflected in its content, which is of an exclusively public nature, whereas competition requires respecting the private interests of economic actors. The abstract nature of the legal provisions on the objectives of the law affects the way the country's state competition policy is formulated – it is focused on supporting and developing competition, without taking into account the need to reform the system of ensuring fair competition. The lack of principles for the protection of competition inhibits the development of effective antitrust law enforcement, which is manifested in the subjects' misunderstanding of the provisions of the Federal Law “On Protection of Competition” and the adoption of conflicting judicial acts. The article attempts to critically analyze some of the conceptual provisions of the Federal Law No. 135-FZ “On Protection of Competition” dated July 26, 2006.

Keywords: subject, goals, principles of competition protection; legal framework for the protection of competition; balance of private and public interests; cartel ban principle.

¹ Anna V. Danilovskaya, PhD in Law, Associate Professor at the Law Faculty of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, doctoral candidate of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Danilovskaya A.V. The subject, objectives and principles of competition protection // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 31–42.

Правовые основы защиты конкуренции содержатся в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О защите конкуренции» (далее – ФЗ «О защите конкуренции») [1], который определяет критерии допустимого и недопустимого поведения участников экономической деятельности в конкурентной среде, основания и пределы деятельности антимонопольного органа. Указанный закон, являясь основным рабочим нормативным правовым актом, направленным на борьбу с любыми посягательствами на конкуренцию, в то же время содержит лишь примерное описание своего предмета, не имеет ясных целей и не основывается на каких-либо чётких принципах такой борьбы. В научной литературе данной проблеме уделяется недостаточное внимание, а многочисленные изменения указанного закона связаны с терминологией и конкретными мероприятиями по защите конкуренции. Между тем анализ судебной и антимонопольной практики свидетельствует нередко о принципиальном непонимании субъектами правоприменения его основных идей, с чем, отчасти, связано большое количество нарушений в сфере конкуренции.

Из ст. 1 ФЗ «О защите конкуренции» «Предмет и цели настоящего федерального закона» следует, что его предметом является определение организационных и правовых основ защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения: 1) монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; 2) недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком РФ.

Приведённое определение предмета закона представляется неудачным, т.к. под предметом, т.е. тем, на что направлен закон для осуществления правового воздействия, традиционно понимается определённая сфера общественных отношений, в то время как организационные и правовые основы защиты конкуренции сами по себе не подлежат правовому регулированию.

Защита конкуренции осуществляется в рамках охранительных правоотношений с участием соответствующих органов власти, а также иных лиц, заинтересованных в соблюдении как частных, так и публичных правомерных интересов при осуществлении хозяйствующими субъектами экономической деятельности. Как таковая защита конкуренции – это совокупность правовых средств предупреждения, выявления и пресечения противоправного антиконкурентного поведения, устранения его последствий, а также привлечение виновных в осуществлении такой деятельности лиц к ответственности. Применение указанных средств является прерогативой уполномоченных на то органов государственной власти, в частности, антимонопольных. В свою очередь, предмет защиты (не предмет закона) – это то,

на что направлена соответствующая деятельность антимонопольных органов или иных уполномоченных органов, т.е. – конкуренция, как необходимый элемент рыночной экономики, сохранять который является задачей государства.

В конкуренции, в первую очередь, исходя из основных правовых начал, закреплённых в Конституции РФ, заинтересовано само государство, признающее экономическую важность конкуренции и гарантирующее её поддержку и защиту. В то же время наличие в экономике конкуренции предполагает право любых хозяйствующих субъектов участвовать в ней, используя различные преимущества для достижения своих целей. Противоправное ограничение конкуренции со стороны других экономических агентов влечёт нарушение права на конкуренцию и, как следствие, иные неблагоприятные последствия такого ограничения, в первую очередь, в частно-правовом смысле, затем затрагивающие и публичный аспект. Таким образом, в защите конкуренции проявляется как публичный, так и частный интерес.

При этом нужно иметь в виду, что защита конкуренции предполагает не только соблюдение баланса интересов – государства и хозяйствующих субъектов – потенциальных участников конкурентных отношений, но и их взаимозависимость. Публичный интерес государства в существовании добросовестной конкуренции обусловлен необходимостью поддержания общественного благосостояния, эффективной экономики. Это, в свою очередь, достигается посредством реализации хозяйствующими субъектами своего субъективного права осуществлять предпринимательскую деятельность, добросовестно конкурируя с другими хозяйствующими субъектами, используя различного рода преимущества. Реализация этого права всецело зависит от состояния конкурентной среды, обеспечение надлежащего уровня которой является задачей государства. То есть реализация публичного интереса в отношении конкуренции является в определённой мере зависимой от того, насколько полно и эффективно хозяйствующие субъекты используют свое право конкурировать и используют ли вообще, и наоборот – состояние конкурентной среды влияет на возможность хозяйствующих субъектов добросовестно конкурировать друг с другом.

Следовательно, защите подлежит как публичный интерес государства в существовании конкуренции в экономике страны, так и частный интерес хозяйствующих субъектов, заключающийся в праве на конкуренцию, как два фактора, влияющие друг на друга, и от которых зависит существование конкуренции в целом. Вследствие этого предмет защиты конкуренции можно рассматривать двояко. В широком смысле под предметом защиты понимается сама конкуренция как некое нематериальное благо, ценность которого признана Конституцией РФ. В узком смысле предметом защиты конкуренции является право хозяйствующих субъектов осуществлять предпринимательскую деятельность, добросовестно конкурируя друг с другом, с целью достижения целей своей деятельности.

И первое, и второе составляют понятие объекта правоотношений, регулировать которые призван соответствующий закон. Таким образом, предмет рассматриваемого закона можно определить как общественные отношения, возникающие в связи с защитой конкуренции и опосредованных ею прав участников экономической деятельности. В связи с этим представляется, что, по сути, предмет ФЗ «О защите конкуренции» больше нашёл своё проявление не в ст. 1, а в ст. 3 «Сфера применения настоящего Федерального закона», в которой сказано: «Настоящий Федеральный закон распространяется на отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, и в которых участвуют российские юридические лица и иностранные юридические лица, организации, федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, иные осуществляющие функции указанных органов или организации, а также государственные внебюджетные фонды, Центральный банк РФ, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели».

Цели, как правовая основа защиты конкуренции, также определены в ст. 1 ФЗ «О защите конкуренции». В частности, в ней сказано, что закон направлен на обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защиту конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков. Перечисленные цели во многом совпадают с конституционными гарантиями, содержащимися в ст. 8 Конституции РФ.

Однако необходимо отметить, что, за исключением цели защиты конкуренции, остальные цели выглядят слишком абстрактно, так как их достижение обеспечивается не только и не столько ФЗ «О защите конкуренции», как рядом нормативных правовых актов гражданского, таможенного, налогового, административного, уголовного законодательства. С позиции юридической техники сформулированные законодателем цели ФЗ «О защите конкуренции» не выдерживают никакой критики. Проведённое А. Я. Рыженковым исследование соответствия целей таким критериям, как социальная значимость, правовая определённость и реалистичность, показало их несостоятельность [2, с. 73–78].

Сама по себе цель определяется как ключевое понятие в концепциях, описывающих поведение человека или другой сложной органической системы, характеризующейся представлением о состоянии, к которому стремится данная система и ради чего она существует [3]. Следовательно, цель защиты конкуренции можно определить как достижение такого состояния конкуренции, когда, во-первых, не происходит каких-либо нарушений прав её участников, во-вторых, она становится эффективной. И первое, и второе в большой мере зависит от конкурентной стратегии поведения самих хозяйствующих субъектов, а также от выбранных средств

государственного воздействия на экономику и поведения участников экономической деятельности, в первую очередь антимонопольного характера. Как отмечается в научных источниках, последнее не только существенно влияет на конкурентоспособность хозяйствующих субъектов, оказавшихся в результате таких мер в невыгодном положении как на внутреннем, так и на внешнем рынке [4, с. 11], но и ведёт к снижению благосостояния общества [5, с. 53–54].

При этом полагаем, что цели закона и цели собственно защиты конкуренции – не одно и то же, хотя последние должны предусматриваться правовыми актами. Анализ действующих актов, определяющих направления государственной конкурентной политики [6; 7], не позволил чётко выделить цели именно защиты конкуренции. Исходя из анализа ФЗ «О защите конкуренции», полагаем, что его цель имеет два направления: первое ориентировано на антиконкурентную деятельность хозяйствующих субъектов, второе – на антиконкурентную деятельность органов власти и управления различных уровней, а также некоторых организаций, обладающих управленческими функциями. Закон предусматривает соответствующие меры противодействия этим противоправным формам поведения, следовательно содержание закона может отражать его истинные цели. Однако эти меры рационально не соотносятся с целями, указанными в ст. 1 названного закона.

Из вышеизложенного следует, что, собственно, как таковых специальных целей, ради которых ФЗ «О защите конкуренции» был принят, законодатель в нём не предусмотрел.

Также трудно переоценить значение принципов в законе – они отражают его сущность, определяют направления его толкования и применения, являются системообразующими элементами. Все положения закона, решения, принимаемые на их основе антимонопольными органами, должны соответствовать принципам. В отсутствие правовых норм, способных урегулировать правовую ситуацию, именно принципы могут быть положены в основу решения. Однако с принципами ФЗ «О защите конкуренции» дело обстоит ещё хуже, чем с целями – они вовсе отсутствуют.

В то же время принципы конкуренции содержатся в международных актах – утратившем силу Соглашении о единых принципах и правилах конкуренции (Москва, 9 декабря 2010 г.) [8] (далее – Соглашение) и заменившем его Договоре о Евразийском Экономическом Союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) [9] (далее – Договор о ЕАЭС). Первоначально единые принципы конкуренции были предусмотрены в Соглашении и имели свои названия. Договор о ЕАЭС заимствовал принципы конкуренции из Соглашения, но при этом они утратили свои названия, что представляется неверным шагом его разработчиков. В частности, речь идёт о таких принципах, как принцип равенства в применении норм конкурентного законодательства, принцип недопустимости антиконкурентных действий органов власти, принцип обеспечения эффективного контроля за экономической концентрацией, принцип эффек-

тивного администрирования (наличие в стране антимонопольного органа с соответствующими полномочиями), принцип эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий, принцип информационной открытости, принцип эффективного сотрудничества.

Между тем, в указанных актах международного характера речь идёт не о принципах конкуренции, а, скорее, о принципах конкурентной политики ЕАЭС, в том числе по её защите, так как их содержание отражает правовые и организационные аспекты предполагаемой реакции стран-участниц на антиконкурентное поведение хозяйствующих субъектов и органов власти.

Перечисленные принципы могли бы быть включены в ФЗ «О защите конкуренции» с адаптацией их содержания для внутригосударственного применения в целях защиты конкуренции. Так, принцип эффективного сотрудничества может предполагать соответствующее взаимодействие всех органов власти, включая правоохранительные, и местного самоуправления с антимонопольными органами.

В научной литературе мало внимания уделяется проблеме отсутствия принципов в антимонопольном законодательстве. В то же время отдельными исследователями [10, с. 63; 2, с. 86] выделяется принцип экономической обоснованности, который, по мнению А. Я. Рыженкова, замещает гражданско-правовой принцип свободы договора. Как полагает автор, одной из форм проявления указанного принципа является право субъектов, занимающих доминирующее положение на рынке, совершать определённые виды действий лишь при наличии объективных экономических условий, а также представлять это обоснование в рамках антимонопольного разбирательства [2, с. 95] (ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции»). Однако, следует отметить, такое право вытекает из анализа и других статей закона, связанных с поведением хозяйствующих субъектов – ст. 11. 11.1. Применительно к согласованным действиям, несмотря на их схожесть с соглашениями, всё же не приходится говорить о связи поведения соответствующих субъектов с принципом свободы договора – здесь действуют иные правила, так как, согласно ст. 8 ФЗ «О защите конкуренции», при согласованных действиях соглашение отсутствует.

Как справедливо отмечено А. Я. Рыженковым, принцип экономической обоснованности упоминается в ФЗ «О защите конкуренции» в разных контекстах, обладая как материально-правовым, так и процессуальным характером [2, с. 86]. Причём речь идет не только о рассматриваемом праве хозяйствующих субъектов, но и органов власти и управления, необоснованность действий которых может стать предметом внимания антимонопольных органов (ст. 15, 16). Когда субъектами выступают органы власти и управления, то имеет место реализация ими властных полномочий в рамках закона – функций контроля, надзора, лицензирования. В ситуации несоответствия деятельности хозяйствующего субъекта или их товара требованиям закона, органы власти имеют правовое обоснование препятствовать такой деятельности.

Последнее утверждение в равной степени касается и антимонопольных органов при осуществлении ими функции контроля, например, за экономической концентрацией или при принятии решений о принудительной реорганизации юридических лиц, нарушивших ФЗ «О защите конкуренции», а также при привлечении к ответственности и реализации административных процедур в рамках рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Таким образом, принцип экономической обоснованности, пронизывая многие положения ФЗ «О защите конкуренции», предопределяет правомерность поведения хозяйствующих субъектов и органов власти и управления при реализации властных полномочий. Необходимо отметить, что упоминание в законе термина «экономическая обоснованность» предполагает проведение экономического анализа, который в настоящее время предусмотрен Приказом ФАС от 28 апреля 2010 г. № 220 (ред. от 20 июля 2016 г.) «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» [11]. Однако методология этого экономического анализа далека от совершенства [5, с. 137; 12, с. 62; 13, с. 12]. И эта проблема неизбежно касается вопроса признания обоснованным или необоснованным поведения хозяйствующих субъектов, а также принятия антимонопольными органами решений по вопросам ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Полагаем, следует принимать во внимание выводы и предложения тех экономистов, которые посвятили свои научные труды исследованию этой проблемы – использовать в качестве методов оценки состояния конкуренции и другие методы, которые позволят максимально точно проводить соответствующий анализ. И хотя внедрение таких предложений может повлечь увеличение издержек на их осуществление, в приоритете должна оставаться всесторонняя и объективная оценка поведения хозяйствующих субъектов ради принятия антимонопольными органами справедливого решения по каждому случаю.

Другими правилами, имеющими принципиальное значение для фактических целей ФЗ «О защите конкуренции», является установление государством абсолютного запрета некоторых горизонтальных соглашений (в частности, картелей) и условий допустимости соглашений, согласованных действий, сделок и иных действий. Первое известно в антимонопольном законодательстве многих стран (и заимствованное российским законодателем) как правило «per se», означающее абсолютный запрет горизонтальных соглашений, для признания противоправности которых не требуется проведения оценки их влияния на конкуренцию в частности и на общественное благосостояние в целом. Следует заметить, что в отсутствие соответствующего принципа в законе, отражающего отрицательную государственную позицию в отношении картелей, данный запрет, сформулированный в ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции», не выглядит явным, о чём свидетельствует судебная

практика [14; 15; 16]. Поэтому важно среди иных принципов ФЗ «О защите конкуренции» выделять принцип абсолютного запрета картелей. Представляется, что это не только положительно отразится на понимании смысла ФЗ «О защите конкуренции», восприятии концепции государственной конкурентной политики, но и повысит эффективность правоприменения в борьбе с картелями.

Допустимость соглашений, согласованных действий, сделок и иных действий представляет собой исключение из общего запрета на антиконкурентное поведение. Они признаются допустимыми во многих случаях, перечисленных в ст. 12 и ст. 13, в частности, когда соглашения являются договорами коммерческой концессии, а также когда они не влекут возможность для отдельных лиц устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке, не налагают на их участников или третьих лиц ограничения, не соответствующие достижению целей таких действий (бездействий). При особых обстоятельствах правила о допустимости распространяются и на договоры о совместной деятельности. Кроме этого, Правительство РФ вправе определять условия допустимости соглашений.

Появление правил допустимости поведения свидетельствует о лояльности государственной конкурентной политики и разумном компромиссе в вопросе соблюдения баланса частных и публичных интересов. Представляется целесообразным рассматривать допустимость как один из принципов ФЗ «О защите конкуренции».

Перечисленные выше принципы, а в особенности экономическая обоснованность, абсолютность запрета картелей и допустимость соглашений, согласованных действий, сделок и иных действий, отражают в себе сочетание частных и публичных интересов, которое является целью государственного регулирования экономической деятельности.

Таким образом, предмет, цели и принципы ФЗ «О защите конкуренции», являясь первоосновами в регулировании соответствующих отношений, закладывают фундамент правового воздействия на поведение субъектов экономической деятельности. От того, насколько чётко и содержательно они сформулированы, зависит качество и эффективность всей государственной конкурентной политики. Отсутствие такового вносит нестабильность как в гражданский оборот, так и в систему мер, направленных на поддержку и защиту конкуренции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О защите конкуренции [Электронный ресурс] : федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. 27 декабря 2018 г.). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/.
2. Рыженков, А. Я. Право и монополии в современной России : монография / А. Я. Рыженков. – М. : Юстицинформ, 2017. – 208 с.

3. Цель [Электронный ресурс] // Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terme.ru/termin/cel.html>.
4. Падисов, С. Г. Монополии и антимонополистическая политика: тенденции развития в современной экономике : дис. ... канд. экон. наук / С. Г. Падисов. – Петрозаводск, 2006. – 214 с.
5. Петров, С. П. Влияние институтов антимонопольного регулирования на поведение доминирующих хозяйствующих субъектов : дис. ... канд. экон. наук / С. П. Петров. – Новосибирск, 2016. – 242 с.
6. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018–2020 годы [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 августа 2018 г. № 1697-р. – Режим доступа: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-16.08.2018-N-1697-r/>.
7. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 618. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/42622>.
8. Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 5. – Ст. 545.
9. Договор о Евразийском Экономическом Союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 11 апреля 2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/.
10. Кудрявцев, К. А. Методические аспекты доказательств экономически необоснованного установления монополистом различных цен на один и тот же товар // Современная конкуренция. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 61–69.
11. Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке : приказ Федеральной антимонопольной службы от 28 апреля 2010 г. № 220 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 34.
12. Симанченко, М. Г. Институциональный механизм локализации слабой конкуренции на отраслевых рынках России : дис. ... канд. экон. наук / М. Г. Симанченко. – Ростов н/Д., 2015. – 207 с.
13. Каменева, П. В. Правовое регулирование ограничения монополистической деятельности на рынке товаров, работ и услуг : дис. ... канд. юрид. наук / П. В. Каменева. – Краснодар, 2008. – 184 с.
14. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 14 октября 2009 г. по делу № А27-12323/2009 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/>.

15. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 18 сентября 2013 г. по делу № А12-6733/2013 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/>.

16. Постановление от 30 октября 2017 г. по делу № А40 175855/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/>.

REFERENCES

1. *On protection of competition: Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ* (as amended on December 27, 2018). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (accessed 28 December 2018). (In Russian).

2. Ryzhenkov A.Ya. *Pravo i monopolii v sovremennoi Rossii* [Law and monopolies in modern Russia]. Moscow: Yustitsinform Publ., 2017. 208 с.

3. *Target. National Philosophical Encyclopedia* Available at: <http://terme.ru/termin/cel.html> (accessed 10 January 2019). (In Russian).

4. Padisov S.G. *Monopolii i antimonopoliticheskaya politika: tendentsii razvitiya v sovremennoi ekonomike* [Monopolies and Anti-Monopoly Policy: Development Trends in the Modern Economy]. Cand. Diss. (Econ. Sci.). Petrozavodsk, 2006. 214 p.

5. Petrov S.P. *Vliyanie institutov antimonopol'nogo regulirovaniya na povedenie dominiruyushchikh khozyaistvuyushchikh sub"ektov* [The influence of the institutions of antimonopoly regulation on the behavior of the dominant economic entities]. Cand. Diss. (Econ. Sci.). Novosibirsk, 2016. 242 p.

6. *On approval of the plan of measures («road map») for the development of competition in the sectors of the economy of the Russian Federation and the transition of certain areas of natural monopolies from the state of natural monopoly to the state of a competitive market for 2018–2020: Decree of the Government of the Russian Federation of August 16, 2018 No. 1697-p*. Available at: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-16.08.2018-N-1697-r/> (accessed 31 November 2018). (In Russian).

7. *On the main directions of state policy on the development of competition: Decree of the President of the Russian Federation of December 12, 2017 No. 618*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/42622> (accessed 01.15.2018) (In Russian).

8. Agreement on common principles and rules of competition. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 5, art. 545 (In Russian).

9. *Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on May 29, 2014) (as amended on April 11, 2017)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed 16 January 2015). (In Russian).

10. Kudryavtsev K.A. *Metodicheskie aspekty dokazatel'stv ekonomicheskii neobosnovannogo ustanovleniya monopolistom razlichnykh tsen na odin i tot zhe tovar* [Meth-

odological Aspects of Evidence of the Economically Unjustified Establishment by the Monopolist of Different Prices for the Same Item]. *Sovremennaya konkurenciya*, 2015, vol. 9, iss. 2, pp. 61–69.

11. On approval of the Procedure for analyzing the state of competition in the commodity market: Federal Antimonopoly Service Order No. 220 of April 28, 2010. *Bulletin of normative acts of federal executive bodies*, 2010, no. 34. (In Russian).

12. Simanchenko M.G. *Institutsional'nyi mekhanizm lokalizatsii slaboi konkurencii na otraslevykh ryunkakh Rossii* [Institutional mechanism for localization of weak competition in the industrial markets of Russia]. Cand. Diss. (Econ. Sci.). Rostov-on-Don, 2015. 207 с.

13. Kameneva P.V. *Pravovoe regulirovanie ogranicheniya monopolisticheskoi deyatel'nosti na rynke tovarov, rabot i uslug* [Legal regulation of the restriction of monopolistic activity in the market of goods, works and services]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Krasnodar, 2008. 184 p.

14. *The decision of the Arbitration Court of the Kemerovo Region of October 14, 2009 on case No. A27-12323/2009. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. Available at: <http://sudact.ru/arbitral/doc/> (accessed 12 December 2018). (In Russian).

15. *The decision of the Arbitration Court of the Volgograd Region of September 18, 2013 in case No. A12-6733/2013. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. Available at: <http://sudact.ru/arbitral/doc/> (accessed 12 December 2018). (In Russian).

16. *Resolution of October 30, 2017 on case No. A40 175855/2016. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. Available at: <http://sudact.ru/arbitral/doc/> (accessed 12 December 2018). (In Russian).

УДК 343.575

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/43-54

К. С. Голохваст¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: golokhvast.ks@dvfu.ru

А. И. Ролик²

Законодательное собрание Приморского края, г. Владивосток, Россия

E-mail: chairman@zspk.gov.ru

ПРЕДМЕТЫ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ХИМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. Количество преступлений, совершаемых в сфере оборота наркотиков, не демонстрирует тенденции к значительному уменьшению. Статистические данные показывают, что численное количество наркопреступлений колеблется в пределах, не позволяющих говорить об успехах в сфере борьбы с ними. Темпы прироста или падения, как правило, объясняются изменениями в законодательстве. Особенно отчётливо это видно на примере судебной статистики по числу вынесенных приговоров, а также видам и пределам назначенных наказаний. Всё это обуславливает необходимость неуклонного повышения темпов и масштабов борьбы с наркопреступлениями, в особенности на территории Дальневосточного федерального округа. При этом следует учитывать тот факт, что уголовная ответственность в сфере наркооборота зависит от так называемых неюридических свойств наркотического вещества, которые так же, как и юридические, составляют неотъемлемую характеристику веществ. Само понятие «наркотическое средство» является собирательным, включающим вещество и его препарат, независимо от того, изготовлен он промышленным либо кустарным способом. В данной статье предложено практическое решение, позволяющее определить наличие либо отсутствие предмета преступления в его составе, даже когда само вещество, наделяемое этими признаками,

¹ Кирилл Сергеевич Голохваст, доктор биологических наук, профессор, проректор по научной работе Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

² Александр Иванович Ролик, кандидат юридических наук, доцент, председатель Законодательного собрания Приморского края, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Голохваст К.С., Ролик А.И. Предметы наркопреступлений: юридическая характеристика, химическая природа, способы идентификации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 43–54.

отсутствует. Такое может случиться, если, к примеру, имела место попытка уничтожить следы совершённого преступления или место преступления. Исследователями получены результаты, свидетельствующие о возможности применения фитолитного анализа как достоверного способа определения и подтверждения обнаружения частей наркотикосодержащих растений на месте преступления, что, в свою очередь, позволит практически немедленно сделать вывод о наличии в составе преступления его предмета.

Ключевые слова: инновационные методы в анализе предмета преступления, наркотизм, незаконный оборот наркотиков, фитолитный анализ, каннабиноиды, экспертная деятельность, фитолиты, борьба с незаконным оборотом наркотиков.

Kirill S. Golokhvast¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: golokhvast.ks@dvfu.ru

Alexander I. Rolik²

Legislative Assembly of Primorskiy Kray, Vladivostok, Russia,

E-mail: chairman@zspk.gov.ru

**SUBJECTS OF DRUG-TRAFFICING CRIMES:
LEGAL CHARACTERISTICS, CHEMICAL NATURE,
METHODS OF IDENTIFICATION**

Abstract. The number of drug trafficking crimes does not show a tendency for decreasing. Statistics shows that the number of drug crimes varies within the limits that do not allow suggesting the success in the fight process. The rate of growth or decline, as a rule, is explained by amendments in legislation. This can be obviously seen in the example of judicial statistics on the number of sentences handed down, as well as on the types and limits of the sentences imposed. All of that calls for a steady increase in the pace and scope of the fight against drug crimes, especially in the Far Eastern Federal Region of the Russian Federation.

¹ Kirill S. Golokhvast, doctor of biology, professor, vice president for research, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Alexander I. Rolik, candidate of Law, president of Legislative Assembly of Primorskiy Kray, Vladivostok, Russia.

For citing: Golokhvast K.S., Rolik A.I. Subjects of drug-trafficking crimes: legal characteristic, chemical nature, methods of identification // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 43–54.

This should take into account the fact that criminal liability for drug trafficking depends on the so-called non-legal properties of a narcotic substance, which also, like legal ones, constitute an inherent characteristic of substances. The concept of "narcotic substance" is collective, including the substance and its preparation, regardless of whether it is manufactured in an industrial or artisanal way. This article has proposed a practical solution to determine the presence or absence of the subject of the crime in its composition, even when the substance itself, endowed with these signs, is absent. This can happen if, for example, there was an attempt to destroy the traces of the crime or the crime scene. Researchers obtained results indicating that a phytolitic analysis can be used as a reliable method for determining and confirming the detection of parts of narcotic plants at a crime scene, which, in turn, will make it almost immediately possible to prove the commitment of crime.

Key words: innovative methods in analyzing the subject of crime, narcotic substance, drug trafficking, phytolitic analysis, cannabinoids, expert activities, phytoliths, combating drug trafficking.

Многие авторы [2, 3, 4, 5] на протяжении последних пятнадцати лет отмечают единые тенденции развития и существования наркопреступности в Дальневосточном федеральном округе, несмотря на то, что в период с 2014 г. по 2018 г. она не претерпела существенных изменений. Продолжается последовательное снижение зарегистрированных преступных деяний. В общей структуре преступности доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (среднее значение 11,1 %), традиционно выше, чем в целом по России (10,3 %).

В ряде субъектов Российской Федерации, образующих ДФО, зафиксирован ещё более высокий уровень наркопреступности, чем в округе в целом. Так, в 2014–2016 гг. среднее значение данного показателя в Приморском крае достигло 337,8, Магаданской области – 327,9, Еврейской автономной области – 288,6, Амурской области – 256,5, Сахалинской области – 221,1, Камчатском крае – 190,8, что значительно превышает среднероссийский уровень (157,9) [4, с. 62–63].

Эти тенденции наглядно демонстрируются посредством анализа результатов борьбы с наркопреступностью, рассмотренной по годам. Так, в 2007 г. правоохранительными органами было изъято более 20 кг героина (в 2,5 раза больше по сравнению с предыдущим 2006 г.) и почти 18 кг опия (в 3,4 раза больше), изъято 35,8 кг синтетических наркотических средств, что в 30 раз больше по сравнению с 2006 г. [6, с. 6].

В 2008 г. количество изъятого героина осталось по-прежнему высоким (20 кг 976 г). Было изъято более 19 кг маковой соломки, около 7 кг опия, более 126 кг гашиша и 125 кг гашишного масла. На тонны шёл счёт изъятой марихуаны (7 т 217 кг

941 г), 16 кг 680 г составили сильнодействующие вещества и 2 кг 872 г – психотропные вещества [7, с. 10–29].

Уровень наркопреступности в 2014 г. по ДФО возрос на 28%. В расчёте на 100 тыс. населения в округе было совершено 269,3 наркопреступлений, что на 52,3% выше среднероссийского показателя (176,8). Такой рост уровня наркопреступности обусловлен увеличением числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, их аналогов и прекурсоров на 27,3%. Всего в 2014 г. в Дальневосточном федеральном округе было зарегистрировано 16 760 таких преступлений. В 2014 г. всеми правоохранительными органами было изъято 6 843,5 кг наркотических средств, что на 10,5% меньше показателя предыдущего 2013 г. В 2015 г. отмечается небольшое снижение выявленных правоохранительными органами в ДФО преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – 14 722 [1].

Основным фактором, влияющим на оперативную обстановку в сфере незаконного оборота наркотиков в округе, являются огромные естественные ареалы произрастания дикорастущей конопли, которая служит сырьём для производства наркотических средств каннабиноидного ряда в регионе. В результате в Дальневосточном федеральном округе правоохранительными органами в последние годы в среднем в год изымается порядка 8-9 тонн марихуаны, 300–350 кг гашиша, 100–120 кг гашишного масла.

На территории Дальневосточного региона разброс коэффициентов наркопреступности более значителен как по самым высоким, так и наиболее низким показателям. Практически только четыре-пять его субъектов (Приморский, Хабаровский края, Еврейская автономная, Магаданская и Амурская области) характеризуются высоким уровнем наркотизации населения и криминального наркотизма. Именно на эти районы приходится подавляющее большинство всех наркопреступлений, совершаемых на Дальнем Востоке. В то же время данные тенденции не отличаются стабильностью и в динамике последних лет характеризуются небольшими изменениями в сторону роста или снижения регистрируемых наркопреступлений.

На протяжении 2004–2018 гг. ежегодно основное число зарегистрированных в ДФО преступлений (более 90%) квалифицируется по ст. 228 УК РФ и по ст. 228.1 УК РФ. Однако последовательное изучение статистических показателей демонстрирует неоднозначную динамику. Если в 2007 г. на долю преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, приходилось 40,5% от общего количества зарегистрированных наркопреступлений и 42,9% – на преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ (сбыт), а в 2013 г. эти показатели составляли соответственно 55,6% и 38,1% [3, с. 38], то уже в 2017 г. – 47% и 48% соответственно.

Рассматривая предыдущий период, как и период с 2014 г. по 2018 г., мы обязаны отметить этот факт, причём, по нашему мнению, ошибочно связывать его с

низкой квалификацией правоохранительных органов или неэффективностью уголовной политики борьбы с наркопреступностью в целом, как это делают другие авторы [9]. Высокий процент наркотиков каннабисной группы в общей массе изъятых по возбужденным уголовным делам наркотических веществ объясняется иными, не подвластными борьбе с преступностью, факторами. Традиционно основная масса марихуаны, гашиша, гашишного масла и пр. изымается в регионах, где природно-климатические условия способствуют произрастанию конопли в естественных условиях: в Приморском крае правоохранительными органами в среднем в год изымается порядка 8–9 тонн марихуаны, 300–350 кг гашиша, 100–120 кг гашишного масла [7, с. 10–29]. При этом, судя по материалам уголовных дел и приговоров судов Приморского края, как правило, наркотические средства изымаются в крупном размере*, а общее количество изъятого достигает названных нами значительных чисел путем сложения. Это тоже подтверждает выводы о масштабах наркопреступлений, совершаемых в ДВФО.

Наиболее показательным в этом отношении был 2014 г. Тогда на территории Дальневосточного федерального округа уничтожено 740 очагов дикорастущей конопли общей площадью 2 574,4 (2013 г. – 2 241,8) га, из них 351 (47,4%) – в Амурской области, 210 (28,4%) – в Республике Саха (Якутия). Вес растений, уничтоженных в Амурской области, составил 7 851,6 тонн (90,9% в ДВФО). Ликвидировано 354 незаконно выращенных посевов общей площадью 60,8 (2013 г. – 2,5) га, 99% из которых расположены на территории Приморского края [1].

В целом, в том же 2014 г. уровень наркопреступности по ДВФО возрос на 28%. В расчёте на 100 тыс. населения в округе было совершено 269,3 преступлений этой категории, что на 52,3% выше среднероссийского показателя (176,8). Такой рост уровня наркопреступности обусловлен увеличением числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, их аналогов и прекурсоров на 27,3%. Всего в 2014 г. в Дальневосточном федеральном округе было зарегистрировано 16 760 преступлений.

В 2015 г. было отмечено небольшое снижение выявленных правоохранительными органами в ДФО преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – 14 722 [1]. Наркопреступность на Дальнем Востоке в 2015 г. была представлена следующим образом: в Приморском крае было зарегистрировано 6 494 преступления, связанных с наркотиками; в Республике Саха (Якутия) – 1 067; Хабаровском крае – 2 217; Камчатском крае – 660; Амурской области – 2 162; Магадан-

* Как, например, в следующих делах: Постановление Президиума Приморского краевого суда N 44У-199/2018 от 13.08.2018 г.; Постановление Президиума Приморского краевого суда N 44У-198/2018 от 20.08.2018 г.; Постановление Президиума Приморского краевого суда от 12.11.2018 N 44У-246/2018. Все – Архив Приморского краевого суда за 2018 г.

ской области – 517; Сахалинской области – 1 095; Еврейской автономной области – 485; в Чукотском автономном округе – 25 [1].

В 2016 г. только в Приморском крае было изъято 1188 кг наркотических средств и психотропных веществ, а именно: 12,9 кг наркотиков опийной группы, включая 6,6 кг героина; 232 кг синтетических наркотиков; практически тонна наркотиков каннабисной группы, 922 кг из которых составляла марихуана; и уничтожено 11 578 квадратных метров незаконных посевов наркотикосодержащих растений (в подавляющем большинстве – конопли) [7, с. 10–29].

В 2017 г. общее количество изъятых наркотических средств составило уже 1200 кг, а в общем за совершение преступлений в сфере оборота наркотиков было осуждено 2, 7 тысячи лиц [7, с. 10–29].

Уровень распространённости потребления наркотических веществ по территориям также значительно отличается от аналогичных средних данных по другим регионам страны. Наибольшее число больных наркоманией регистрируется в Приморье, Амурской и Сахалинской областях и в Хабаровском крае. Наименьшее число больных наркоманией отмечается в северных территориях: Республике Саха и Камчатском крае. Это вызывает серьёзную обеспокоенность, поскольку наркотизация претерпевает изменения как в механизме производства, так и в механизме распространения наркотических средств. К примеру, свободная продажа оборудования для выращивания той же конопли и её семян на данном этапе свободно осуществляется через Интернет и не требует каких-либо усилий по организации встреч, ни со стороны продавца, ни со стороны покупателя – потенциального производителя наркотиков каннабисной группы [10].

В связи с этим, становится крайне актуальным создание и применение новых методик исследования наркотик-содержащих растений, в том числе и для определения географического произрастания. Пока географический аспект произрастания устанавливается по факту задержания без доказательной базы [11, с. 326].

Методология применения ботанических и биохимических методов для борьбы с наркотиками давно выросла в самостоятельную дисциплину. В частности, уже есть судебная палинология (палинология – наука, изучающая пыльцевые зёрна и споры) [12], которая позволяет определить вид и сорт растения, оказавшегося на месте преступления, по его пыльце. Также есть перспективный метод фитолитного анализа, который используется палеогеографами и ботаниками [13] и может быть с успехом использован в судебной практике [14, 15].

Мы ведём речь о судебной палинологии – междисциплинарной области знаний о пыльце и спорах, найденных на месте преступления, которая помогает восстановить картину преступления и может быть использована для доказательства преступления [16, с. 163–172].

Пыльца у конопли обычно мелкая (25–30 мкм) и вариабельная [17]. Установлено [18], что, оставаясь жизнеспособной в течение 14 суток, пыльца может перемещаться воздушными массами на расстояние от 5 до 14 километров, преодолевая лесные, речные преграды и населённые пункты.

Определение видов растений с помощью методов палинологии достаточно точное. Для исследования нужен световой микроскоп с увеличением до 600 раз и эксперт, прошедший переподготовку по палинологии (или ботаническим методам исследования).

Можно проводить в рамках судебной экспертизы фитолитный анализ, что позволит более точно охарактеризовать предмет преступления при квалификации [19, 20]. Нами были проведены предварительные работы [21], которые подтвердили возможность и эффективность метода фитолитного анализа для определения места произрастания растения.

Очевидно, что некоторые фитолиты являются видоспецифичными. Извлечение фитолитов проводится по методике Д. Пиперно [20]: образцы листьев сжигаются в течение 2 ч в муфельной печи при температуре 450°C, затем остужаются при комнатной температуре. После этого промываются десятипроцентным раствором HCl, затем концентрированной азотной кислотой и дистиллированной водой. Сами исследования проводятся при помощи программно-аппаратного комплекса, включающего специализированный компьютер, микроскоп AxioScope A1 (Zeiss, Германия), сканер и цифровую видеокамеру AxioCam 3. Для статистики морфометрируются по 150 фитолитов в каждом растении. Определение морфотипов фитолитов проводят по International Code for Phytolith Nomenclature 1.0. [22].

Нами были обнаружено, что фитолиты конопли в разных отделах растения конопли (лист, стебель, соцветие) являются видоспецифичными и могут быть полезны в практике борьбы с преступностью. Это подтверждается наличием чётко выраженных пяти морфотипов и их соотношением.

Также нами проведены исследования фитолитов водорослей из разных географических точек совместно с Национальным Университетом Чоннама (Иэсу, Республика Корея). Результаты полностью подтверждают возможность использования фитолитного анализа для определения географического места произрастания растения [22].

Это позволяет распространить нашу методику на остальные регионы произрастания наркотикосодержащих растений с целью выяснения географического места их произрастания.

Для гарантированной верификации электронная база фитолитов для судебного анализа должна включать в себя следующие данные: номер в базе данных; название растения; таксономию растения; морфотипы фитолитов: на плоскости и в 3D-изображении; локализацию в теле растения; количество в поле зрения микроскопа

на 1 см²; оптическую микрофотографию фитолитов; конфокальную лазерную микрофотографию фитолитов; сканирующую электронную микрофотографию фитолитов; 3D-изображение; химический состав; структурную формулу; рамановский спектр; инфракрасный спектр; рентген-структурный спектр; дзета-потенциал; ссылку на источник. Для создания полноценной электронной базы судебного фитолитного анализа, которую возможно будет применять на территории всей Российской Федерации, нам необходимо отобрать пробы наркотикосодержащих растений из всех регионов страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О результатах мониторинга наркоситуации в Дальневосточном федеральном округе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://28.fskn.gov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1612:02062015&catid=19:in-russia-in-world.
2. Ким, Е. П. Проблемы демографии и миграции как детерминанты развития наркопреступности в Дальневосточном федеральном округе / Е. П. Ким, Т. А. Федоренко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 7–21.
3. Шамилев, С. Р. Сравнительный анализ преступности в регионах РФ // Экономика. Бизнес. Информатика. – 2015. – Т. 1, № 5. – С. 14–21.
4. Шиян, В. И. Состояние и тенденции преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в Дальневосточном федеральном округе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 4. – С. 62–66.
5. Ролик, А. И. Наркопреступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы / А. И. Ролик, Л. И. Романова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2016. – 446 с.
6. Петренко, А. Единым фронтом против наркомании // Наркомат. – 2008. – № 2 (53). – С. 6–8.
7. Романова, Л. И. Характеристика и цена наркопреступности / Л. И. Романова. – Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2018. – 87 с.
8. Федоренко, Т. А. Судебная практика по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков как мера противодействия наркопреступности на территории Дальневосточного федерального округа // Антинаркотическая безопасность. – 2016. – № 1 (6). – С. 38–45.
9. Евдокимов, И. В. Гражданское общество и проблемы предотвращения деятельности организованной преступности // Безопасность Евразии. – 2009. – № 2 (36). – С. 208–239.

10. Григорьев, С. В. Перспективы биологического подавления репродукционного распространения психотропного Cannabis в России, контролируемого вытеснения его на территории Российской Федерации в целях эффективного противодействия наркотикам / С. В. Григорьев, С. Л. Гордиенко // Наркоконтроль. – 2006. – № 3. – С. 42–44.
11. Afsahi, K. Are Moroccan cannabis growers able to adapt to recent European market trend? // International Journal of Drug Policy. – 2015. – Vol. 26, iss. 3. – P. 327–329.
12. "Flora and fauna" in criminalistics – An analysis of the current use and relevance of non-human biological trace materials in criminal proceedings / J. Nahrman, J. Amendt, R. Zehner, M. Parzeller // Archiv fur Kriminologie. – 2016. – Vol. 238, iss. 3-4. – P. 81–98.
13. Гольева, А. А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль / А. А. Гольева. – М. : Едиториал УРСС, ЛКИ, 2008. – 240 с.
14. Голохваст, К. С. Использование фитолитного анализа в судебно-экспертных исследованиях по уголовным делам / К. С. Голохваст, А. И. Коробеев, А. В. Фёдоров // Эксперт-криминалист. – 2018. – № 4. – С. 10–12.
15. Microparticles of Silica (Phytoliths) Found in Cannabis sativa from Khabarovsk Krai (Russia) / K. S. Golokhvast, A. V. Fedorov, A. I. Korobeev, A. I. Kamko [et al.] // Defect and Diffusion Forum. – 2018. – Vol. 386. – P. 262–267.
16. Mildenhall, D. C. Forensic palynology: Why do it and how it works / D. C. Mildenhall, P. E. J. Wiltshire, V. M. Bryant // Forensic Science International. – 2006. – Vol. 163. – P. 163–172.
17. Мигаль, Я. Д. Изучение морфологических и физиологических особенностей пыльцы конопли в связи с вопросами гибридизации : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Я. Д. Мигаль. – Киев, 1968. – 26 с.
18. Small, E. A preliminary study of pollen dispersal in Cannabis sativa in relation to wind direction / E. Small, T. Antle // Journal of Industrial Hemp. – 2003. – Vol. 8. – P. 37–50.
19. Олонова, М. В. Фитолиты некоторых мезофильных видов мятликов (Poа L.), секции Stenopora и возможность их использования в систематике / М. В. Олонова, Н. С. Мезина // Вестник Томского государственного университета. Биология. – 2011. – № 1. – С. 51–60.
20. Piperno, D. R. Phytoliths: A comprehensive guide for archaeologists and paleoecologists / D. R. Piperno. – Lanham, Maryland : AltaMira Press, 2006. – 248 p.
21. Golokhvast, K.S. Phytoliths in taxonomy of phylogenetic domains of plants [Электронный ресурс] / K. S. Golokhvast, I. V. Seryodkin, V. V. Chaika, A. M. Zakharenko, I. E. Pamirsky // BioMed Research International. – 2014. – Article ID 648326. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1155/2014/648326>.

22. Madella, M. International code for phytolith nomenclature 1.0. ICPN Working Group / M. Madella, A. Alexandre, T. Ball // *Annals of Botany*. – 2005. – Vol. 96. – P. 253–260.

23. Pamiirsky, I. E. New data about optic properties of biominerals from some algae (*Undaria pinnatifida*, *Laminaria japonica*, *Porphyra tenera*) [Электронный ресурс] / I. E. Pamiirsky, G. Chung, K. S. Golokhvast // *Proceedings of SPIE – The International society for optical engineering*. – 2016. – Vol. 10176. – Article ID 101760R. – DOI: 10.1117/12.2268253. – Asia-Pacific conference on fundamental problems of opto- and microelectronics, Khabarovsk, Russian Federation, 11 October 2016.

REFERENCES

1. On the results of the monitoring of the drug situation in the Far Eastern Federal District. Available at: http://28.fskn.gov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1612:02062015&catid=19:in-russia-in-world (accessed 21 October 2018). (In Russian).

2. Kim E.P., Fedorenko T.A. Problemy demografii i migratsii kak determinanty razvitiya narkoprestupnosti v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Problems of demography and migration as determinants of drug crime development in the Far Eastern Federal District]. *Journal of Criminology of the Baikal State University of Economics and Law*, 2013, no. 2, pp. 7–21.

3. Shamilev S.R. Sravnitel'nyi analiz prestupnosti v regionakh RF [Comparative analysis of crime in the regions of the Russian Federation]. *Ekonomika. Biznes. Informatika*, 2015, vol. 1, no. 5, pp. 14–21.

4. Shiyani V.I. Sostoyaniye i tendentsii prestupnosti v sfere nezakonnogo oborota narkotikov v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [The state and trends of crime in the sphere of illicit drug trafficking in the Far Eastern Federal District]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*, 2017, no. 4, pp. 62–66.

5. Rolik A.I., Romanova L.I. Sostoyaniye i tendentsii prestupnosti v sfere nezakonnogo oborota narkotikov v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Drug crime: criminal law and criminological problems]. Vladivostok: Far Eastern Univ. Publ., 2016. 446 p.

6. Petrenko A. Edinyim frontom protiv narkomanii [A united front against drug addiction]. *Narkomat*, 2008, no. 2 (53), pp. 6–8.

7. Romanova L.I. *Kharakteristika i tsena narkoprestupnosti* [Characteristics and price of drug crime]. Khabarovsk: Publ. House of the Far Eastern St. Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 87 p.

8. Fedorenko T.A. Sudebnaya praktika po ugolovnym delam v sfere nezakonnogo oborota narkotikov kak mera protivodeistviya narkoprestupnosti na territorii Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Judicial practice in criminal cases in the sphere of illicit

drug trafficking as a measure to counter drug crime in the territory of the Far Eastern Federal District]. *Antinarkoticheskaya bezopasnost'*, 2016, no. 1 (6), pp. 38–45.

9. Evdokimov I.V. Grazhdanskoe obshchestvo i problemy predotvrashcheniya deyatelnosti organizovannoi prestupnosti [Civil society and the problems of preventing the activities of organized crime]. *Bezopasnost' Evrazii*, 2009, no. 2 (36), pp. 208–239.

10. Grigor'ev S.V., Gordienko S.L. Perspektivy biologicheskogo podavleniya reproduktsionnogo rasprostraneniya psikhotropnogo Cannabis v Rossii, kontroliruemogo vytesneniya ego na territorii Rossiiskoi Federatsii v tselyakh effektivnogo protivodeistviya narkotikam [Prospects for the biological suppression of the reproduction spread of psychotropic Cannabis in Russia, its controlled crowding out on the territory of the Russian Federation in order to effectively counter drugs]. *Narkokontrol'*, 2006, no. 3, pp. 42–44.

11. Afsahi K. Are Moroccan cannabis growers able to adapt to recent European market trend? *International Journal of Drug Policy*, 2015, vol. 26, iss. 3, pp. 327–329.

12. Nahrman J., Amendt J., Zehner R., Parzeller M. Flora and fauna in criminalistics – An analysis of the current use and relevance of non-human biological trace materials in criminal proceedings. *Archiv fur Kriminologie*, 2016, vol. 238, iss. 3-4, pp. 81–98.

13. Gol'eva A.A. *Mikrobiomorfnye komplekсы prirodnykh i antropogennykh landshaftov: genezis, geografiya, informatsionnaya rol'* [Microbiomorphic complexes of natural and anthropogenic landscapes: Genesis, geography, informational role]. Moscow: Editorial URSS, LCI Publ., 2008. 240 p.

14. Golokhvast K.S., Korobeev A.I., Fedorov A.V. Ispol'zovanie fitolitnogo analiza v sudebno-ekspertnykh issledovaniyakh po ugovolnym delam [The use of phytolitic analysis in forensic expert studies on criminal cases]. *Ekspert-kriminalist*, 2018, no. 4, pp. 10–12.

15. Golokhvast K.S., Fedorov A.V., Korobeev A.I., Kamko A.I. et al. Microparticles of Silica (Phytoliths) Found in Cannabis sativa from Khabarovsk Krai (Russia). *Defect and Diffusion Forum*, 2018, vol. 386, pp. 262–267.

16. Mildenhall D.C., Wiltshire P.E.J., Bryant V.M. Forensic palynology: Why do it and how it works. *Forensic Science International*, 2006, vol. 163, pp. 163–172.

17. Migal' Ya.D. *Izuchenie morfologicheskikh i fiziologicheskikh osobennostei pyl'tsy konopli v svyazi s voprosami gibridizatsii* [The study of the morphological and physiological characteristics of hemp pollen in connection with issues of hybridization]. Cand. Diss. (Biol. Sci.). Synopsis. Kiev, 1968. 26 p.

18. Small E., Antle T. A preliminary study of pollen dispersal in Cannabis sativa in relation to wind direction. *Journal of Industrial Hemp*, 2003, vol. 8, pp. 37–50.

19. Olonova M.V., Mezina N.S. Fitolity nekotorykh mezofil'nykh vidov myatlikov (Poa L.), sektsii Stenopoa i vozmozhnost' ikh ispol'zovaniya v sistematike [Phytoliths of some mesophilic bluegrass species (Poa L.), sections of Stenopoa and the possibility of their use in systematics]. *Tomsk State University Bulletin. Biology*, 2011, no. 1, pp. 51–60.

20. Piperno D.R. *Phytoliths: A Comprehensive Guide for Archaeologists and Paleoecologists*. Lanham, Maryland: AltaMira Press, 2006. 248 p.
21. Golokhvast K.S., Seryodkin I.V., Chaika V.V., Zakharenko A.M., Pamirsky I.E. Phytoliths in taxonomy of phylogenetic domains of plants. *BioMed Research International*, 2014, vol. 2014, article ID 648326, DOI: <http://dx.doi.org/10.1155/2014/648326>.
22. Madella M., Alexandre A., Ball T. International Code for Phytolith Nomenclature 1.0. ICPN Working Group. *Annals of Botany*, 2005, vol. 96, pp. 253–260.
23. Pamirsky I.E., Chung G., Golokhvast K.S. New data about optic properties of biominerals from some algae (*Undaria pinnatifida*, *Laminaria japonica*, *Porphyra tenera*). *Proceedings of SPIE – The International Society for Optical Engineering*, 2016, vol. 10176, article ID 101760R, DOI: 10.1117/12.2268253.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

CYBERPRESSURE AND INFORMATION SECURITY

УДК 34:004.8

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/55-68

Р. И. Дремлюга¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

А. С. Кошель²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: koshel.as@dvfu.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР: ЗА И ПРОТИВ³

Аннотация. Цифровизация влияет не только на общественные отношения, но и грозит замещением права, как регулятора отношений, на новые формы регулирования. Это означает, что в ближайшем будущем под влиянием цифровизации программный код (алгоритмы) может выполнять регуляторную функцию. Анализ процессов цифровизации позволяет прогнозировать изменение механизма правообразования и композиции существующей модели социального регулирования, коррекцию границ известных социальных регуляторов и образование в ней ниши, которую займёт программный код. По факту регулирующий алгоритм – это программный код, автоматически контролирующий или влияющий на поведение людей. Новые методы технологий искусственного интеллекта (например, глубокое машинное

¹ Роман Игоревич Дремлюга, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

² Алексей Сергеевич Кошель, кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Дремлюга Р. И., Кошель А. С. Искусственный интеллект как социальный регулятор: за и против // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 55–68.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

обучение) позволяют выявить неочевидные зависимости, недоступные для обнаружения человеком или обычными техническими методами. Интеллектуальные системы будут и должны внедряться в регулирование общественных отношений. Это эффективней как с экономической, так и с точки зрения достижения желаемого результата.

Поведенческие нормы, обеспечиваемые с помощью автоматизированной системы, могут быть простым, фиксированным (но перепрограммируемым) стандартом поведения, который вносится оператором системы. На уровне сбора и мониторинга информации система может работать как простой регистратор нарушений правил поведения. Такие компьютерные программы используют технологию искусственного интеллекта и посредством анализа истории предыдущих ситуаций и сравнения полученных взаимосвязей обучаются для выявления нарушений, совершаемых в настоящий момент.

Несмотря на очевидные преимущества использования компьютерных программ для регулирования поведения общества, некоторые их свойства и побочные эффекты использования систем порождают вопросы в сфере права. Во-первых, подобные системы могут с большой вероятностью из общедоступных фактов о человеке выявлять характеристики, не являющиеся общедоступными и даже личными. Во-вторых, так как системы зачастую обучаются на решениях или информации, созданных людьми, они могут унаследовать человеческие заблуждения. В-третьих, серьезным вызовом является вопрос кибербезопасности подобных систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, алгоритмическое регулирование, программный код, социальные регуляторы, правотворчество, правоприменение, интеллектуальные системы, кибербезопасность систем.

Roman I. Dremluga¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

Alexey S. Koshel²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: koshel.as@dvfu.ru

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SOCIAL REGULATOR:
PROS AND CONS³**

Abstract. Digitalization affects not only public relations; it also threatens to replace law by new forms of regulation. It means that in the near future, under the influence of digitalization, the program code (algorithms) can perform a regulatory function. The analysis of digitalization processes allows predicting changes in the mechanism of law formation and composition. It would be reflected in the change of the existing model of social regulation, the correction of the boundaries of well-known social regulators and the formation of a niche in it that the program code will occupy. In fact, the regulatory algorithm is a program code that automatically controls or influences the behavior of people. New methods of artificial intelligence technologies (for example, deep machine learning) make it possible to identify non-obvious dependencies inaccessible to humans or conventional technical methods. Intellectual systems will and should be implemented in the regulation of social relations. This is more effective both economically and in terms of achieving the desired result. The behavioral norms controlled by an automated system can be a simple, fixed (but reprogrammable) standard of behavior that is entered by the system operator. At the level of information collection and monitoring, the system can operate as a simple recorder of violations of the rules of conduct. Such computer programs use artificial intelligence technology and by analyzing the history of previous situations and comparing the relationships obtained, they are trained to identify violations committed at the moment. Despite the obvious advantages of using computer programs to regulate the behavior of society, some of their properties and side effects of using systems raise questions in the field of law. Firstly, such systems are likely to reveal characteristics that are not publicly available or even personal from the publicly available facts about a

¹ Roman I. Dremluga, candidate of legal Sciences, associate Professor of the Law school of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Alexey S. Koshel, candidate of political Sciences, associate Professor of the Department of constitutional and administrative law, Law school of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Dremluga R. I., Koshel A. S. Artificial intelligence as a social regulator: pros and cons // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 55–68.

³ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16129.

person. Secondly, since systems are often trained on solutions or information created by people, they can inherit human delusions. Third, the cybersecurity of such systems is a serious challenge.

Keywords: artificial intelligence, digital economy, algorithmic regulation, program code, social regulators, lawmaking, law enforcement, intellectual systems, cybersecurity systems.

В последние годы мы можем наблюдать стремительную цифровизацию России и всего мира. Прежде всего это относится к экономической сфере. Президент Российской Федерации В.В. Путин не раз подчёркивал важность развития в нашем государстве сектора цифровой экономики [8]. Важным шагом в этом направлении было принятие федеральной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1]. В тексте программы подчёркивается, что «цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме...» [1]. Клаус Шваб, который является основателем и бессменным президентом экономического форума в Давосе, в своем бестселлере «Технологии Четвёртой промышленной революции» заявляет о беспрецедентном проникновении цифровых технологий во все сферы жизни, скорость которого (проникновения) только увеличивается [7]. Отдельно автор выделяет технологию искусственного интеллекта, говоря о том, что «искусственный интеллект уже перестраивает цифровую экономику и вскоре изменит экономику материального мира» [7].

Прогресс в области технологий является движущим фактором развития экономики и общества. Абсурдно было бы предполагать, что этот прогресс не затронет государственную и правовую сферы. Тренды цифровизации влияют как на практику правоприменения и профессиональную среду юристов, так и на само право.

Необходимо отметить, что влияние цифровизации на право в целом носит обширный характер. Как справедливо отмечают российские авторы, «цифровизация оказывает заметное воздействие на право не только как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на процесс и результат его деятельности, правовой порядок с реальными правоотношениями, действиями субъектов права и видами юридической деятельности. Она становится важным фактором, обуславливающим динамику права» [11, с. 10].

Цифровизация влечёт за собой возникновение новых общественных отношений, которые до этого момента не существовали. Ряд учёных акцентируют внимание на возможном появлении новых субъектов права, например, системах искусственного интеллекта, которые обладают автономией воли и интеллекта [25]. Другие исследователи отмечают возникновение общественных отношений, складыва-

ющихся по поводу «нетипичных объектов – информации, цифровых технологий (финтех, регтех и др.), создаваемых посредством применения новых цифровых сущностей (криптовалюты) и объектов материального мира, а также связанных с использованием и оборотом того и другого» [11, с. 10].

Цифровизация влияет не только на общественные отношения, но и грозит замишением права, как регулятора отношений, на новые формы регулирования. Некоторые авторы небезосновательно полагают, что технологии могут не только помочь праву выполнять его функции, но и «потеснить», заменить его [11, с. 10]. По факту это уже происходит, например, блокчейн технология [18] по сути выполняет регуляторную функцию при осуществлении сделки или осуществлении платежа без участия права и даже вопреки ему¹. Есть обоснованные прогнозы, что технология блокчейн оставит без работы нотариусов [9].

Это означает, что в ближайшем будущем под влиянием цифровизации программный код (алгоритмы) может выполнять регуляторную функцию. Такое регулирование в зарубежной литературе называется «алгоритмическим регулированием» [27]. Как отмечают российские исследователи, «анализ процессов цифровизации позволяет прогнозировать изменение механизма правообразования и композиции существующей модели социального регулирования, коррекцию границ известных социальных регуляторов и образование в ней ниши, которую займет программный код» [11, с. 10].

По факту регулирующий алгоритм – это программный код, автоматически контролирующий или влияющий на поведение людей. Попытки внедрения программного кода для регулирования общественных отношений предпринимались и раньше, но наибольшее распространение такие разработки получили с развитием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения [26].

В свете тотальной цифровизации всё чаще общественные отношения осуществляются посредством цифровых технологий. Следовательно, проще регулировать поведение субъектов отношений с помощью программного кода, так как можно легко написать и обучить (если речь об искусственном интеллекте) компьютерную программу, которая автоматически вмешается в случае нежелательного поведения, заблокирует возможность субъекта для повторения подобного, повлияет на его поведение в будущем и т.д.

Регулирование может исходить как от государства, так и от субъектов общественных отношений (физические и юридические лица). Например, Facebook (крупнейшая социальная сеть) в автоматическом режиме (с помощью программного кода) борется против нарушений прав ребёнка, нарушения интеллектуальных прав, публикации сообщений, провоцирующих межнациональную рознь, и т.д. То есть алгоритм

¹ Во многих странах блокчейн и блокчейн-платежи не признаются государством.

сам принимает решение о том, что материал, опубликованный пользователем Facebook, нарушает права ребёнка. Лишь в случае, если пользователь не согласен с принятым решением, к разрешению спорной ситуации подключаются люди.

В Великобритании и России уже сегодня применяются элементы непосредственного участия граждан в правотворческом процессе. Так, к примеру, правотворческая инициатива в закрытой британской социальной сети Jolistics проходит премодерацию самими же участниками социальной сети и, при получении необходимого числа одобрений участников социальной сети, направляется члену Палаты общин, который вправе реализовать её посредством права законодательной инициативы [6]. Одним из предлагаемых О.А. Антоновой и др. исследователями элементов демократизации и расширения применения права народной законодательной инициативы является использование поддержки выдвижения Народного законопроекта посредством SMS-сообщений [3; 4]. Однако, по мнению профессора права Университета Пенсильвании К. Коглианиса, использование современных технологий само по себе не может оказать заметное влияние на участие граждан в процессе нормотворчества, взамен того, наоборот, может оказать негативное воздействие на процесс нормотворчества [12].

Интеллектуальные системы регулирования с помощью программного кода могут выполнять три ключевых функции:

- Автоматическое формирование правил;
- Автоматический сбор и анализ информации о поведении субъектов;
- Выявление нарушений и применение санкций.

Поведенческие нормы, обеспечиваемые с помощью автоматизированной системы, могут быть простым, фиксированным (но перепрограммируемым) стандартом поведения, который вносится оператором системы. Примером такой простой формы алгоритмического вмешательства, где правила устанавливаются оператором, является использование защиты паролем, когда система автоматически проверяет надёжность пароля и заставляет пользователя его изменить, если пароль не достаточно надёжный. Правила установления пароля при этом заранее определены оператором (например, минимальное количество символов). Альтернативно, поведенческий стандарт может быть адаптивным и подстраиваться под достижение какой-либо фиксированной, всеобъемлющей (но перепрограммируемой) цели. Такие системы часто называют «сложными» или «интеллектуальными», например, интеллектуальные транспортные системы, которые эффективно учатся определять наиболее надёжного предиктора потока трафика, применяя при этом процессы машинного обучения, к постоянно обновляемым в режиме реального времени данным о трафике.

Интеллектуальные системы уже участвуют в формировании правовых норм. Например, согласно описанию в функционал новой системы, разработанной для обеспечения законодательной деятельности в Российской Федерации, входят [2]:

автоматизированная подготовка документов, долгосрочное, среднесрочное и краткосрочное планирование; семантическая обработка протоколов заседаний и автоматическая регистрация решений из протоколов; интегрированная нормативно-справочная подсистема; генерация шаблонов размещаемых документов в системе с учётом зарегистрированных учётных данных; возможность оперативного уведомления участников законотворческой деятельности об изменениях с объектами законотворчества; автоматический контроль размещаемых документов и реквизитов.

На уровне сбора и мониторинга информации система может работать как простой регистратор нарушений правил поведения. Например, автоматизированные системы определения скорости транспортного средства, которые используют камеры контроля скорости для обеспечения в реальном времени идентификации транспортных средств, которые превышают предписанные ограничения скорости.

Примером сложной системы выявления являются компьютерные программы обнаружения мошенничества с кредитными картами, которые используют методы машинного обучения для профилирования кредитных моделей расходов. Подобные системы нацелены на обнаружение подозрительных транзакций и, в случае их совершения, они автоматически блокируют транзакцию и(или) информируют держателя карты.

Такие компьютерные программы используют технологию искусственного интеллекта и посредством анализа истории предыдущих ситуаций и сравнения полученных взаимосвязей обучаются для выявления нарушений, совершаемых в настоящий момент.

Кроме того, интеллектуальные системы могут выявлять правонарушения до их совершения. Подобные системы не являются лишь научной разработкой [13] и давно используются правоохранительными органами различных стран [28]. Например, одной из первых разработок в сфере искусственного интеллекта для прогнозирования преступности является программное обеспечение PredPol, разработанное учёными из Калифорнийского университета. Данная интеллектуальная система используется по всей территории США, а в тестовом режиме – в столице Уругвая Монтевидео, британском графстве Кент и японской префектуре Канагава. Система выдаёт информацию, состоящую из трёх переменных: тип, время и место неблагоприятного события. Используя отчёты о преступности за широкие промежутки времени (годы и даже десятилетия), алгоритм определяет районы, где самый высокий уровень вероятности потенциальных преступлений [16].

Имея достаточно большое количество данных о желательном или нежелательном поведении, можно легко обучить искусственный интеллект выявлять с достаточно большой долей вероятности подобное поведение в будущем [17].

Некоторые системы могут автоматически принимать решение о применении санкций или других методов управления поведением человека без необходимости вмешательства посторонних лиц. Подобные компьютерные программы также могут

работать в опережающем режиме, основываясь на алгоритмически определённых прогнозах будущего поведения кандидата. Такой принцип давно используется в интеллектуальных системах, оценивающих возможность выдачи кредита, страховое покрытие и кадровый потенциал при трудоустройстве [20].

Самыми «печально известными» системами, которые автоматически применяют санкции к нарушителям, являются разработки военного назначения. Например, на границе между Северной и Южной Кореей используется интеллектуальное вооружение, которое автоматически открывает огонь по лицам, пересекающим границу [23], подобные системы планируется использовать и на границе Турции с Сирией [29]*. Чаще такие подобные предиктивные системы просто блокируют возможность завершения противоправной операции и её повторения.

Авторы, анализирующие системы «алгоритмического регулирования», выделяют четыре основные характеристики, необходимые для их функционирования:

- глубокое понимание желаемого результата;
- измерение в реальном времени для определения, если этот результат достигается;
- прописанные алгоритмы (то есть набор правил), которые вносят коррективы на основе новых данных;
- периодический, более глубокий анализ правильности и эффективности самих алгоритмов [21].

Внедрение компьютерных систем для регулирования поведения граждан имеет несомненные преимущества, которые стали ещё более очевидны при широком распространении систем искусственного интеллекта. Во-первых, использовать такие системы гораздо дешевле, чем содержать штат сотрудников, регистрирующих, анализирующих и принимающих решение о реакции на правонарушение. Во-вторых, такие системы, за некоторым исключением, гораздо объективней человека. В-третьих, искусственный интеллект гораздо эффективней, так как может работать 24 часа в сутки 7 дней в неделю с большей точностью.

Кроме того, благодаря использованию алгоритмов машинного обучения, сетевой коммуникационной инфраструктуре и облачным вычислениям, можно отслеживать и вмешиваться в поведение не только одного пользователя, но и всего населения, проживающего на каком-либо значительном географическом пространстве. Такая система может в режиме реального времени воздействовать на поведение и менять своё представление о поведении людей. Подобные разработки гораздо лучше анализируют взаимосвязи, прогнозируют будущие правонарушения и выявляют общие тенденции. Следует отметить, что новые методы технологий искусственного

* Для получения дополнительной информации о платформе стабилизированного оружия ASELSAN см.: www.aselsan.com.tr.

интеллекта (например, глубокое машинное обучение) позволяют выявить неочевидные зависимости, недоступные для обнаружения человеком или обычными техническими методами [14].

Несмотря на очевидные преимущества использования компьютерных программ для регулирования поведения общества, некоторые их свойства и побочные эффекты использования систем порождают вопросы в сфере права. Во-первых, подобные системы могут с большой вероятностью из общедоступных фактов о человеке выявлять характеристики, не являющиеся общедоступными и даже личными. Вот несколько небольших примеров. Одна из интеллектуальных систем может с высокой степенью достоверности установить сексуальную ориентацию по фотографии человека [19]. Другая способна распознать политические убеждения и уровень интеллекта [15]. Такая функциональность систем может привести к возможности дискриминации политической оппозиции, сексуальных меньшинств и других групп, причастность к которым ранее можно было установить только при явном желании лица. Получается, что благая цель профилактики правонарушений может обернуться тотальным контролем не только поведения, но и внутренних убеждений и предпочтений.

Во-вторых, так как системы зачастую обучаются на решениях или информации, созданных людьми, они могут унаследовать человеческие заблуждения. Пожалуй, самым известным примером является американская система, помогающая судьям оценить риск повторного совершения правонарушения. Система обучалась на выборке случаев повторного совершения преступлений за достаточно большой промежуток времени и в результате чаще выдавала высокий риск для «чернокожих» преступников. Некоторые исследования показали, что система действительно чаще ошибалась в пользу белых преступников [30].

Так как интеллектуальная система зачастую учится на уже существующей информации, она наследует все предубеждения тех лиц, которые эту информацию формировали. Например, если мы проектируем систему выявления правонарушений и берём информацию о предыдущих правонарушениях, мы должны делать поправку на то, что полиция больше времени проводит в неблагополучных районах и, следовательно, оттуда получает наибольшее количество выявленных правонарушений. Кроме того, у лиц, проживающих в этих районах, нет денег на квалифицированную юридическую помощь и больше вероятность попасть в списки правонарушителей. Получается замкнутый круг: интеллектуальная система будет всё больше внимания уделять неблагополучным районам и выявлять там правонарушителей, что ещё больше увеличит рейтинг «неблагополучности» и заставит выявлять правонарушителей в этих районах.

В-третьих, серьёзным вызовом является вопрос кибербезопасности подобных систем. В настоящее время хакеры являются достаточно серьёзной угрозой мировой стабильности. Если допустить возможность, что они смогут вмешиваться в во-

просы правотворчества и правоприменения, то угроза в разы возрастает. В мире не существует программ, в которых нет уязвимостей. Средний для отрасли информационных технологий показатель примерно 1–25 ошибок на 1000 строк кода в готовом программном обеспечении, разрабатывавшемся с использованием разных методик. Каждая ошибка – это потенциальная уязвимость [5]. Говоря простым языком, уязвимости есть в любых программах, и вопрос только в оценке рисков. В случае, когда некорректная работа регулирующей системы может подорвать доверие к государству в целом, потенциальные риски достаточно высоки.

Подводя итоги, следует отметить, что бессмысленно сопротивляться прогрессу. Интеллектуальные системы будут и должны внедряться в регулирование общественных отношений. Это эффективней как с экономической, так и с точки зрения достижения желаемого результата. Несмотря на явные преимущества, такие системы должны внедряться с большой осторожностью, принимая во внимание последующие негативные эффекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – 7 авг., № 32. – Ст. 5138.
2. Перечни законопроектов и проектов постановлений [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/>.
3. Антонова, О. А. Законодательная инициатива граждан как форма участия в управлении делами общества и государства // Вестник Прикамского социального института. – 2018. – № 2 (80). – С. 6–13.
4. Дворников, Д. В. Концепция электронного опроса избирателей при сборе подписей в поддержку выдвижения кандидатов в депутаты (на выборные должности) (sms-выдвижение) / Д. В. Дворников, В. В. Красинский, А. С. Пучнин // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2010. – № 9 (89). – С. 250–255.
5. Дик, Д. И. Оценка уровня безопасности информационной системы на основе анализа количества ошибок в программном коде / Д. И. Дик, В. М. Солодовников // Вестник Курганского государственного университета. Сер.: Технические науки. – 2015. – № 3 (37). – С. 32–35.
6. Жожина, М. О демократизации законодательного процесса в Российской Федерации / М. Жожина, Н. В. Михайлова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 3 (105). – С. 9–14.

7. Клаус, Ш. Технологии Четвертой промышленной революции / Ш. Клаус. – М. : ЭКСМО, 2018. – 320 с.
8. Латухина, К. Владимир Путин: Внедрить цифровые технологии во все сферы жизни [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2017. – 4 июня. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/04/reg-szfo/vladimir-putin-vnedrit-cifrovye-tehnologii-vo-vse-sfery-zhizni.html>.
9. Радченко, И. В. Вытеснит ли технология «блокчейн» нотариуса // Нотариальный вестникъ. – 2017. – № 8. – С. 42–44.
10. Унижаев, Н. В. Проблемы использования технологии блокчейн в цифровой экономике // Альманах мировой науки. – 2018. – № 3 (23). – С. 211–215.
11. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 5–16.
12. Coglianese, C. The Internet and citizen participation in rulemaking // A Journal of law and policy. – 2005. – Vol. 1, iss. 1. – P. 33–57.
13. Deshmukh, S. S. Prediction of crime hot spots using spatiotemporal ordinary kriging / S. S. Deshmukh, B. Annappa // Studies in Computational Intelligence. – 2019. – Vol. 771. – P. 683–691.
14. Big Data. Bigger Dilemmas : A critical review / H. Ekbia, M. Mattioli, I. Kouper [et al.] // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2015. – Vol. 68. – P. 1523–1545.
15. Face-reading AI will be able to detect your politics and IQ, professor says [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2017. – 12 September. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2017/sep/12/artificial-intelligence-face-recognition-michal-kosinski>.
16. Nevett, J. The real minority report: Police trial AI to predict and prevent crimes before they happen [Электронный ресурс] // Daily Star. – 2018. – January 29. – Режим доступа: <https://www.dailystar.co.uk/news/world-news/677796/artificial-intelligence-japan-kanagawa-police-predict-minority-report-2020-olympics>.
17. Miller, A. What do we worry about when we worry about price discrimination? The law and ethics of using personal information for pricing // Journal of Technology Law and Policy. – 2014. – Vol. 19. – P. 41–95.
18. Nakamoto, S. Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>.
19. New AI can guess whether you're gay or straight from a photograph [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2017/sep/07/new-artificial-intelligence-can-tell-whether-youre-gay-or-straight-from-a-photograph>.
20. O’Neil, C. Weapons of math destruction: how big data increases inequality and threatens democracy / C. O’Neil. – New York : Allen Lane, 2016. – 259 p.

21. O'Reilly, T. Open data and algorithmic regulation // *Beyond transparency: open data and the future of civic innovation* / ed. By B. Goldstein, D. Dyson. – San Francisco : Code for America Press, 2013. – P. 289–300.
22. Pagallo, U. Algo-rhythms and the beat of the legal drum // *Philosophy and Technology*. – 2018. – Vol. 3, iss. 14. – P. 507–524.
23. Parkin, S. Killer Robots: The soldiers that never sleep [Электронный ресурс] // BBC. – 2015. – July 16. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/future/story/20150715-killer-robots-the-soldiers-that-never-sleep>.
24. Super aEgis II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dodam.com/eng/sub2/menu2_1_4.php.
25. Solaiman, S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // *Artificial Intelligence and Law*. – 2017. – Vol. 25, iss. 2. – P. 155–179.
26. Bryson, J. J. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons / J. J. Bryson, M. E. Diamantis, T. D. Grant // *Artificial Intelligence and Law*. – 2017. – Vol. 25, iss. 3. – P. 273–291.
27. Yeung, K. Algorithmic regulation: A critical interrogation // *Regulation and Governance*. – 2018. – Vol. 12, iss. 4. – P. 505–523.
28. Yi Shu Ng. China is using AI to predict who will commit crime next. July 24, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mashable.com/2017/07/24/china-ai-crime-minority-report/#QKYhs4z.qqqR>.
29. Şafak, Y. Turkey starts building automatic shooting gun towers at Syrian border. May 30, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yenisafak.com/en/news/turkey-starts-building-automatic-shooting-gun-towers-at-syrian-border-2473487>.
30. Zone of ethics. Propublica. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>.

REFERENCES

1. On approval of the program «Digital economy of the Russian Federation»: The decree of the Russian Federation Government from July 28, 2017 No. 1632-p. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2017, August 8, no. 32, pp. 5138. (In Russian).
2. *Legislative Support System. Lists of Draft Laws and Draft Resolutions*. Available at: http://ppr.ru/projects/?id_4=8 (accessed 17 July 2018). (In Russian).
3. Antonova O.A. Zakonodatel'naya initsiativa grazhdan kak forma uchastiya v upravlenii delami obshchestva i gosudarstva [The Legislative initiative of citizens as a form of participation in the management of the Affairs of society and state]. *Vestnik Prikam'skogo sotsial'nogo instituta*, 2018, no. 2 (80), pp. 6–13.

4. Dvornikov D.V., Krasinskii V.V., Puchnin A.S. Kontsepsiya elektronnoogo oprosa izbiratelei pri sbore podpisei v podderzhku vydvizheniya kandidatov v deputaty (na vybornye dolzhnosti) (sms-vydvizhenie) [The Concept of the electronic survey of voters during the collection of signatures in support of nomination of candidates (for elected office) (sms-extension)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Series: Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 9 (89), pp. 250–255.
5. Dick D.I., Solodovnikov V.M. Otsenka urovnya bezopasnosti informatsionnoi sistemy na osnove analiza kolichestva oshibok v programmnom kode [Evaluation of the level of security of the information system based on the analysis of the number of errors in the code]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Tekhnicheskie nauki*, 2015, no. 3 (37), pp. 32–35.
6. Zhozhina M., Mikhailova N. O demokratizatsii zakonodatel'nogo protsessa v Rossiiskoi Federatsii [On democratization of the legislative process in the Russian Federation]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 2017, no. 3 (105), pp. 9–14.
7. Klaus Sh. *Tekhnologii Chetvertoi promyshlennoi revolyutsii* [Technologies of the Fourth industrial revolution]. Moscow: EKSMO Publ., 2018, pp. 89–95.
8. Latukhina K. Vladimir Putin: Vnedrit' tsifrovyte tekhnologii vo vse sfery zhizni [Vladimir Putin: To introduce digital technologies in all spheres of life]. *Rossiiskaya gazeta*, 2017, June 4. Available at: <https://rg.ru/2017/06/04/reg-szfo/vladimir-putin-vnedrit-cifrovyte-tehnologii-vo-vse-sfery-zhizni.html> (accessed 19 July 2018).
9. Radchenko I.V. Vytesnit li tekhnologiya «blokchein» notariusa [Will the blockchain technology Displace the notary]. *Notarial'nyi vestnik*, 2017, no. 8, pp. 42–44.
10. Unizhaev N. Problemy ispol'zovaniya tekhnologii blokchein v tsifrovoi ekonomike [In the problems of using blockchain technology in the digital economy]. *Al'manakh mirovoi nauki*, 2018, no. 3 (23), pp. 211–215.
11. Khabrieva T.Ya. Pravo pered vyzovami tsifrovoi real'nosti [Right facing the challenges of the digital reality]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2018, no. 9 (261), pp. 5–16.
12. Coglianese C. The internet and citizen participation in rulemaking. *A Journal of Law and Policy*, 2005, vol. 1, iss. 1, pp. 33–57.
13. Deshmukh S.S., Annappa B. Prediction of crime hot spots using spatio-temporal ordinary kriging. *Studies in Computational Intelligence*, 2019, vol. 771, pp. 683–691.
14. Ekbia H., Mattioli M., Kouper I. et al. Big Data. Bigger Dilemmas: A Critical Review. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2015, vol. 68, pp. 1523–1545.
15. *Face-reading AI will be able to detect your politics and IQ, professor says*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2017/sep/12/artificial-intelligence-face-recognition-michal-kosinski> (accessed 28 July 2018).

16. Nevett J. The Real Minority Report: Police trial AI to predict and prevent crimes before they happen. *Daily Star*, 2018, January 29. Available at: <https://www.dailystar.co.uk/news/world-news/677796/artificial-intelligence-japan-kanagawa-police-predict-minority-report-2020-olympics> (accessed 23 August 2018).
17. Miller A. What Do We Worry About When We Worry About Price Discrimination? The Law and Ethics of Using Personal Information for Pricing. *Journal of Technology Law & Policy*, 2014, vol. 19, pp. 41–95.
18. Nakamoto S. *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System*. Available at: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (accessed 23 August 2018).
19. *New AI can guess whether you're gay or straight from a photograph*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2017/sep/07/new-artificial-intelligence-can-tell-whether-youre-gay-or-straight-from-a-photograph> (accessed 23 August 2018).
20. O'Neil C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York: Allen Lane, 2016. 259 p.
21. O'Reilly T. Open Data and Algorithmic Regulation. In: Goldstein B., Dyson L. (eds). *Beyond Transparency: Open Data and the Future of Civic Innovation*. San Francisco: Code for America Press, 2013, pp. 289–300.
22. Pagallo U. Algo-rhythms and the beat of the legal drum. *Philosophy and Technology*, 2018, vol. 31, iss. 4, pp. 507–524.
23. Parkin S. Killer Robots: The soldiers that never sleep. *BBC*, 2015, July 16. Available at: <http://www.bbc.com/future/story/20150715-killer-robots-the-soldiers-that-never-sleep> (accessed 23 August 2018).
24. *Super aEgis II*. Available at: http://www.dodaam.com/eng/sub2/menu2_1_4.php (accessed 23 August 2018).
25. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. *Artificial intelligence and law*, 2017, vol. 25, iss. 2, pp. 155–179.
26. Bryson J.J. Diamantis M.T., Grant T.D. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons. *Artificial Intelligence and Law*, 2017, vol. 25, iss. 3, pp. 273–291.
27. Yeung K. Algorithmic regulation: A critical interrogation. *Regulation and Governance*, 2018, vol. 12, iss. 4, pp. 505–523.
28. Yi Shu Ng. *China is using AI to predict who will commit crime next*. July 24, 2017. Available at: <https://mashable.com/2017/07/24/china-ai-crime-minority-report/#QKYhs4z.qqqR> (accessed 23 August 2018).
29. Şafak Y. *Turkey starts building automatic shooting gun towers at Syrian border. May 30, 2016*. Available at: <http://www.yenisafak.com/en/news/turkey-starts-building-automatic-shooting-gun-towers-at-syrian-border-2473487> (accessed 23 August 2018).
30. *Zone of ethics. Propublica. 2016*. Available at: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (accessed 23 August 2018).

УДК 343.34:004

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/69-77

Н. Н. Коротких¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru

М. Д. Останин²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: ostanin.md@dvfu.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ» И «КОМПЬЮТЕРНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов понимания предмета и объекта преступлений главы 28 Уголовного кодекса РФ. Актуальность данного научного исследования обусловлена тем, что преступления в сфере компьютерной информации в современных условиях развития науки и техники затрагивают практически все сферы общества, причиняя колоссальный материальный ущерб. Вместе с тем действующее уголовное законодательство не в силах реагировать на подобные общественно опасные деяния в полной мере в связи с отсутствием исторического опыта работы с подобными составами и с данной сферой в рамках уголовного права вообще, а также с постоянным и крайне быстрым развитием соответствующих общественных отношений. Целью научной статьи является анализ существующих научных подходов к понятиям «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление» и их соотношению, а также позиция законодателя по данному вопросу. В данной статье исследованы позиции, представленные в научной литературе и законодательстве РФ, касающиеся различного понимания понятий «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление» через соотношение объекта и предмета данных видов

¹ Наталья Николаевна Коротких, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

² Максим Дмитриевич Останин, магистрант Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Коротких Н. Н., Останин М. Д. К вопросу о соотношении понятий «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 69–77.

преступлений и возможности использования альтернативных понятий, таких, как «электронная информация» и «цифровая информация». Предложены варианты урегулирования правонарушений в данной сфере, позволяющие избежать проблем при их квалификации. Делается вывод о необходимости разработать новую трактовку термина «компьютерная информация», поскольку из-за неудачной формулировки этого термина затрудняется квалификация соответствующих правонарушений. Дальнейшая корректировка составов гл. 28 УК РФ должна быть произведена в зависимости от целей и защищаемых общественных отношений, предусмотренных законодателем, но обязательно с учётом реальных особенностей компьютеров, компьютерной информации и других связанных с правонарушениями данной сферы объектов материального мира.

Ключевые слова: преступление в сфере компьютерной информации, компьютерное преступление, компьютерная информация, компьютерная преступность, киберпреступность, интернет-преступность, глава 28 УК РФ.

Natalia N. Korotkikh¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru

Maksim D. Ostanin²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: ostanin.md@dvfu.ru

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF «CRIME IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION» AND «COMPUTER CRIME»

Abstract. The article is devoted to the issues of understanding the subject and the object of crimes in Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of this research is due to the fact that computing crimes in modern conditions of the development of science and technology affect almost all spheres of society, causing enormous material damage. At the same time, the current criminal legislation cannot fully

¹ Natalia N. Korotkikh, Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Maksim D. Ostanin, Master's Degree student, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Korotkikh N.N., Ostanin M.D. Correlation between the concepts of “crime in the sphere of computer information” and “computer crime” // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 69–77.

respond to such socially dangerous acts due to the lack of experience of working with similar structures and with this area under the criminal law in general, as well as with the constant and extremely rapid development of relevant social relations. The purpose of this article is to analyze the existing scientific approaches to the concepts of "crime in the field of computer information" and "computer crime" and their relationship, as well as the standpoint of the legislator on this issue. This article explores the views presented in the scientific literature and legislation of the Russian Federation concerning a different understanding of the concepts "crime in the field of computer information" and "computer crime" through the relationship of the object and subject of these types of crimes and the possibility of using alternative concepts, such as "electronic information" and "digital information". Options have been proposed for resolving offenses in this area, to avoid problems in their qualifications. It is concluded that it is necessary to develop a new interpretation of the term "computing information", because, due to the unsuccessful formulation of this term, the qualification of the relevant offenses is hampered. Further adjustment of the compositions of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation must be made depending on the goals and protect social relations provided for by the legislator, but always taking into account the real characteristics of computers, computer information and other objects of the material world related to the offenses of this sphere.

Keywords: computer crime, crime in the sphere of computer information, computer information, cybercrime, Internet crime, chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Законодатель рассматривает категорию преступлений в сфере компьютерной информации отдельно от иных преступлений, связанных с общественной безопасностью и общественным порядком, поскольку их общественная опасность обладает определённой спецификой. Она заключается в посягательстве на общественные отношения в сфере компьютерной информации, являющейся, во-первых, технологически сложной, во-вторых, всё более распространённой в повседневном использовании.

XXI век можно по праву назвать веком информационных технологий. Очевидным является и тот факт, что ускорение научно-технического прогресса не оставило в стороне и сферу компьютерных технологий. Достаточно вспомнить стремительное развитие, к примеру, персональных компьютеров, превратившихся за чуть более чем два десятилетия из вычислительных машин, используемых в основном для работы с документами, в мощные мультимедийные устройства, используемые одинаково широко как в научных, так и в развлекательных целях. В то же время развивается и сфера правонарушений. Значительная часть преступлений может совершаться и совершается с помощью компьютерных технологий. Более того, как в

одной из наиболее перспективных и прогрессивных областей науки и техники, проблема развития преступности в сфере компьютерной информации стоит наиболее остро, поскольку последствия несвоевременного реагирования и ответного развития со стороны законодательства и правоохранительных органов намного опаснее, чем в большинстве других видов преступлений. В частности, серьёзную угрозу для нормального функционирования экономики в целом представляют преступления, связанные с проникновением криминальных элементов в компьютерные системы и сети банков и иных кредитных организаций. По данным аналитиков международной компании Group-IB, в России количество хищений в 2016 г. в интернет-банкинге у физических лиц выросло на 144% по сравнению с прошлым годом. Число краж с использованием андроид-телефонов увеличилось на 136% за аналогичный период. В общей сложности за вторую половину 2016 г. и первую половину 2017 г. злоумышленники похитили 4,7 млрд рублей [1].

Актуальным в связи с этим является вопрос о соотношении понятий «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление», поскольку от этого зависит правильность квалификации деяний по ст. ст. 272–274.1 УК РФ и определения границ предмета преступлений главы 28 УК РФ.

В литературе наблюдается разброс мнений по данному вопросу. Ряд исследователей полагают, что предметом преступлений в сфере компьютерной информации следует признавать не только компьютерную информацию, но и сам компьютер, а также компьютерную систему или компьютерную сеть. К примеру, данной точки зрения придерживаются Г. Н. Борзенков и В. С. Комисаров [2]. Несколько иная точка зрения изложена в работе Ю. И. Ляпунова: «Преступления, имеющие своим предметом только лишь аппаратно-технические средства вычислительных машин (хищение, повреждение, уничтожение), подпадают под совершенно другой тип уголовных правонарушений, закреплённых в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности». В принципе, можно предположить случаи, когда вредоносное воздействие на ЭВМ осуществляется путём непосредственного влияния на неё информационных команд. ... В этих случаях квалификация содеянного должна проводиться по совокупности статей глав о преступлениях против собственности и компьютерной безопасности, поскольку страдают два объекта уголовно-правовой охраны» [3]. Такой подход, на наш взгляд, является ошибочным, поскольку компьютерная информация при указанных условиях будет выступать не предметом преступления, а его средством, а предметом будет ЭВМ. Для того чтобы признать компьютерную информацию предметом преступления, преступление должно быть направлено на неё, а в изложенной позиции с помощью компьютерной информации наносится вред ЭВМ, что относит её к средству преступления. На наш взгляд, законодатель, используя формулировку «преступления в сфере компьютерной информации», а также приводя дефиницию компьютерной информации в примечании к

ст. 272 УК РФ, подразумевает сужение предмета преступлений до, собственно, компьютерной информации. Категория преступлений в сфере компьютерной информации предполагает посягательство исключительно на отношения, связанные с использованием компьютерной информации. Разумеется, представляется затруднительным осуществить посягательство в отношении компьютерной информации без использования компьютера, однако это не будет означать, что компьютер также является предметом данных преступлений. Подобную точку зрения высказывает, например, Р. И. Дремлюга: «В случаях, когда компьютерная сеть непосредственно используется для совершения преступления, она является способом и средством одновременно, а в остальных – лишь средством» [4, с. 34–35], где компьютерная сеть представляет собой совокупность компьютеров. Посягательство же непосредственно на компьютеры не может включаться в категорию преступлений в сфере компьютерной информации и требует ввода отдельной категории преступлений. Такой категорией могут стать «компьютерные преступления».

Понятие «компьютерные преступления» впервые возникло в иностранной литературе в начале 60-х гг. XX в. В отечественной юридической литературе существует несколько точек зрения на данный термин. Так, одни считают, что «компьютерных преступлений, как преступлений специфических в юридическом смысле, не существует» [5], поскольку преступления не принято дифференцировать по видам технических средств, с помощью которых они совершаются; другие полагают, что компьютерные преступления нужно рассматривать как часть более общей группы – информационных преступлений [6, с. 612–614]; третьи отмечают, что, хотя понятие «компьютерные преступления» нельзя использовать строго в уголовно-правовом значении, но целесообразно в криминологическом, когда речь идёт о личности преступника или способе совершения преступления [3].

Думается, что категория компьютерных преступлений шире, чем категория преступления в сфере компьютерной информации. Трактую формулировку «компьютерные преступления», логично будет предположить, что такие преступления посягают на отношения, связанные с использованием компьютера в любом виде, а не только компьютерной информации. Всякое преступление в сфере компьютерной информации будет осуществляться с использованием компьютера, но не всякое компьютерное преступление прямо посягает на отношения, связанные с использованием компьютера. В то же время данные составы не отличаются какой-либо спецификой, поскольку компьютер выступает либо как предмет преступления в виде имущества, к примеру, при повреждении компьютера или его краже, либо как его средство, к примеру, при осуществлении кражи денежных средств с использованием компьютера. В приведённых примерах наличие компьютера как одного из обстоятельств преступления вне зависимости от его роли не образует качественно новый состав, требующий собственного наименования. В связи с этим единствен-

ные компьютерные преступления, которые выделяются в отдельную категорию, и есть преступления в сфере компьютерной информации.

Кроме этого, ряд исследователей предлагают в рамках определения предмета главы 28 УК РФ руководствоваться иными, сходными с компьютерной информацией терминами. Например, М. А. Ефремова, А. В. Геллер, В. Н. Щепетильников используют термин «электронная информация». В частности, М. А. Ефремова под электронной информацией понимает «сведения (сообщения, данные), представленные в электронно-цифровой форме, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [7, с. 51–52]. В. Н. Щепетильников указывает, что «совокупность общественных отношений, связанных с обращением информации, не может быть исчерпана использованием термина компьютер, поскольку он является лишь одной из разновидностей средств электронно-вычислительной техники» [8, с. 105], из чего можно сделать вывод, что предлагаемый термин является более широким по смыслу, чем компьютерная информация.

Ещё один термин – «цифровая информация» – предлагается такими авторами, как С. П. Кушниренко, А. А. Нагорный, И. Р. Бегишев. Так, И. Р. Бегишев под цифровой информацией понимает «совокупность сведений, обращающихся в информационно-телекоммуникационных устройствах, их системах и сетях» [9, с. 54]. Поскольку компьютер является одним из видов информационно-телекоммуникационных устройств, термин «цифровая информация» также представляется более широким по смыслу, чем «электронная информация».

Уголовный Кодекс Российской Федерации в главе 28 использует исключительно термин «преступления в сфере компьютерной информации», которые посягают на сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Обратим внимание, что это самое «узкое» понимание компьютерной информации из всех выше рассмотренных. Перечень деяний, затрагивающих компьютерную информацию в роли инструмента или объекта преступного посягательства, значительно шире и выходит за рамки законодательного. Известно, что не только компьютеры, но и смартфоны, планшеты, иные радиотрансляционные и информационные сети могут быть техническими устройствами воздействия различными способами на информацию. А для передачи информации могут быть использованы не только электрические сигналы, но и световые сигналы, электромагнитное излучение, сигналы сотовой связи. Таким образом, следует согласиться с теми авторами, которые считают, что формулировка термина «компьютерная информация» посредством указания на её представление «путём электрических сигналов» представляется узкой, так как в этом случае не охватывается весь спектр информации, которая, по сути, является компьютерной. Соответственно целый ряд общественно опасных посягательств, которые по смыслу закона предполагалось оценить как преступные, не подпадают

под признаки соответствующих составов компьютерных преступлений [10]. Между тем, как верно отмечает Л. В. Иногамова-Хегай, совершение преступления с использованием компьютерных технологий – такой же способ, как с использованием технических устройств, механизмов, оружия или предметов, применяемых в качестве оружия, и т.п. [11, с. 4–9].

Поскольку число таких преступлений неуклонно растёт, нужен другой подход к противодействию этим преступлениям. Например, вместо попыток охватить отдельные совершаемые правонарушения новыми составами преступлений, можно предусмотреть в качестве квалифицирующего признака специальный способ совершения преступления – путём ввода, удаления, уничтожения, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Это позволит предоставить правовую защиту данной сфере общественных отношений, избегая проблем по разграничению смежных составов.

Альтернативным решением могла бы выступить существенная доработка имеющихся составов, учитывающая присутствующие в рассматриваемых составах пробелы. Так, прежде всего, необходимо разработать новую трактовку термина «компьютерная информация», поскольку, как мы отметили ранее, из-за довольно неудачной формулировки этого термина затрудняется квалификация соответствующих правонарушений. Дальнейшая корректировка составов гл. 28 УК РФ должна быть произведена в зависимости от целей и защищаемых общественных отношений, предусмотренных законодателем, но обязательно с учётом реальных особенностей компьютеров, компьютерной информации и других связанных с правонарушениями данной сферы объектов материального мира (включая привлечение технических специалистов для консультативной работы).

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что преступления в сфере компьютерной информации в уголовном законодательстве Российской Федерации – один из важнейших институтов уголовного права и в то же время один из самых молодых его институтов. Это влечёт за собой определённую специфику правового регулирования, которая заключается в отсутствии исторического опыта работы с подобными составами и с данной сферой в рамках уголовного права вообще, а также в постоянном и крайне быстром развитии соответствующих общественных отношений. Всё это подводит нас не просто к необходимости урегулировать преступления в сфере компьютерной информации, но и регулярно обновлять соответствующие составы в части их соответствия сложившимся реалиям, начиная с предмета и объекта таких преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. По следам CyberCrimeCon 2017: Тенденции и развитие высокотехнологичной преступности [Электронный ресурс] // Ежегодная конференция Group-IB CyberCrimeCon 2017. – Режим доступа: <https://habr.com/company/group-ib/blog/341812/>.
2. Курс уголовного права : в 5-ти т. Т. 4 : Учение о преступлении / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – М. : Зерцало, 2002. – 672 с.
3. Ляпунов, Ю. И. Ответственность за компьютерные преступления / Ю. И. Ляпунов, В. М. Максимов // Законность. – 1997. – № 1. – С. 8–15.
4. Дремлюга, Р. И. Интернет и преступность : монография / Р. И. Дремлюга. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 240 с.
5. Батурин, Ю. М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность / Ю. М. Батурин, А. М. Жодзишский. – М. : Юрид. лит., 1991. – 160 с.
6. Копылов, В. А. Информационное право: вопросы теории и практики / В. А. Копылов. – М. : Юристъ, 2003. – 623 с.
7. Ефремова, М. А. К вопросу о понятии компьютерной информации // Российская юстиция. – 2012. – № 7. – С. 50–52.
8. Щепетильников, В. Н. Уголовно-правовая охрана электронной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Щепетильников. – Елец, 2006. – 179 с.
9. Бегишев, И. Р. Цифровая информация: понятие и сущность как предмета преступления по российскому законодательству // Академический юридический журнал. – 2011. – № 2 (44). – С. 47–55.
10. Дремлюга, Р. И. Понятие «компьютерная информация»: спорные вопросы в теории и законе // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2018. – № 1 (25). – С. 108–115.
11. Иногамова-Хегай, Л. В. Квалификация преступлений против личности и «компьютерных» преступлений по правилам совокупности преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 5. – С. 4–9.

REFERENCES

1. *In the footsteps of CyberCrimeCon 2017: Trends and development of high-tech crime. Group-IB Annual Conference CyberCrimeCon 2017.* Available at: <https://habr.com/company/group-ib/blog/341812/> (accessed 27 November 2018). (In Russian).
2. Borzenkov G.N., Komissarov V.S. (eds.). *Kurs ugolovnogo prava. T. 4: Uchenie o prestuplenii* [The course of criminal law: in five volumes. Vol. 4]. Moscow: Zertsalo Publ., 2002. 672 с.

3. Lyapunov Yu.I., Maximov V.M. *Otvetstvennost' za komp'yuternye prestupleniya* [Responsibility for computer crimes]. *Zakonnost'*, 1997., no. 1, pp. 8–15.
4. Dremlyuga R.I. *Internet i prestupnost'* [Internet and crime: a monograph]. Vladivostok: Publish. House of the Far Eastern University, 2008. 240 p.
5. Baturin Yu.M., Zhodzishskii A.M. *Komp'yuternaya prestupnost' i komp'yuternaya bezopasnost'* [Computer crime and computer security]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 160 p.
6. Kopylov V.A. *Informatsionnoe pravo: voprosy teorii i praktiki* [Information law: theory and practice]. Moscow: Yurist", 2003. 623 p.
7. Efremova M.A. К вопросу о понятии компьютерной информации [On the issue of the concept of computer information]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2012, no. 7, pp. 50–52.
8. Shchepetil'nikov V.N. *Ugolovno-pravovaya okhrana elektronnoi informatsii* [Criminal legal protection of electronic information]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Elets, 2006. 179 p.
9. Begishev I.R. Tsifrovaya informatsiya: ponyatie i sushchnost' kak predmeta prestupleniya po rossiiskomu zakonodatel'stvu [Digital information: the concept and essence as a subject of crime under Russian law]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*, 2011, no. 2 (44), pp. 47–55.
10. Dremlyuga R.I. Ponyatie «компьютерная информация»: спорные вопросы в теории и законе [The concept of «computer information»: controversial issues in theory and law]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*, 2018, no. 1 (25), pp. 108–115.
11. Inogamova-Khegai L.V. Kvalifikatsiya prestuplenii protiv lichnosti i «компьютерных» преступлений по правилам совокупности преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм [Qualification of crimes against the person and «computer» crimes according to the rules of the totality of crimes and competition of criminal law norms]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2016, no. 5, pp. 4–9.

УДК 343.34:004(470+5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/78-91

Я. О. Кучина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

**ПРЕДМЕТ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЗАВИСИМОСТЬ
ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИЯ» И «ДАННЫЕ» :
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ²**

Аннотация. Киберпреступность как проблема современного мира рассматривается огромным количеством учёных и практиков, в том числе и в Российской Федерации. Однако при более пристальном взгляде на отечественное уголовное законодательство становится очевидно, что избранный в главе 28 УК РФ объект преступлений, воспринимаемых как киберпреступления, выводит национальную уголовную практику за пределы трансграничной борьбы с киберпреступностью. По мнению автора статьи, причина этого – в выбранном законодателем термине «компьютерные преступления» и «компьютерная информация» и отказ от термина «цифровые данные».

Если рассмотреть компьютерную информацию и компьютерные данные с той же точки зрения, то очевидно, что основные различия будут лежать в поле неюридических свойств этих явлений. Автор полагает, что использовать термины «данные» и «информация» как синонимы в корне неверно, особенно когда речь идет о компьютерной или, правильнее, цифровой информации. В общем смысле данные представляют собой совокупность сведений, зафиксированных на определённом носителе в форме, пригодной для постоянного хранения, передачи и обработки. Информация, в свою очередь, представляет собой результат преобразования, обработки, анализа данных при решении конкретных задач. То есть, информация производна от данных, при этом, если вторые остаются неизменными в содержании и

¹ Ярослава Олеговна Кучина, кандидат юридических наук, LL.M., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кучина Я. О. Предмет киберпреступлений и зависимость его определения от дифференциации понятий «информация» и «данные»: сравнительно-правовой аспект // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 78–91.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

смысле, вторая зависит от запроса и задачи, цели, для достижения которой данные анализируются.

Основываясь на проведённом исследовании и приводя в качестве аргументов судебную практику, нормы права и результаты сравнительно-правового анализа, автор предлагает отказаться от использования термина «компьютерная информация», которым описывается предмет преступлений в УК РФ. Это позволит модернизировать закон и привести его в соответствие с актуальным состоянием науки и техники.

Ключевые слова: киберпреступность, киберправо, искусственный интеллект, цифровые отношения, уголовный закон, компьютерная информация, киберпреступления, цифровые данные, персональные данные.

Yaroslava O. Kuchina¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

THE SUBJECT OF CYBERCRIME AND THE DEPENDENCE OF ITS DEFINITION ON DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS “INFORMATION” AND “DATA”: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT²

Abstract. Cybercrime as a problem of the modern world is considered by a huge number of scientists and practitioners, including those in the Russian Federation. However, with a closer look at domestic criminal legislation, it becomes obvious that the object of crimes perceived as a cybercrime elected in Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation takes the national criminal practice beyond the borders of the transboundary fight against cybercrime. According to the author of the article, the reason for this lies in the term “computer crimes” and “computer information” chosen by the legislator, and the rejection of the term “digital data”. If we consider computer information and computer data from the same point of view, it becomes obvious that the main differences will lie in the field of non-legal properties of the phenomena. The author believes that the use of the terms “data” and “information” as synonyms is fundamentally wrong, especially when it comes to computer or, more correctly, digital information. In a general sense,

¹ Yaroslava O. Kuchina, Candidate of Law Sciences, Assistant Professor of the Department of Criminal law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kuchina Y. O. The subject of cybercrime and the dependence of its definition on differentiation of the concepts “information” and “data”: a comparative legal aspect // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 78–91.

²The reported study was funded by RFBR within the research project № 18-29-16129.

data is a collection of information recorded on a particular medium in a form suitable for permanent storage, transmission and processing. Information, in turn, is the result of conversion, processing, data analysis in solving specific problems. That is, the information is derived from the data: while the latter remain unchanged in content and meaning, the former depends on the query and the goal for which the data is analyzed. Based on the research and judicial practice, legal norms and the results of a comparative legal analysis as arguments, the author suggests not using the term “computer information”, which describes the subject of crimes in the Criminal Code of the Russian Federation. This will allow modernizing the law and bringing it into line with the current state of science and technology.

Keywords: Cybercrime, cyber law, artificial intelligence, digital relations, criminal law, computer information, cybercrime, digital data, personal data.

Глава 28 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Основополагающим в рамках этой главы УК РФ является Приложение 1 к ст. 272, в котором дано понятие предмета преступления. В нём компьютерная информация определена как *сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передач.*

До 7 марта 2011 г. под неправомерным доступом к компьютерной информации законодатель подразумевал доступ к информации *на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.*

Такая формулировка диспозиции ст. 272 УК РФ основывалась на ГОСТ 15971-90 и ГОСТ 27201-87 [1, 2]. Отступив в 2011 г. от терминологии ГОСТ и перейдя к использованию понятия «компьютерная информация», законодатель расширил возможность толкования содержания объекта и предмета преступления, исключив технические подробности и сосредоточившись на признаках защищаемого явления. Если выделять их непосредственно из примечания к ст. 272 УК РФ, то компьютерная информация должна представлять собой сведения, сообщения или данные, выраженные в определённой форме – в форме электрических сигналов.

При этом единообразного нормативно-правового разъяснения понятия «компьютерная информация» не существует. В научных работах часты ссылки [3] на «Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации» Генеральной прокуратуры Российской Федерации (*далее – Рекомендации*).

Эти Рекомендации представляют собой позицию, в соответствии с которой органы прокуратуры РФ осуществляют надзор за исполнением законодательства при расследовании преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ. Они же являются определяющими при поддержании государственного обвинения в совершении преступлений, запрещённых ст. 272 УК РФ.

Включённая в описательную часть ст. 272 УК РФ (равно как в иные статьи главы 28, а также в ст. 159.6 УК РФ), формулировка «охраняемая законом компьютерная информация» делает такой объект преступления бланкетным, так как, по сути, речь идёт об общественных отношениях, гарантирующих *правомерный* доступ, в том числе правомерные создание, хранение, модификацию, использование компьютерной информации самим создателем, потребление её иными пользователями.

Разъясняя особенности квалификации ст. 272 УК РФ, Генеральная прокуратура РФ ссылается на ст. 2 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в п. 1 которой информация определена как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Отсюда можно заключить, что у защищаемой законом информации должно быть, как минимум, три формы выражения – это сведения, сообщения и данные. Примечание 1 к ст. 272 УК РФ добавляет к этой форме ещё одну – форму электрических сигналов, тем самым отграничивая компьютерную информацию от иных видов информации. Способ отграничения – это, как совершенно верно отмечает В. Б. Вехов, способ внешнего оформления информации [4, с. 78], её объективизация, а не внутреннее содержание.

То есть, применяя положения главы 28, важно учитывать, что речь идёт не о компьютерной информации вообще, а о *компьютерной информации, охраняемой законом*. Применительно к информации в целом этот вопрос разрешён законодателем, т.к. виды охраняемой законом информации определены специальными нормативно-правовыми актами. В науке принято выделять понятие конфиденциальной информации, то есть информации, не подлежащей разглашению [5, с. 17]. В ч. 2 ст. 9 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ этот термин используется при описании обязанности не разглашать информацию, доступ к которой ограничен, то есть обязанности соблюдать её конфиденциальность. В ч. 1 этой же статьи есть перечень информации, доступ к которой ограничен. Ограничение доступа к информации означает, что она подлежит охране. К охраняемой законом относятся такие виды информации, как сведения, составляющие коммерческую тайну, служебную тайну и иную тайну (ч. 4 ст. 9), информация о частной физической лица, в том числе информация, составляющая личную или семейную тайну (ч. 8 ст. 9), персональная информация (персональные данные).

Некоторые авторы полагают данный перечень исчерпывающим, считая процитированный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ основным актом, регулирующим охрану

информации [3, с. 43–44], а установление критериев конфиденциальности – единственным признаком [6, с. 179–182]. Это мнение более чем спорно, поскольку отграничение видов охраняемой информации от неохраняемой определяется специальными нормативно-правовыми актами¹, Гражданским и Семейным кодексами Российской Федерации и, в некоторых случаях, правоприменителем – например, при объявлении закрытого судебного заседания по просьбе одного из участников процесса для обеспечения сохранности информации².

То есть, под информацией, охраняемой законом, надо понимать не только информацию, которую законодатель целенаправленно наделил признаками конфиденциальности и в отношении которой установил режим охраны. Охраняемая законом информация – это *любая информация, признаваемая законом, определённая законом, если в её отношении установлен любой правовой режим, то есть если она признана объектом правоотношения*. Наличие такого признания, исходя из положений действующего на территории РФ законодательства, позволяет прибегнуть к общим и специальным средствам защиты объекта правоотношения, например, согласно ст. 17 и ст. 23 Конституции РФ, ст. 1, ст. 11, ст. 150 и ст. 152.2 ГК РФ и пр. Следовательно, охраняемая законом компьютерная информация – это вся подобная информация, если она имеет форму электрических сигналов; и именно эта информация, по смыслу ст. 272 УК РФ, и должна составлять предмет преступления. Сужение предмета преступления, на наш взгляд, влечёт существенное снижение качества государственной защиты этой категории правоотношений от преступных посягательств.

Отсюда следует вывод, что существующее в практике толкование понятия компьютерной информации игнорирует бланкетный характер ст. 272 УК РФ и является исключительно толкованием примечания к ней. Кроме того, довольно часто правоприменитель не учитывает мнение, содержащееся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 N 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова», которым п. 5 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» признан не противоречащим Конституции РФ.

¹ К примеру, ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает, что сведения о факте обращения гражданина за медицинской помощью, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну, разглашение которой в какой-либо форме не допускается.

² Так, согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ от 13.12.2012 № 34 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», вопросы частной жизни лиц, не являющихся участниками дела, не могут подлежать оглашению среди неопределенного круга лиц, а вопросы, затрагивающие права и законные интересы несовершеннолетних, рассматриваются в открытом судебном заседании только при наличии согласия их законных представителей.

В нём, во-первых, Конституционный Суд признал лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам, не противоречащим Конституции РФ, *обладателем информации*. Во-вторых, постановил, что передача подобной информации (а, следовательно, и иные действия с ней) вопреки запрету, установленному *правовыми, в том числе локальными, актами или договором*, представляет собой нарушение прав и законных интересов обладателя информации. Это мнение полностью подтверждает сделанный нами вывод о бланкетном характере ст. 272 УК РФ.

Исходя из процитированного постановления Конституционного Суда РФ, а также анализа норм Конституции РФ и иных норм права Российской Федерации, мы можем определить критерий отделения неправомерных действий с компьютерной информацией от правомерных. В качестве него выступает нарушение запрета на получение доступа к компьютерной информации. Запрет может быть установлен законом, иным актом, в том числе локальным или правоприменительным, или договором. Последняя формулировка влечёт за собой очень важное правовое последствие, которое становится очевидным только при рассмотрении его вкупе с понятием «компьютерная информация». Для этого нам вновь необходимо вернуться к содержанию этого термина.

Анализируя Рекомендации Генеральной Прокуратуры РФ, судебную практику и позиции учёных [5, с. 20], мы должны отметить сформировавшееся устойчивое мнение о том, что охраняемая законом компьютерная информация – это та же информация (сведения, сообщения, данные), что охраняется законом в иных формах (визуальной, вербальной, письменной и пр.). Например, это информация, содержащая государственную тайну, только размещённая в компьютере или в ином равнозначном устройстве, в сети Интернет или т.д., которую законодатель назвал информацией в форме электрических сигналов, а современные источники чаще называют цифровой, компьютерной и пр.

Такое толкование приводит к мнению, что существует неохраняемая и охраняемая законом компьютерная информация, поскольку вступает в действие аналогия правоприменения, к примеру, положений об охраняемой законом тайне телефонных переговоров от незаконного вторжения. В этом случае незаконным будет считаться доступ к самим переговорам посредством технического или иного вторжения в телефонную сеть без наличия на то предусмотренных правовых и процессуальных оснований¹.

¹ Это и другие последствия незаконного сбора информации о частной жизни лица были разъяснены в определении Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьёй 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В случае с компьютерной информацией обобщенной судебной практики, как ни странно, не возникло. Законодатель, а вслед за ним и правоприменитель, проводят аналогии с другими видами информации и не задаются вопросом, насколько это оправданно. Однако от других видов информации компьютерная отличается несколькими существенными признаками, основным из которых (особенно для УК РФ) является *осознанный* характер её размещения. Информация становится компьютерной в силу совершения ряда технических действий, то есть она не может приобрести «форму электрических сигналов» самостоятельно или в результате бессознательной деятельности человека. Законодатель внёс в статью признак независимости компьютерной информации от средств её хранения, обработки и передачи, однако не учёл, что современные правоотношения в сфере информационных технологий подразумевают практически полную правовую определённость, установленную законом или договором.

Отсюда мы видим, что дефиниция, которая должна была исключить чрезмерную описательность из диспозиции статьи, наоборот, привела к её аморфности и казуальности. Более того, использование термина «компьютерная информация» в качестве определяющего в перечне деяний, которые представляют собой отечественную трактовку киберпреступлений, повлекло за собой непонимание ещё на международном, сравнительном уровне. Учитывая, что большинство современных киберпреступлений носят транснациональный характер, этот аспект также нельзя обойти вниманием.

Для этого вновь вернёмся к Приложению У к ст. 272 УК РФ, в котором законодатель объясняет компьютерную информацию через термины *сведения (сообщения, данные)*. Термин «данные» в сочетании с термином «компьютерная информация» стали основой для наиболее, на наш взгляд, важной научно-практической дискуссии в сфере отечественного киберправа. Термин «данные» автоматически отсылает нас к другому нормативно-правовому акту действующим в РФ: Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (Далее – ФЗ № 152).

Согласно п. 1 ст. 3 этого закона, персональные данные – это *любая информация, относящаяся к прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)*. Сравнивая п. 1 ст. 2 ФЗ № 149 с аналогичным пунктом ст. 3 данного закона, мы видим, что оба термина «информация» и «данные» определены друг через друга, и только общий смысл и толкование всего ФЗ № 152 позволяет понять, что персональные данные, по мнению законодателя, являются частным случаем охраняемой законом информации.

Это вносит существенное непонимание в международную практику киберправа. Выше мы уже кратко разъяснили взаимозависимость технологических (неюридических) и юридических свойств при правоприменении. По сути, с аналогичными проблемами правоприменитель сталкивается и при квалификации деяний иного

характера, где объект и предмет преступления, определённые ранее, столкнулись с более сложными в концептуальном смысле явлениями и, как следствие, показали несовершенство выбранных критериев. Например, «дизайнерские наркотики» и беспилотные воздушные системы (дроны) вызвали подобный эффект при применении статей из глав 25 и 27 УК РФ.

Если рассмотреть компьютерную информацию и компьютерные данные с той же точки зрения, то очевидно, что основные различия будут лежать в поле неюридических свойств этих явлений. Обращаясь за разъяснением к специальной литературе, мы можем заключить, что использовать термины «данные» и «информация» как синонимы в корне неверно, особенно когда речь идет о компьютерной или, правильнее, цифровой информации. В общем смысле данные представляют собой совокупность сведений, зафиксированных на определённом носителе в форме, пригодной для постоянного хранения, передачи и обработки. Информация, в свою очередь, представляет собой результат преобразования, обработки, анализа данных при решении конкретных задач. То есть информация производна от данных, при этом, если вторые остаются неизменными в содержании и смысле, вторая зависит от запроса и задачи, цели, для достижения которой данные анализируются.

В пределах киберотношений соблюдение этого терминологического различия крайне важно именно в силу производности юридического свойства от неюридического. Но самое главное заключается в том, что мы не можем вводить уголовную ответственность за изменение информации, поскольку информация меняется в зависимости от конкретного запроса конкретного субъекта (группы субъектов), а данные имеют постоянные фиксированные признаки, позволяющие определить степень вмешательства и причинённого вреда. Информация такой возможности не даёт. Более того, учитывая взаимопроизводность данных и информации, их тесную связь, признание в качестве определяющей именно информации приводит к тому, что под защиту попадает бесчисленное множество нефиксированных явлений, момент существования части которых невозможно реально установить. Всё это противоречит учению об объекте и предмете преступления, поскольку норма становится, как мы уже сказали, казуальной. Казуальность нормы уже приводит к проблемам квалификации составов преступлений, вызывая конкуренцию норм там, где их быть не должно [6].

Ещё одним существенным отличием информации от данных является их объективизация, тогда как информация может и не иметь материального выражения. Особенно ярко это различие проявляется в компьютерной, цифровой сфере, в том числе позволяя установить факт совершения преступления посредством выявления следов его совершения. Данные – это совокупности знаков. Хранимые данные представляют собой совокупности символов, а передаваемые данные – совокупности сигналов. Это и есть та причина, по которой в Примечании 1 к ст. 272 УК РФ

законодатель говорит о «форме электронных сигналов», тем самым позволяя нам заключить, что, фактически, под компьютерной информацией необходимо понимать именно цифровые данные.

Подтверждение этому нашему выводу мы находим и в международной, а также зарубежной практике применения законодательства. При этом сразу стоит отметить, что ряд нормативно-правовых актов, имеющих экстратерриториальный характер действия, вынуждены соблюдать и субъекты, относящиеся к Российской Федерации. К примеру, таким актом является Общий регламент по защите данных, более известный как General Data Protection Regulation (GDPR)¹. Это постановление Европейского Союза, с помощью которого Европейский парламент, Совет Европейского Союза и Европейская комиссия усиливают и унифицируют защиту персональных данных всех лиц в Европейском Союзе. Его исполнение обязательно для всех лиц, вовлечённых в оборот персональных данных граждан ЕС, направленно или косвенно. Учитывая последнее требование – то вообще всех лиц, если они прямо не ограничивают возможность граждан ЕС разместить свои персональные данные в систему их оборота.

Аналогичные требования мы можем обнаружить и в других законодательных актах. Все нормативно-правовые акты, касающиеся цифровых и киберотношений как непосредственно, так и регулирующие их опосредованно², базируются на определении личных (персональных) данных и их отделении от иных категорий данных, поскольку только так данные вообще могут быть защищены законом. Использование термина «конфиденциальная информация» или «компьютерная информация, защищаемая законом» нам не встретилось³, даже при наличии термина «информация» в законодательстве этих государств [8]. При этом в перечень данных могут включаться, помимо персональных, государственная тайна, профессиональная и коммерческая тайна [9].

К этому заключению также позволяет прийти анализ Сборника законов о конфиденциальности данных от 2015 г. [10], Справочника о законодательстве о защите данных в мире [11]. Аналогичный вывод можно сделать после анализа практики многолетнего применения первого по-настоящему международного акта, регулировавшего оборот персональных данных в ЕС до принятия Общего регламента – Директивы Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, вступившей в силу для регулирования оборо-

¹ Полное наименование акта Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).

² Когда законодатель предпочитает широкое регулирование, а не специализированное.

³ Нами было исследовано 36 стран в целом: ведущие страны АТР и Евросоюз.

та и защиты информации в пределах Евросоюза, принятой в 1995 г. для обеспечения безопасности персонализированных данных на территории Евросоюза [12].

Также хотелось бы отметить, что использование термина «данные», а не «информация» наблюдалось до массового распространения кибертехнологий – в законодательных актах об обороте аналоговых, а не цифровых данных. Наиболее интересный пример этого можно найти в законодательстве США, которое, в силу своеобразного построения, некоторые учёные называют «секторальным» [10, 13]. Это означает, что законодательство распространяется не на весь круг правоотношений в сфере киберотношений и цифровых данных вообще, а на его определённые секторы и обстоятельства (например, есть Закон о защите конфиденциальности видео 1988 г., Закон о защите кабельного телевидения и конкуренции 1992 г., Закон о добросовестной кредитной отчётности, а также Закон об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан 1996 г. и т.д.). Но два федеральных правовых акта направлены исключительно на оборот цифровых данных: Закон об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан 1996 г. и Закон Грэмма – Лича – Блайли [14, 15]. Помимо них разработаны федеральные законы, содержащие ограничения для провайдеров цифровых услуг, имеющих доступ к персональным данным.

На данный момент в США наиболее значимым является Закон об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан 1996 г., также известный как Закон Кассебаума – Кеннеди [14], и именно его нам хотелось бы привести в качестве примера, объясняющего разницу между цифровыми данными и информацией (в силу детализации практики применения этого закона). Целью действия этого закона является защита информации, поступающей в базы данных при оформлении медицинской страховки, благодаря чему все провайдеры цифровых услуг разделены на тех, кто обязан следовать нормам закона, и тех, на кого такая обязанность не возложена. Закон Кассебаума – Кеннеди обеспечивает упорядоченную процедуру ведения электронных медицинских записей и включает в себя положения о безопасности и конфиденциальности так называемых «защищённых данных о состоянии здоровья».

В их перечень включается достаточно большое количество разнообразных данных, имеющих прямое отношение к здоровью, его состоянию или же только касающихся этого, благодаря которым можно идентифицировать лицо – собственника данных (например, из данных о страховке или результатов лабораторных исследований, в том числе рентгеновских снимков, результатов анализов крови и пр.) [16]. Закон Кассебаума – Кеннеди затрагивает практически любую сферу, касающуюся конфиденциальной информации о состоянии здоровья. Он влияет на исследования в области здравоохранения, в том числе даже на те, результаты которых представлены в виде графиков и диаграмм, а тем более на исследования, связанные

с общением с пациентами, с целью отслеживания состояния здоровья и влияния процесса лечения на человеческий организм [17].

Помимо прочего, практика применения этого закона вылилась в целый перечень чётких требований и критериев технического характера, позволяющих точно установить пределы действия с данными, особенности их обработки, технологий персонализации и деперсонализации, а также извлечения информации из этих данных. Например, Amazon Web Services разработал «Белую книгу» для тех своих клиентов, кто заинтересован в сохранении конфиденциальности медицинской информации при применении оказываемых компанией услуг. «Белая книга» Amazon Web Services содержит исчерпывающие сведения о том, как, в соответствии с Законом Кассебаума – Кеннеди, этим провайдером цифровых услуг обрабатываются конфиденциальные личные данные о здоровье [18].

Всё это позволяет нам ещё раз прийти к выводу, уже сделанному в середине работы. Неточность дефинитивного аппарата в сфере регулирования цифровых и киберотношений способна привести как к частным, так и общим проблемам применения права. Особенно это важно, если государство, как, к примеру, сейчас Российская Федерация, планирует существенное реформирование законодательной сферы, которое приведёт к созданию новой отрасли права. Уже сейчас, сталкиваясь со стремительным прогрессом регулируемых отношений, мы видим, что имеющийся закон существенно отстаёт – в техническом и юридическом смыслах, а это влечёт существенные проблемы в применении даже ограниченного числа норм, что имеются сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Системы обработки информации. Термины и определения [Электронный ресурс] : Государственный стандарт СССР ГОСТ 15971-90 (утв. и введен в действие постановлением Государственного комитета СССР по управлению качеством продукции и стандартам от 26 октября 1990 г. № 2698). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gost-15971-90>.

2. Машины вычислительные электронные персональные. Типы, основные параметры, общие технические требования [Электронный ресурс] : Государственный стандарт Союза ССР ГОСТ 27201-87 (утв. постановлением Госстандарта СССР от 28 января 1987 г. № 124) (с изм. и доп.). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gost-27201-87>.

3. Евдокимов, К. Н. Вопросы уголовно-правовой квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации и его отграничения от смежных составов преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 2 (10). – С. 42–46.

4. Вехов, В. Б. Преступления, связанные с неправомерным использованием баз данных и содержащейся в них компьютерной информации // Защита информации. Инсайд. – 2008. – № 2 (20). – С. 76–82.

5. Старичков, М. В. Понятие «компьютерная информация» в российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2014. – № 1 (68). – С. 16–20.

6. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 18 декабря 2017 г. по делу № 22-9487/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ekbobsud.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14762698&delo_id=4&new=4&text_number=1.

7. Шкиль, Д. А. К вопросу о видах ответственности работников, допустивших распространение охраняемой законом информации / Д. А. Шкиль, А. В. Китаева // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Т. 1. – Самара, 2018. – С. 179–181.

8. Кучина, Я. О. Правовое регулирование облачных технологий (вычислений) / Я. О. Кучина. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 168 с.

9. Privacy and legal issues in cloud computing. Elgar law, technology and society / ed. by R. H. Weber, A. Cheng. – London : Edward Elgar Pub, 2015. – XIV, 290, 14 p.

10. International compendium of data privacy laws [Электронный ресурс] / compil. T. J. Kobus, G. S. Zeballos. – Baker Hostetler, 2015. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=347b9a58-5b45-474b-9395-7a52abe5ba7a>.

11. DLA Piper. Data Protection Laws of the World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dlapiperdataprotection.com/#handbook/world-map-section>.

12. О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных [Электронный ресурс] : Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. – Режим доступа: <https://pd.rkn.gov.ru/law/>.

13. Schriver R. You cheated, you lied: the safe harbor agreement and its enforcement by the Federal Trade Commission // Fordham Law Review. – 2002. – Vol. 70, iss. 6. – P. 2777–2818.

14. The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA) Pub. L. 104–191, 110 Stat. 1936, August 21, 1996, (U.S.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ191/pdf/PLAW-104publ191.pdf>.

15. The Gramm–Leach–Bliley Act (Financial Services Modernization Act of 1999), Pub. L. 106–102, 113 Stat. 1338, November 12, 1999 (U.S.) [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf>.

16. Armstrong, D. Potential impact of the HIPAA privacy rule on data collection in a registry of patients with acute coronary syndrome / D. Armstrong, E. Kline-Rogers, S. Jani, E. Goldman // *Archives of Internal Medicine*. – 2005. – Vol. 165, iss. 10. – P. 1125–1129.

17. Privacy and Anonymity in the Digital Era / guest ed. S. Gritzalis. – Bradford, GBR : Emerald Group Publishing Ltd, 2006. – 112 p. – (Internet Research ; vol. 16, no. 6).

18. Architecting for HIPAA Security and Compliance on Amazon Web Services. Amazon Web Services, December 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.examineus.com/EducationFiles/AWS_HIPAA_Compliance_Whitepaper.pdf

REFERENCES

1. *USSR State Standard GOST 15971-90 «Information processing systems. Terms and definitions» (approved and enacted by the decision of the USSR State Committee for Product Quality Management and Standards of October 26, 1990 No. 2698)*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/gost-15971-90> (accessed 18 May 2018). (In Russian).

2. *USSR State Standard GOST 27201-87 «Personal electronic computers. Types, basic parameters, general technical requirements» (approved by the State Standard of the USSR on January 28, 1987 No. 124) (with changes and additions)*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/gost-27201-87> (accessed 18 May 2018). (In Russian).

3. Evdokimov K.N. Voprosy ugolovno-pravovoi kvalifikatsii nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informatsii i ego otgranicheniya ot smezhnykh sostavov prestuplenii [Issues of criminal law qualification of unauthorized access to computer information and its delimitation from related offenses]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2009, no. 2 (10), pp. 42–46.

4. Vekhov V.B. Prestupleniya, svyazannye s nepravomernym ispol'zovaniem baz dannykh i sodержashcheysya v nikh komp'yuternoj informatsii [Crimes related to the misuse of databases and the computer information contained in them]. *Zashchita informatsii. In said*, 2008, no. 2 (20), pp. 76–82.

5. Starichkov M.V. Ponyatie «komp'yuternaya informatsiya» v rossiiskom ugolovnom prave [The concept of «computer information» in Russian criminal law]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2014, no. 1 (68), pp. 16–20.

6. *The appeal decision of the Sverdlovsk regional court dated December 18, 2017 in case No. 22-9487/2017*. Available at: http://ekbobsud.ru/modules.php?name=sud_de lo&srv_num=1&name_op=doc&number=14762698&delo_id=4&new=4&text_number=1 (accessed 20 May 2018). (In Russian).

7. Shkil' D.A., Kitaeva A.V. К вопросу о видах ответственности работников, допустивших распространение охраняемой законом информации [On the issue of the types of workers' responsibility that allowed the dissemination of information protected by law]. *Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii na sovremennom etape. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii ad"yunktov, aspirantov, kursantov i studentov* [Problems and prospects of development of the penitentiary system of Russia at the present stage. Materials of the International Scientific Conference of adjuncts, graduate students, cadets and students]. Vol. 1. Samara, 2018, pp. 179–181.

8. Kuchina Y.O. *Pravovoe regulirovanie oblachnykh tekhnologii (vychislenii)* [Legal regulation of cloud technologies (computing)]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 168 p.

9. Cheung A., Weber R. (eds). *Privacy and Legal Issues in Cloud Computing. Elgar Law, Technology and Society*. London: Edward Elgar Pub, 2015. XIV, 290, 14 p.

10. Kobus T. J., Zeballos G. S. (compil.). *International Compendium of Data Privacy Laws*. Baker Hostetler, 2015. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=347b9a58-5b45-474b-9395-7a52abe5ba7a> (accessed 11 May 2018).

11. *DLA Piper. Data Protection Laws of the World*. Available at: <https://www.dlapiperdataprotection.com/#handbook/world-map-section> (accessed 11 May 2018).

12. *Directive 95/46 / EC of the European Parliament and of the Council of October 24, 1995 On the protection of individuals during the processing of personal data and on the free circulation of such data*. Available at: <https://pd.rkn.gov.ru/law/> (accessed 11 May 2018) (In Russian).

13. Schriver R. You Cheated, You Lied: The Safe Harbor Agreement and Its Enforcement by the Federal Trade Commission. *Fordham Law Review*, 2002, vol. 70, iss. 6, pp. 2777–2818.

14. *The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA) Pub. L. 104–191, 110 Stat. 1936, August 21, 1996, (U.S.)*. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ191/pdf/PLAW-104publ191.pdf> (accessed 12 May 2018).

15. *The Gramm–Leach–Bliley Act (Financial Services Modernization Act of 1999), Pub. L. 106–102, 113 Stat. 1338, November 12, 1999 (U.S.)*. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf> (accessed 12 May 2018).

16. Armstrong D., Kline-Rogers E., Jani S., Goldman E. Potential impact of the HIPAA privacy rule on data collection in a registry of patients with acute coronary syndrome. *Archives of Internal Medicine*, 2005, vol. 165, iss. 10, p. 1125–1129.

17. Gritzalis S. (guest ed.). *Privacy and Anonymity in the Digital Era*. Bradford, GBR: Emerald Group Publishing Ltd, 2006. 112 p. (Internet Research; vol. 16, no. 6).

18. *Architecting for HIPAA Security and Compliance on Amazon Web Services. Amazon Web Services, December 2015*. Available at: https://www.examineus.com/EducationFiles/AWS_HIPAA_Compliance_Whitepaper.pdf (accessed 12 May 2018).

УДК 343.711.6:336.743:004

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/92-107

Э. В. Сон¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zentr-atr@rambler.ru

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. Внедрение инновационных технологий во все сферы жизни привело к формированию нового экономического сектора – цифровой, или виртуальной, экономики и появлению такого «цифрового имущества», как криптовалюта, статус которой юридически не закреплён, а доктринальные исследования по данному вопросу пребывают пока в зачаточном состоянии. Именно поэтому в статье автор задаётся вопросом: «Может ли криптовалюта выступать предметом хищения чужого имущества?», ответ на который имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Изучение судебно-следственной практики показало, что при уголовно-правовой оценке хищений, когда предметом посягательства выступает криптовалюта, возникает немало сложностей. В статье дан анализ существующей нормативно-правовой базы и проектов федеральных законов, в которых предпринимается попытка урегулировать правовой статус криптовалюты. Однако, по мнению автора, даже принятие данных законопроектов не исчерпает до конца проблему и статус криптовалюты в ближайшее время окончательно определён не будет. С позиции прочно сформировавшегося в доктрине уголовного права устойчивого мнения о необходимости при квалификации хищения устанавливать наличие обязательных признаков предмета хищения, автор приходит к выводу о том, что физический признак предмета хищения, будучи обязательным для уголовно-правовой оценки предмета хищения, не позволяет криптовалюте и другие нематериальные разновидности имущества признавать предметом хищения. Автор считает, что в связи с появлением имущества в электронной форме назрела необходимость переосмыслить уголовно-правовое учение о физическом признаке предмета хищения. Завер-

¹ Сон Эдуард Вадимович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Сон Э.В. Криптовалюта как предмет хищения чужого имущества: проблемы уголовно-правовой оценки // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. № 3. С. 92–107.

шается статья конкретными предложениями, которые могут быть использованы в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности, а также при подготовке и корректировке постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвящённых решению проблем уголовно-правовой оценки криптовалюты как предмета хищения чужого имущества.

Ключевые слова: хищение чужого имущества, предмет хищения, криптовалюта, признаки предмета хищения, физический признак предмета хищения.

Eduard V. Son¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zentr-atr@rambler.ru

CRYPTO CURRENCY AS AN OBJECT OF THIEVERY: PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT

Abstract: Implementation of innovative technologies in all areas of life has led to the development of a new sector of economy, digital or virtual economy, and to the emergence of “digital property” such as cryptocurrency; its status has not been legalized yet, and its doctrinal research is still in its early stage. That is why the author of this article raises a question: “Can cryptocurrency act as an object of embezzlement?” The answer carries both a theoretical and practical value. Study of the judicial and investigative practice has shown that difficulties arise during the criminal law assessment of embezzlement, where cryptocurrency is the object of attack. The article provides an analysis of the current legal framework and federal bills, that attempt to regulate the legal status of cryptocurrency. However, according to the author, even if these bills are adopted, the problem will not be fully solved, and the situation of cryptocurrency will still be undefined. From the standpoint of a firm belief in the penal doctrine, the classification of theft calls for including the existence of must-be signs of an object of embezzlement; the author concludes that the physical sign of an object of embezzlement does not allow cryptocurrency or other immaterial property to be an object of embezzlement. According to the author, emergence of the virtual property makes it necessary to redefine the criminal-law doctrine of the physical signs of an object of embezzlement. The article ends with specific proposals that can be used in the legislative and law enforcement activity, also that can be used in preparing or correcting decisions of the Plenary Court of the Russian Federation,

¹ Eduard V. Son, Graduate student, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
For citing: Son E. V. Crypto currency as an object of thievery: problems of legal assessment // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 92–107.

that are devoted to solve the problem of the criminal-law assessment of cryptocurrency as an object of embezzlement.

Keywords: embezzlement, the object of embezzlement, cryptocurrency, sign of an object of embezzlement, physical signs of an object of embezzlement.

В современных условиях инновационные технологии внедрились во все сферы жизнедеятельности человека, что привело к формированию нового экономического сектора – цифровая, или виртуальная, экономика. Данные обстоятельства послужили появлению такого «цифрового имущества», как криптовалюта*, в отношении которого может осуществляться неправомерное завладение. Возникает вопрос: «Может ли криптовалюта выступать предметом хищения чужого имущества?» Ответ на него является актуальным в связи с тем, что статус криптовалюты юридически не закреплен, а доктринальные исследования по данному вопросу пребывают пока в зачаточном состоянии.

Как известно, предмет посягательства – чужое имущество является обязательным признаком любого состава хищения. Вместе с тем понятие чужое имущество в уголовном законодательстве не представлено. Однако в соответствии со ст. 128 ГК РФ к имуществу относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), нематериальные блага.

Из вышесказанного можно заключить, что криптовалюта не подпадает ни под один вид имущества, указанного в ст. 128 ГК РФ.

В современной правовой доктрине специалисты полагают, что криптовалюта – это новейший вид денежной валюты, который представляет собой децентрализованный учёт цифровых активов, основанный на технологии блокчейн и использующий в процессе функционирования методы криптографии [11, с. 35–44]. Производство криптовалюты называется майнингом. Суть майнинга заключается в том, чтобы с помощью решения математических задач получить определённое число, которое далее образует компьютерный блок (ячейку для хранения информации), из которого генерируется криптовалюта [7, с. 162]. Произведённая криптовалюта в дальнейшем может выступать обычным средством платежа или обмена.

Следует заметить, что по своему содержанию данный виртуальный предмет близок к безналичным денежным средствам, однако анализ правовой природы

* Термин «криптовалюта» в научных кругах подвергается сомнению и является, по мнению исследователей, не вполне корректным, однако мы будем использовать данный термин без дополнительных исследований, так как данный вопрос не входит в предмет настоящего исследования.

криптовалюта позволяет выделить особенности, отличающие его от привычных денежных средств:

во-первых, криптовалюта не имеет своего материального овеществленного выражения, в отличие от денежных средств, которые обладают вторичным виртуальным видом (к примеру, электронные кошельки);

во-вторых, статус криптовалюты в Российской Федерации до настоящего времени юридически не закреплён;

в-третьих, рынок криптовалюты в России и большинстве стран мира масштабно не урегулирован государством, и фактически производить криптовалюту может каждый, кто имеет компьютер с видекартой;

в-четвёртых, криптовалюта производится и хранится в просторах информационно-телекоммуникационной сети (Интернет), в связи с чем держатели криптовалюты официально не связаны отношениями с кредитными организациями и банками.

Выделенные особенности криптовалюты позволяют утверждать, что она не может быть причислена к какому-либо законодательно закреплённому виду имущества.

В современных условиях в мире существует множество разновидностей криптовалют, самые известные из них – это Биткоин (Bitcoin), Лайткоин (Litecoin) и Эфириум (Ethereum). На мировом рынке криптовалюта нашла признание, о чём свидетельствует возможность проведения операций с ней на международных фондовых биржах.

Современная судебная практика свидетельствует об отсутствии единой позиции судов в определении статуса криптовалюты. Так, Арбитражный суд г. Москвы в своём определении отказал в удовлетворении ходатайства о включении криптовалюты в конкурсную массу гражданина Ц., аргументируя тем, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав и находится вне правового поля Российской Федерации [4].

Однако по результатам рассмотрения апелляционной жалобы судом апелляционной инстанции криптовалюта была включена в конкурсную массу гражданина – должника Ц. [5], что позволяет утверждать: суд признал криптовалюту имуществом.

Анализ существующей нормативно-правовой базы и проектов федеральных законов показывает, что вопрос о правовом статусе криптовалюты является дискуссионным.

Так, в одном случае предложено запретить майнинг (производство криптовалюты) и оборот криптовалюты на территории РФ.

В 2014 г. Министерством финансов Российской Федерации был разработан проект федерального закона, предусматривающий внесение изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в ст. 27. В частности, предлагалось дополнить ст. 27 запретом на выпуск денежных суррогатов, в том числе в электронном виде, а также расширить запрет не только на выпуск денежных суррогатов, но и на их обращение [28].

Этим же министерством был подготовлен ещё один проект федерального закона, в котором предлагалось в рамках новой статьи 187.1 УК РФ установить уголовную ответственность за оборот денежных суррогатов и предусмотреть наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет лишения свободы [29]. Однако данные законодательные инициативы не получили поддержки и реального воплощения.

По мнению сторонников запрета, неурегулированный оборот криптовалюты может привести к всплеску мошеннических атак, а также спровоцирует переход теневой экономики на новый уровень, что представляет угрозу для безопасности государства.

Вместе с тем следует прислушаться к авторам, которые полагают, что запрет оборота криптовалюты как криминального инструмента необходимо обозначить посредством определения зоны его легитимности [22, с. 153].

Надо признать, что новейшие инновационные технологии, послужившие появлению криптовалюты, являются частью современной мировой экономики, а сама криптовалюта уже внедрилась в жизнь общества многих государств. По нашему мнению, законодательство не должно отставать от веяния времени и безотлагательно надлежит разрешить о внесении соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации. Новеллы должны быть направлены на постановку под охрану закона интересов добросовестных производителей и держателей криптовалюты от противоправных и/или преступных действий третьих лиц.

В настоящее время в соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 21.10.2017 № Пр-2132 разработан проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» [2], в котором предложено установить правовой статус криптовалюты в Российской Федерации. Так, под криптовалютой разработчиками законопроекта предложено понимать финансовый актив в цифровом виде и отнести его к имуществу в электронной форме.

Законодательные инициативы в пользу легализации новейшего вида денежной валюты нашли своё отражение и в проекте федерального закона «О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [3], в котором предложено ввести совершенно новые для гражданско-правовых отношений понятия «цифровое право» и «цифровые деньги». Под цифровыми правами предложено понимать цифровой код или обозначение, отвечающие установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, позволяющие совершать действия по распоряжению цифровым правом.

Цифровые деньги в соответствии с проектом статьи 141.2 Гражданского кодекса РФ, предложенной в рассматриваемом законопроекте, – это не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (код или обозначение), используемая пользователями этой системы для осу-

ществления платежей. Также обозначено, что цифровые деньги не обязательны к приёму при осуществлении всех видов платежей.

Не осталось в стороне от решения назревших проблем и действующее уголовное законодательство. Так, Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ч. 3 ст. 158 УК РФ был введён пункт «г», в котором установлена ответственность за кражу, совершённую с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса) [1]. При этом не вполне понятно, что подразумевает законодатель под электронными денежными средствами.

Считаем, будет правильно, если в соответствующих Постановлениях Пленум Верховного Суда РФ разъяснит, что понимается под электронными денежными средствами. Как вариант – это может быть дефиниция, предложенная в упомянутом выше проекте статьи 141.2 Гражданского кодекса РФ.

Анализ законодательских проектов показывает, что законодатель предпринимает попытки определить место криптовалюты в системе гражданских прав, выделив её в отдельную категорию.

К сожалению, пока видится, что даже принятие данных законопроектов не исчерпает до конца проблему и статус криптовалюты в ближайшее время окончательно определён не будет.

Ещё один спорный вопрос нуждается в разрешении: появление имущества в электронной форме требует переосмысления уголовно-правового учения о предмете хищения. В доктрине уголовного права с давних пор сформировалось устойчивое мнение о наличии обязательных признаков предмета хищения. К ним относят физический, экономический и юридический признаки [23, с. 168–171]. Отсутствие при квалификации содеянного одного из обозначенных признаков свидетельствует об отсутствии предмета хищения.

Проблема законодательного урегулирования статуса криптовалюты рано или поздно будет законодательно решена, о чём свидетельствует активизация законопроектной работы в этом направлении. Следовательно, и вопрос о наличии юридического признака при уголовно-правовой оценке криптовалюты в качестве предмета хищения будет исчерпан.

Обладает ли виртуальная валюта экономической ценностью – вопрос, не вызывающий сомнений.

Однако возникают проблемы в определении физического признака предмета хищения при уголовно-правовой оценке криптовалюты.

Как писал М. В. Фролов, «...физический признак имущества как предмета хищения означает, что в его качестве могут выступать вещи, предметы внешнего к человеку мира, определённые в пространстве, доступные объективному восприя-

тию человека, обладающие такими параметрами, как масса, вес, объём, плотность...» [24, с. 20–21].

По мнению И. Я. Фойницкого, физический признак заключается в том, что имущество должно быть вещественным, телесным предметом внешнего мира, занимающим какое-либо место в пространстве и доступно чувствам человека [23, с. 168]. При этом автор отмечал, безразлично, «действию каких именно внешних чувств доступна данная вещь. Обыкновенно, она есть предмет осязаемый, который можно взять руками, захватить ...» [23, с. 169].

Тожественной позиции придерживались такие криминалисты, как А. А. Жижиленко, Б. С. Никифоров, М. М. Исаев [см., к примеру: 9, с. 12–13; 20, с. 23], которые утверждали, что предметом хищения выступают вещи, то есть именно материальные предметы внешнего мира.

Анализ имеющихся в доктрине положений по данному вопросу позволяет утверждать: физический признак означает, что предметом при хищении выступают только вещи – телесные предметы внешнего мира.

Уголовное законодательство прямо не предписывает, что предметом хищения выступают исключительно вещи материального мира, однако В. В. Нароженко справедливо полагает, что законодатель определил в качестве предмета хищения исключительно вещи, то есть объекты, обладающие признаком телесности, подкрепляя свою позицию следующими аргументами:

- в соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ ущерб в результате хищения причиняется исключительно собственнику или иному владельцу имущества;
- в соответствии гражданским законодательством право собственности представляет собой наиболее полное вещное право, включающее в себя правомочия по распоряжению, пользованию и владению. Тем самым, собственник – обладатель наиболее полного права на вещь;
- в соответствии гражданским законодательством вещные права возникают лишь на объекты, обладающие признаком телесности, ибо «...переработать, самовольно построить, найти можно лишь телесный объект...» [19, с. 214].

Таким образом, физический признак предмета хищения, будучи обязательным для уголовно-правовой оценки предмета хищения, не позволяет криптовалюту и другие нематериальные разновидности имущества признавать предметом хищения.

Учитывая темпы цифровизации общества и широкую распространенность вновь появляющихся нематериальных разновидностей имущества, назрела необходимость переосмысления существующих в уголовно-правовой доктрине положений по данному вопросу и трансформации современного подхода в понимании предмета хищения как признака состава хищения чужого имущества.

Отметим, что отдельными учёными высказывалось мнение относительно расширения предмета хищения, так, теоретики предлагают в нормах главы 21 УК при-

числать к имуществу не только вещи в материальном выражении, но и имущественные права [см., например: 6, с. 90; 17, с. 36–44; 16, с. 91]. Данная позиция обусловлена дискуссиями в научных кругах относительно определения статуса безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг [26]. Высказанная точка зрения может способствовать решению проблемы уголовно-правовой квалификации хищений безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг*.

Вместе с тем, относительно криптовалюты, следует учитывать, что, в отличие от безналичных денежных средств, она не имеет своего материального отражения и цифровая форма криптовалюты является её первичным и единственным видом, в то время как безналичные денежные средства являются вторичным видом (первичным всё же являются наличные денежные средства). Так же подчеркнём, что у собственников криптовалюты не возникает правовых отношений с кредитными организациями и банками, вследствие чего держатели криптовалюты не наделены правом требования в отношении кредитных организаций и банков.

Полагаем, что высказанное выше предложение не решает проблему определения криптовалюты как предмета хищения.

В. В. Нароженко предлагает отказаться от физического признака предмета хищения и при уголовно-правовой квалификации хищений нематериальных благ в каждом конкретном случае рассматривать вопрос о наличии предмета хищения [19, с. 214].

Нам видится, что данное предложение не бесспорно, так как полный отказ от материального признака предмета хищения приведёт к чрезмерному расширению предмета хищения и тогда к нему можно будет причислить и интеллектуальную собственность, и информацию, и электрическую энергию, и т.п. Так же рассмотрение каждого конкретного случая хищения нематериального блага приведёт к противоречиям в судебной-следственной практике.

Думается, вопрос об оценке физического признака предмета хищения заслуживает научного системного анализа с целью сделать его пригодным для признания криптовалюты и других нематериальных разновидностей имущества предметом хищения. Нам видится, что его необходимо расширить и преобразовать в «материальный».

Завершая исследование, выразим свою позицию по вопросу: так что же такое криптовалюта?

* В доктрине уголовного права неоднозначно определён статус безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг. Так, одни криминалисты относят безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги к имущественным правам обязательного характера [25], другие предлагают относить безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги к вещам [26; 27].

Как отмечено выше, в проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» предложено криптовалюту признавать цифровыми деньгами, под которыми следует понимать совокупность электронных данных (код или обозначение), созданных в информационной системе. Эти данные должны также соответствовать некоторым требованиям, а именно не удостоверяют право на какой-либо объект гражданских прав и код или обозначение должны использоваться пользователями системы для осуществления платежей.

Под информацией, в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

На основании изложенного нам видится, что криптовалюта как совокупность электронных данных является своего рода специфической информацией в электронном виде, находящейся в специализированной информационной системе, выступающей для пользователей этой системы в качестве средства платежа. Криптовалюту можно представить как разновидность компьютерной информации.

Однако полагаем, что криптовалюта, будучи разновидностью компьютерной информации, всё же выступает имуществом в цифровом виде, так как обладает товарно-материальной ценностью и служит именно средством платежа и, в отличие от иной компьютерной информации, не имеет другого предназначения.

Термин компьютерная информация отражён законодателем в примечании к ст. 272 УК РФ, где под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

На страницах научной печати высказывали свои позиции и учёные-криминалисты относительно понятия компьютерной информации. Так, Г. Д. Долженкова, И. А. Юрченко определили понятие компьютерной информации как информацию, зафиксированную на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети [13].

И.А. Клепичский предлагает понимать под компьютерной информацией информацию в оперативной памяти ЭВМ, информацию на иных машинных носителях, как подключенных к ЭВМ, так и на съёмных устройствах, включая дискеты, лазерные и иные диски, карты памяти и др. [14, с. 824].

В. А. Мещеряковым было сформулировано более полное понятие компьютерной информации, под которой понималась информация, представленная в специальном (машинном) виде, предназначенном и пригодном для её автоматизированной обработки, хранения и передачи, находящаяся на материальном носителе и

имеющая собственника или иного законного владельца, установившего порядок её создания (генерации), обработки, передачи и уничтожения [18, с. 14].

Анализ приведённых положений относительно понятия компьютерной информации позволяет сделать вывод о том, что в определении понятия компьютерной информации криминалисты выделяют два основных критерия – это непосредственно информация (данные), представленная в цифровом виде, и физические носители этой информации, при этом одно без другого немислимо.

В настоящее время имеется большое разнообразие физических носителей информации ЭВМ, флэш-накопители, жёсткие диски, магнитные диски и т.п.). Однако в российском законодательстве отсутствует конкретное понятие «носитель информации». Но, проанализировав положения Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», можно прийти к логическому выводу, что под носителями информации законодатель предлагает понимать материальные объекты, в том числе физические поля, в которых информация находит своё отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов*. Физической науке известны такие физические поля, как электромагнитные, магнитные, электрические, поля и т.п.

Словосочетанием «в том числе» в дефиниции ст. 2 Закона «О государственной тайне» законодатель определил, что физические поля являются формой материи.

Н. А. Зигура, разъясняя отношение физических полей к компьютерной информации, верно отметил, что процесс переноса цифровой информации на их носители есть процесс изменения электромагнитных состояний определённых участков их поверхности [10, с. 82]. Цифровая информация есть непрерывная взаимосвязь цифровых данных и их носителей посредством воздействия физических полей.

На основании сказанного полагаем, что криптовалюта как особый вид имущества, представленный в виде цифровой информации, также находится в постоянном синтезе физических полей (материальной субстанции), цифровых данных и их носителей.

Обобщая вышеизложенное с целью решения обозначенных нами проблем, предлагаем:

- законодательно закрепить правовой статус криптовалюты в России;
- под криптовалютой понимать такую разновидность компьютерной информации, которая выступает имуществом в цифровом виде, обладает товарно-материальной ценностью и имеет предназначение служить только средством платежа;

* В соответствии со ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»: «...носители сведений, составляющих государственную тайну, – материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят своё отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов».

– с учётом того, что физический признак предмета хищения, будучи обязательным для уголовно-правовой оценки предмета хищения, не позволяет криптовалюту и другие нематериальные разновидности имущества признавать предметом хищения, надлежит преобразовать его в «материальный»;

– с целью исключения разночтений в понимании термина «электронные денежные средства» как признака преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, разъяснить его в соответствующих Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Представляется, что предложенные нововведения послужат решению проблем уголовно-правовой оценки криптовалюты как предмета хищения чужого имущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Российская газета. – 2018. – 25 апреля, № 88.

2. О цифровых финансовых активах [Электронный ресурс] : проект федерального закона № 419059-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#023189332084366376>.

3. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект Федерального закона № 424632-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22 мая 2018 г.). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172417#09500368707328877>.

4. Определение Арбитражного суда г. Москвы. Дело № А40-124668/17-71-160 Ф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/45c24bb9-9d22-4b57-8742-9a778f041b99/A40-124668-2017_20180305_Opredelenie.pdf.

5. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда г. Москвы № 09АП-16416/2018. Дело № А40-124668/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-1246682017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf.

6. Безверхов, А. Г. Имущественные преступления: вопросы криминализации и систематизации // Юридический аналитический журнал. – 2002. – № 2. – С. 90.

7. Вшивков, М. В. Криптовалюта биткойн как инновационный инструмент мировой торговли / М. В. Вшивков, А. А. Гончарова // Вестник современных исследований. – 2017. – № 9-1 (12). – С. 162–164.

8. Вьюнов, В. М. Разбой: уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Вьюнов. – Томск, 2002. – 213 с.
9. Жижиленко, А. А. Преступления против имущества и исключительных прав / А. А. Жижиленко. – Л. : Рабочий суд, производ.-кооп. артель «Печатня», 1928. – 208 с.
10. Зигура, Н. А. О правовом определении носителей компьютерной информации // Вестник ЮУрГУ. Сер. : Право. – 2006. – № 13. – С. 80–83.
11. Калинин, В. Н. Криптовалюта: опыт, состояние и перспективы // Материалы V международной научно-практической конференции «Инновационный и научный потенциал XXI века». – Саратов : Центр профессионального менеджмента «Академия бизнеса», 2017. – С. 35–44.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. – М. : Проспект, 2010. 480 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. – М. : Проспект, 2010. – 1391 с.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А. И. Рарог. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011. – 820 с.
15. Коротков, А. В. К вопросу о предмете преступления против собственности / А. В. Короткова, Н. В. Еремина // XX Юбилейные Царскосельские чтения, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2016 г. Т. 3 : материалы международной научной конференции. – СПб. : Изд-во Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 41–47.
16. Кочои, С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С. М. Кочои. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 2000. – 288 с.
17. Лопашенко, Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н. А. Лопашенко. – М. : ЛексЭст, 2005. – 408 с.
18. Мещеряков, В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Мещеряков. – Воронеж, 2001. – 39 с.
19. Нароженко, В. В. К вопросу о материальном признаке предмета хищения // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – Т. 21, № 6 (75). – С. 212–218.
20. Никифоров, Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР / Б. С. Никифоров. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 158 с.
21. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 4. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности / [А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин] / Академия наук СССР, Институт государства и права ; ред. кол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1970. – 432 с.

22. Сидоренко, Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты и проблемы её правовой идентификации // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 3. – С. 148–154.

23. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная : посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1900. – 421 с.

24. Фролов, М. В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Фролов. – Екатеринбург, 2002. – 29 с.

25. Новоселова, Л. А. О понятии и правовой природе безналичных расчетов // Законодательство. – 1999. – № 1. – С. 65.

26. Олейник, О. М. Основы банковского права : курс лекций / О. М. Олейник. – М. : Юристъ, 1997. – 423 с.

27. Ефимова, Л. Г. Правовые аспекты безналичных денег // Закон. – 1997. – № 1. – С. 97–105.

28. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Дата публикации документа: 03.10.2014. Дата изменения: 03.10.2014 [Электронный ресурс] // Минфин России. – Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/search/?q_4=%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82+%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D1%81%D1%83%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2&in_docs_4=1&pub_date_from_4=&pub_date_to_4=&page_id_4=0&source_id_4=6.

29. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект. – Режим доступа: https://www.minfin.ru/common/upload/npa_projects/Projekt_UK.docx.

REFERENCES

1. About Making Alteration in the Criminal Code of Russian Federation: The Federal law of Russian Federation from April 23, 2018 № 111-FZ. *Rossiiskaya gazeta*, 2018, 25 April, no. 88.

2. About Digital Financial Assets: Project of Federal Law No. 419059-7. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#023189332084366376> (accessed 22 August 2018). (In Russian).

3. About Making Alteration in Parts First, Second and I Quarter Civil Code of Russian Federation: Project of Federal Law No. 424632-7. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#023189332084366376>

Itant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172417#0950036707328877 (accessed 22 August 2018). (In Russian).

4. Determination of the Moscow Arbitration Court. Case number A40-124668 / 17-71-160F. Available at: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/45c24bb9-9d22-4b57-8742-9a778f041b99/A40-124668-2017_20180305_Opredelenie.pdf (accessed 22 August 2018). (In Russian).

5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of the city of Moscow No. 09АП-16416/2018. Case number A40-124668 / 2017 Arbitrage case file Moscow. Criminal Case No. A40-124668/17-71-160F. Available at: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (accessed 22 August 2018). (In Russian).

6. Bezverkhov A.G. Imushchestvennye prestupleniya: voprosy kriminalizatsii i sistematizatsii [Property crimes: issues of criminalization and systematization]. *Yuridicheskii analiticheskii zhurnal*, 2002, no. 2, pp. 90.

7. Vshivkov M.V., Goncharova A.A. Kriptovalyuta bitcoin kak innovatsionnyi instrument mirovoi trgovli [Cryptocurrency bitcoin as innovative instrument of world trade]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2017, no. 9-1 (12), pp. 162–164.

8. V'yunov V.M. *Razboi: ugolovno-pravovaya kharakteristika* [Robbery: criminal characteristic]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Tomsk, 2002. 213 p.

9. Zhizhilenko A.A. *Prestupleniya protiv imushchestva i isklyuchitel'nykh prav* [Crimes against property and the exclusive rights]. Leningrad: Rabochii sud, proizvod.-koop. artel' «Pechatnya», 1928. 208 p.

10. Zigura N.A. O pravovom opredelenii nositelei komp'yuternoï informatsii [About legal definition of carriers of computer information]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Ser.: Pravo*, 2006, no. 13, pp. 80–83.

11. Kalinin V.N. Kriptovalyuta: opyt, sostoyanie i perspektivy [Cryptocurrency: experience, state and prospects]. *Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsionnyi i nauchnyi potentsial XXI veka»* [Materials of the V international scientific and practical conference «Innovative and Scientific Potential of the XXI Century»]. Saratov: Tsentr professional'nogo menedzhmenta «Akademiya biznesa» Publ., 2017, pp. 35–44.

12. Esakov G.A. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comment on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: Prospekt Publ., 2010. 480 p.

13. Brilliantov A.V. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comment on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: Prospekt Publ., 2010. 1391 p.

14. Rarog A.I. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comment on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. 7th ed., revis. and add. Moscow: Prospekt, 2011. 820 p.

15. Korotkov A.V., Eremina N.V. K voprosu o predmete prestupleniya protiv sobstvennosti [To a question of a subject of a property offense]. *Yubileinye Tsarskosel'skie chteniya, Sankt-Peterburg, 20–21 aprelya 2016 g. T. 3: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [XX Anniversary Tsarskoye Selo Readings, St. Petersburg, April 20–21, 2016: materials of the international sci. conf. Vol. 3]. St-Petersburg: Leningrad St. Univ. A.S. Pushkin Publ., 2016, pp. 41–47.

16. Kochoi S.M. *Otvetsvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Responsibility for crimes for profit against property]. 2nd ed. Moscow, 2000. 288 p.

17. Lopashenko N.A. *Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Property offenses: scientific applied research]. Moscow: LeksEst, 2005. 408 p.

18. Meshcheryakov V.A. *Osnovy metodiki rassledovaniya prestuplenii v sfere komp'yuternoi informatsii* [Bases of a technique of investigation of crimes in the sphere of computer information]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Voronezh, 2001. 283 p.

19. Narodenko V.V. K voprosu o material'nom priznake predmeta khishcheniya [To a question of material sign of a subject of plunder]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, vol. 21, no. 6 (75), pp. 212–218.

20. Nikiforov B.S. *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnoi sobstvennosti v SSSR* [Criminal protection of personal property in the USSR]. Moscow: Publish. House of the Academy of Sci. of the USSR, 1954. 158 p.

21. Piontkovskii A.A., Men'shagin V.D. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Osobennaya chast'. T. 4. Gosudarstvennye prestupleniya i prestupleniya protiv sotsialisticheskoi sobstvennosti* [Course of the Soviet penal law. Special part. Vol. 4. State crimes and crimes against socialist property]. Moscow: Nauka, 1970. 432 c.

22. Sidorenko E.L. Kriminologicheskie riski oborota kriptovalyuty i problemy ee pravovoi identifikatsii [Criminological risks of a turn of cryptocurrency and problem of its legal identification]. *Biblioteka kriminalista*, 2016, no. 3, pp. 148–154.

23. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugolovnogo prava. Chast' Osobennaya. Posyagatel'stva lichnye i imushchestvennye* [Course of penal law. Special part. Encroachments personal and property]. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1900. – 421 p.

24. Frolov M.V. *Imushchestvo kak predmet khishcheniya: edinstvo i differentsiatsiya grazhdansko-pravovogo i ugolovno-pravovogo momentov ponyatiya* [Property as plunder subject: unity and differentiation of the civil and criminal moments of a concept]. Cand. Diss. (Legal. Sci.). Ekaterinburg, 2002. 208 p.

25. Novoselova L.A. O ponyatii i pravovoi prirode beznalichnykh raschetov [About a concept and the legal nature of non-cash payments]. *Zakonodatel'stvo*, 1999, no. 1, pp. 65.

26. Oleinik O.M. *Osnovy bankovskogo prava: kurs leksii* [Bases of a banking law: course of lectures]. Moscow: Yurist" Publ., 1997. 423 p.

27. Efimova L.G. Pravovye aspekty beznalichnykh deneg [Legal aspects of non-cash money]. *Zakon*, 1997, no. 1, pp. 97–105.

28. *Draft Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»*. Date of Publication of the Document: 03.10.2014. Date of change: 03.10.2014. Available at: https://www.minfin.ru/ru/search/?q_4=%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82+%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D1%81%D1%83%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2&in_docs_4=1&pub_date_from_4=&pub_date_to_4=&page_id_4=0&source_id_4=6 (accessed 17 June 2018). (In Russian).

29. *On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. Available at: https://www.minfin.ru/common/upload/npa_projects/Proekt_UK.docx (accessed 17 June 2018). (In Russian).

УДК 343.34:004:349.6

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/108-116

Ю. В. Надточий¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: crimlaw@rambler.ru

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В представленной работе констатируется, что мировое сообщество вступило в эпоху высоких информационных технологий, которые активно используются сегодня во всех сферах человеческой деятельности (связь, транспорт, энергетика, водоснабжение, финансы, торговля, наука, образование, оборона, охрана общественного порядка, окружающей среды и т.д.). На сегодняшний день наша жизнедеятельность без них немыслима и даже ежеминутно от них зависима. При этом подчёркивается, что стремительное развитие и повсеместное внедрение телекоммуникационных и глобальных компьютерных сетей сформировало новый опасный вид преступления – «киберпреступность», которая имеет свои характерные особенности и влечёт серьёзные угрозы, причиняя существенный вред самым различным охраняемым законом объектам, а именно жизни и здоровью людей, собственности, состоянию окружающей среды и др. В ходе исследования выявлено, что киберпреступность несёт в себе непосредственную угрозу экологической безопасности как составной части национальной безопасности. В связи с этим отмечается, что назрела острая необходимость защиты общества и государства от нарастающей виртуальной опасности во имя сохранения экологического равновесия и выживания человечества. При этом, несмотря на масштаб и сложность проблемы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, полагаем, что модернизация уголовного закона должна осуществляться крайне осторожно, по принципу минимизации вносимых поправок. Для борьбы с обозначенным явлением и обеспечения экологической безопасности необходимы системный подход, тщательная разработка законодательной базы и интенсивное международное сотрудничество государств.

¹ Юлия Викторовна Надточий, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Надточий Ю. В. Киберпреступность как угроза экологической безопасности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 108–116.

Ключевые слова: информационные технологии, киберпреступление, окружающая среда, уголовная ответственность, экологическая безопасность.

Julia V. Nadtochiy¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: crimlaw@rambler.ru

CYBERCRIME AS A THREAT TO ENVIRONMENTAL SECURITY

Abstract. The research states that the world community has entered the era of high information technologies, which are actively used today in all spheres of human activity (communication, transport, energy, water supply, finance, trade, science, education, defense, protection of public order, environment, etc.). Nowadays our life without them is unthinkable and even dependent on them. It is emphasized that the rapid development and widespread introduction of telecommunications and global computer networks has formed a new dangerous form of crime – "cybercrime", which has its own characteristics and entails serious threats, causing a significant damage to various legally protected objects, namely life and health of people, property, environment etc. The study has revealed that cybercrime carries a direct threat to environmental safety as component of national security. In this regard, it is noted that there is an urgent need to protect society and the state from the growing virtual danger in the name of preserving the ecological balance and survival of mankind. At the same time, despite the scale and complexity of the problem of effective counteraction to crimes committed with the use of information and telecommunication technologies, we believe that the modernization of the criminal law should be carried out very carefully, on the principle of minimizing the amendments. In order to combat this phenomenon and ensure environmental safety, a systematic approach, careful development of the legislative framework and intensive international cooperation of States are necessary.

Key words: information technology, cybercrime, environment, criminal liability, environmental security.

Информационные системы сегодня вошли во все сферы жизни, в том числе и в право. Развитие цифровых технологий открывает огромный спектр возможностей.

¹ Julia V. Nadtochiy, PhD, associate Professor, associate Professor, Department of criminal law and criminology of Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Nadtochiy, J. V. Cybercrime as a threat to environmental security // Asia-Pacific: Economics, politics, law // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 108–116.

Прогресс во всех отраслях науки и промышленности идёт с огромной скоростью, не прекращая удивлять и восхищать. Исследователи утверждают, что внедрение технологических новинок с каждым годом будет проходить всё более быстрыми темпами. Интересно отметить, что на повсеместное распространение электричества в XX столетии ушло 30 лет, а планшетные компьютеры вошли в обиход за 3-4 года.

Можно смело утверждать, что это, по своей сути, уникальное явление (цифровые технологии, являющиеся, как известно, видом информационных технологий) за последнее десятилетие полностью изменило жизнь каждого жителя не только нашей страны, но и планеты. Всё больше людей во всём мире сегодня применяют цифровые технологии, ведь они предназначены для более простой и быстрой передачи данных. Именно быстрдействие и универсальность этой схемы сделали IT-технологии столь востребованными.

Интернет становится не только способом обмена информацией, цифровые технологии позволяют создавать своеобразную копию физического мира. Каждый объект, подключённый к глобальной сети, находится под полным контролем владельца. Скажем, с помощью «умной» розетки можно контролировать работу электроприборов, включать и выключать их на расстоянии, стиральная машина сигнализирует о возможной поломке механизма, а smart-обогреватель может самостоятельно контролировать температуру в помещении. То же происходит и с целыми городами. Стремление мирового сообщества к повышению качества жизни людей и внедрению экологически чистых инновационных технологий повлекло создание «умных» городов (smart city), основным принципом проектирования которых является внедрение информационных технологий, которые позволяют в режиме реального времени вычислять и корректировать траектории развития города с позиций наиболее экологического и рационального решения. В качестве примера такого экограда можно привести Масдар в Объединённых Арабских Эмиратах, строительство которого ведётся с 2006 г. Предполагается, что город будет полностью обеспечиваться за счёт солнечной энергии и других альтернативных источников с минимальными выбросами углекислого газа. В нём не будет автомобилей, а будет создана система беспилотного электрического транспорта – Personal rapid transit (PRT) [5]. В городе Сочи планируется внедрить цифровое управление автомобильным потоком, электронные проездные для пассажиров, информационные сервисы «Мой Сочи/проездной» и т.п. [3, с. 183]. Подобных проектов разработано достаточно много, ведь в связи с интенсивным экономическим ростом повышается степень загрязнения окружающей среды, а, как показывают многочисленные исследования, основными источниками загрязнения и негативного воздействия являются объекты промышленности, энергетики, транспорта, строительства, что и обуславливает необходимость использования более экологических и рациональных технологий городского хозяйства, чтобы стабилизировать экологическую обстановку.

Однако применение цифровых технологий имеет как свои преимущества, так и, естественно, недостатки. Увеличение числа пользователей современных электронных средств связи («виртуализация» жизнедеятельности) открыло новые возможности не только для политики, экономики и культуры, но и для преступной деятельности. Появляются новые формы общественно опасного поведения, происходит изменение облика преступника и преступности в целом. Всё чаще мировое общество говорит о таком явлении, как «киберпреступность», под которой в общем понимают любое незаконное действие в электронной сфере, которое совершено с использованием компьютерных технологий либо против них. Согласно рекомендациям экспертов ООН, термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети [1, с. 156]. Таким образом, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершённое в электронной среде. Эти преступления имеют свои характерные особенности, придающие им повышенную опасность и делающие их весьма сложными для выявления и пресечения. Прежде всего это максимальная скрытность деяний, что достигается благодаря совершенным методам обеспечения анонимности любых совершаемых в интернете действий. В цифровой экономике личность «уходит» в виртуальную реальность. Остаются лишь логины, пароли, ники и коды. В результате, скажем, коррупционер может пользоваться материальными благами анонимно, не раскрывая своей личности, что придаёт ему больше решимости. Далее, трансграничность, т.е. преступник и потерпевший (или потерпевшие) могут быть разделены гигантскими расстояниями. Киберпреступность охватила уже все страны мира и переросла в масштаб международных угроз. Следующей особенностью является возможность совершения преступлений в автоматизированном режиме. Известны случаи, когда «хакеры» разрабатывали программы, которые самостоятельно (то есть без их участия) снимали деньги с кредитных карт, либо совершали другие противозаконные действия. Ещё один момент – это нестандартность действий преступников. В отличие от «обычных» преступлений в данной сфере практически невозможно предугадать действия злоумышленников. Таким образом, «невидимость» компьютерного преступника и одновременно «удлинение его рук» путём доступа к любой информации, к любым охраняемым секретам – военным, финансовым, иным – делают компьютерную технику весьма привлекательной для представителей преступного мира.

Всё сказанное свидетельствует о высокой степени общественной опасности таких преступлений, мы можем говорить о возникновении новых нарастающих форматов угроз для национальной безопасности. А что же такое «национальная безопасность»? Обратимся к официальной трактовке обозначенного понятия. Согласно Стратегии национальной безопасности РФ, принятой Указом Президента РФ

31 декабря 2015 г., национальная безопасность понимается как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан РФ, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [7]. Как вытекает из обозначенного документа, частью национальной безопасности является безопасность экологическая. В частности, в Стратегии сказано, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, и в том числе экологическую. Это подчёркивается и в Указе Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года» [8]. Что касается понятия самой экологической безопасности, то оно даётся в ФЗ «Об охране окружающей среды», принятом 10 января 2002 г., где под ней понимается «состояние защищённости природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и технического характера, их последствий» [6].

Соответственно киберпреступность несёт в себе прямую и непосредственную угрозу, и экологической безопасности в том числе. Стоит отметить, что, с учётом всех обозначенных нами особенностей киберпреступности, так называемые «хакеры» чувствуют себя безнаказанными и уже не останавливаются на простых банковских грабежах, достигающих, между прочим, общего ущерба в миллиарды долларов, они стали политически, экологически опасны, так как без гранат, бомб и автоматов могут остановить работу опасных химических производств, сформировать коллапс в обеспечении энерго- или водоснабжения, прекратить очистку сточных вод, скрываясь за фальшивыми виртуальными адресами.

Известно, в частности, о разрушении хакерами центрифуг производства обогащённого урана в Иране в 2010 г., где преступники использовали вредоносный код, получивший название Stuxnet, который был запущен в систему. К счастью, тогда не произошло большой экологической катастрофы. В России объектом атаки стала Саяно-Шушенская ГЭС, по некоторым данным аварию спровоцировал тот же вирус, что и на иранском заводе [2]. Это говорит о том, что нужно готовиться к новым потенциальным угрозам и источникам производственных аварий по аналогии с возможными пожарами, землетрясениями. Таким образом, реализация цифровой технологии в мировой экономике без решения вопросов защиты от нарастающей виртуальной опасности во имя сохранения экологического равновесия в биосфере от нового оружия массового вредительства становится не менее опасной, но более реальной угрозой, чем применение ядерного оружия. Обеспечение экологической безопасности при таком переводе общения на цифровую технологию требует многоплановых подготовительных соглашений международ-

ного уровня. Международные соглашения достигнуты Россией с Китаем, Индией, Египтом, Ираном, Вьетнамом.

Стоит отметить, что особую озабоченность у специалистов в рамках экологической безопасности вызывает ускоренное внедрение на дорогах мира транспортных систем с искусственным интеллектом, о чём говорилось выше. Последние разработки и практика их освоения показывают, что обеспечение экологической безопасности с учётом климатических, магнитных и других внешних факторов с помощью искусственного интеллекта можно довести до 90-95%, однако 100%-ная безопасность может быть обеспечена только разделением путей перемещения роботомашин и человека и формированием новой культуры общения человека с оцифрованными транспортными средствами. Примерами могут служить специальные переходы на традиционных тропах животных, которые защищают их от транспорта [2].

Государство должно реагировать на отклоняющееся поведение, и так как мы говорим о преступности, то здесь нас интересует не любое отклоняющееся поведение, а наиболее опасные его формы. Соответственно необходимо выявить эти наиболее общественно опасные формы, с которыми надо бороться уголовно-правовыми средствами. Здесь стоит констатировать, что несмотря на то, что накопившиеся проблемы сделали перемены не только насущно необходимыми, но и уже серьёзно запоздалыми, до настоящего времени, пожалуй, нет чёткого понимания относительно того, насколько современное уголовное право должно измениться, адаптируясь к условиям информационного общества. На уровне профессиональных субъектов уголовной политики нет не только стратегически выверенного последовательного плана модернизации уголовного законодательства, но и относительно внятного представления о специфике и масштабах проблемы.

Здесь нужно ответить на вопрос: как эффективно защитить человечество от нарастающих угроз в цифровой сфере, иными словами, от киберпреступников? Прежде всего необходимо решить ряд новых задач. Это, во-первых, построение эффективной системы защиты информации и информационно-коммуникационной инфраструктуры; во-вторых, приведение в соответствие сложившихся положений уголовного права с последствиями глобальной информатизации преступности, в частности решение вопросов: о пригодности классических положений института соучастия к случаям виртуального преступного взаимодействия, являющегося дистанционным и, как правило, анонимным; о том, каким должно быть оптимальное количество составов преступлений, посвящённых защите от киберпреступников и где они должны располагаться; есть ли необходимость и насколько обширно следует изменить диспозиции традиционных составов преступлений путём детализации их совершения специфическим способом – с использованием информационно-коммуникационных технологий; будет ли модернизация традиционных составов преступлений достаточной для противодействия современным криминальным угрозам.

Взглянув на действующий УК РФ, мы можем наблюдать, что сегодня помимо отдельной главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», состоящей уже из четырёх статей и дополнительных составов мошенничества в сфере высоких технологий (ст. ст. 159³, 159⁶ УК РФ), в нём в последние годы наблюдается тенденция признания использования информационно-телекоммуникационных технологий в качестве квалифицирующих признаков преступлений, которое произошло точно в рамках практически всех разделов и глав уголовного закона. В частности, это коснулось и преступлений, посягающих на экологическую безопасность, в рамках ст. 258¹ (Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ). В 2017 г. ч. 2 обозначенной статьи была дополнена новым квалифицирующим признаком, сформулированным в п. «б», устанавливающим уголовную ответственность за совершение рассматриваемого деяния с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») (ФЗ от 20.12.2017 г. № 412-ФЗ), а чуть позже, в 2018 г., рассматриваемая статья дополнена ч. 1.1 в которой криминализованы приобретение или продажа животных, являющихся предметом данного состава преступления, с использованием вышеназванных электронных сетей (ФЗ от 27.06.2018 г. № 157-ФЗ). Других составов, посягающих на экологическую безопасность, подобные изменения не коснулись.

Можно заключить, что законодатель, безусловно, реагирует на новые цифровые угрозы, другое дело, как он это делает, насколько эффективно и оправданно. В целом представляется, что подобные изменения должны быть социально и криминологически обоснованными. Здесь не стоит бросаться в крайности, дабы не перенасытить уголовный закон ненужными составами, что лишь затруднит работу правоприменителя и приведёт к избыточности закона, а как следствие, низкой его эффективности. Стоит учитывать, что далеко не всякое применение информационных технологий (например, Интернета) влияет на степень общественной опасности деяния. Так, скажем, не имеет принципиального значения, состоялось ли разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или иную тайну, путём передачи документов либо посредством отправки письма по электронной почте. Мошенник, обманывающий потерпевших через Skype, вымогатель, отправляющий свои угрозы посредством сервиса WhatsApp, вряд ли совершает более тяжкое преступление по сравнению с классическими его формами. Таким образом, использование информационно-коммуникационных технологий имеет неравнозначный характер с точки зрения влияния на характер и степень общественной опасности преступления.

Включение квалифицирующего признака в состав преступления необходимо лишь в случаях, когда он объективно повышает вероятность наступления вредных последствий, что является важнейшим показателем опасности действия. Как справедливо

писал по этому поводу В.Н. Кудрявцев, «опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определённые вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут сравнительно тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий» [4, с. 102].

В заключение отметим, что, несмотря на масштаб и сложность проблемы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, полагаем, что модернизация уголовного закона должна осуществляться крайне осторожно, по принципу минимизации вносимых поправок. Нет никакой необходимости сплошного «насыщения» диспозиций уголовно-правовых норм, в том числе в сфере обеспечения экологической безопасности, указанием на возможность их совершения посредством информационно-коммуникационных технологий. Такие оговорки должны иметь место только в случаях пробельности уголовного закона, его очевидного несоответствия современным угрозам. Для борьбы с обозначенным явлением и обеспечения экологической безопасности необходим системный подход, тщательная разработка законодательной базы, интенсивное международное сотрудничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухова, А. А. Новейшие способы совершения киберпреступлений как угроза экономической безопасности России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1. – С. 156–161.
2. Кальнер, В. Д. Цифровая экономика и экологическая безопасность жизнедеятельности // Экология и промышленность России. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 62–67.
3. Королева, А. Н. Правовое регулирование реализации экологических прав граждан на основе применения технологии «умный город» // Реализация и защита экологических прав граждан : сборник материалов всероссийской конференции по вопросам реализации и защиты экологических прав граждан (19 октября 2017 г., Самара) / под ред. А. Г. Безверхова, А. В. Юдина. – Самара : Вектор, 2018. – С. 175–188.
4. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1960. – 218 с.
5. Попова, Т. Опыт развития умных городов внедряют в России [Электронный ресурс] // Независимая газета (интернет-версия). – 2018. – 26 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/science/2018-01-26/100_smartcity260118.html.
6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.

8. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/.

REFERENCES

1. Glukhova A.A. Noveishie sposoby soversheniya kiberprestuplenii kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [The Latest ways of committing cyber crimes as a threat to economic security of Russia]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2009, no. 1, pp. 156–161.

2. Kal'ner V.D. Tsifrovaya ekonomika i ekologicheskaya bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti [Digital economy and environmental safety]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 62–67.

3. Koroleva A.N. Pravovoe regulirovanie realizatsii ekologicheskikh prav grazhdan na osnove primeneniya tekhnologii «umnyi gorod» [Legal regulation of implementation of environmental rights of citizens through the application of technology «smart city»]. *Realizatsiya i zashchita ekologicheskikh prav grazhdan : sbornik materialov vs Rossiiskoi konferentsii po voprosam realizatsii i zashchity ekologicheskikh prav grazhdan (19 oktyabrya 2017 g., Samara)* [Realization and protection of citizens' environmental rights: proceedings of the national conference on issues of implementation and protection of citizens' environmental rights (19 October, 2017, Samara). Samara: Vector Publ., 2018, pp. 175–188.

4. Kudryavtsev V.N. *Ob'ektivnaya storona prestupleniya* [The objective side of the crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1960. 218 p.

5. Popova T. Opyt razvitiya umnykh gorodov vnedryat v Rossii [Experience of smart cities development will be introduced in Russia]. *Nezavisimaya Gazeta* (Internet version), 2018, January 26. Available at: http://www.ng.ru/science/2018-01-26/100_smartcity260118.html (accessed 16 November 2018).

6. *On Environmental Protection: Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (accessed 16 November 2018). (In Russian).

7. *On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 16 November 2018). (In Russian).

8. *On the Strategy of Ecological Safety of the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (accessed 16 November 2018). (In Russian).

УДК 347.518:629:004.8

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/117-132

А. И. Коробеев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: akorobeev@rambler.ru

А. И. Чучаев²

Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

E-mail: mokshal@rambler.ru

БЕСПИЛОТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА, ОСНАЩЁННЫЕ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ³

Аннотация. В последнее время разработка и производство беспилотных авиационных систем становится прогрессирующим сегментом мировой транспортной отрасли и новой ветвью развития высоких технологий. Сердцем прогресса беспилотной авиации остается её применение в военной области. Одновременно уделяется пристальное внимание беспилотным летательным аппаратам гражданского назначения, имеющим коммерческий потенциал, причем как воздушным, так и водным, и наземным. Всё это оснащается системами искусственного интеллекта, благодаря чему машина получает возможность самостоятельно, без участия программного алгоритма или внешнего пилота, принимать решения о сложившейся ситуации. Во многих странах мира проводятся испытания беспилотных транспортных средств. Появились первые примеры совершения деяний, повлекших тяжкие последствия, квалификация которых, даже применительно к отрасли права, выглядит неоднозначно. Очевидно, что на нынешнем этапе создания нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок функционирования беспилотных транспортных средств, а также основания

¹ Александр Иванович Коробеев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

² Александр Иванович Чучаев, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Для цитирования: Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 117–132.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

и условия ответственности за нарушение этого порядка (т.е. в ситуации практически полного отсутствия такой базы), можно говорить лишь о разработке некоего алгоритма, позволяющего сконструировать цепь последовательных действий, направленных на построение в конечном итоге замкнутого контура искомой нормативно-правовой системы. В предлагаемой статье авторы рассматривают ключевые (для юриспруденции) этапы формирования правоотношений с беспилотными транспортными средствами. На основе сравнительно-правового анализа сделаны выводы о наличии несомненных пробелов в праве, а также неоднозначного понимания сущности и типологии беспилотных транспортных средств. Выделяя основные наиболее чувствительные к существующим пробелам правового регулирования сферы права, они предлагают решения, которые позволят сформировать порядок внесения изменений в законодательство РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, беспилотные транспортные средства, дроны, транспортные средства, уголовное право, уголовная ответственность.

A. I. Korobeev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: akorobeev@rambler.ru

A. I. Chuchaev²

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

E-mail: mokshal@rambler.ru

UNMANNED VEHICLES EQUIPPED WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION³

Abstract: The recent development and production of unmanned aircraft systems has become a progressive segment of the global transport industry and a new branch of high technology development. The heart of that process is the use of unmanned

¹ Aleksandr I. Korobeev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far East Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

² Aleksandr I. Chuchaev, Doctor of Law, Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.

For citing: Korobeev A.I., Chuchaev A.I., Unmanned vehicles equipped with artificial intelligence systems: problems of legal regulation // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 117–132.

³ The reported study was funded by RFBR within the research project № 18-29-16129.

aircrafts in the military. At the same time, close attention is paid to civilian unmanned aerial vehicles with commercial potential, both airborne, waterborne, and ground. All of them are equipped with artificial intelligence systems that allow machines independently decide on the current situation without software algorithms or external pilots. In many states, such unmanned vehicles are being tested. We have already faced the first examples of committing acts with grave consequences; qualification of them even with respect to the branch of law looks ambiguous. Obviously, the current stage of creating a regulatory framework, governing the operation of unmanned vehicles, as well as the grounds and conditions of liability for violating this procedure (i.e., in a situation of almost complete absence of such a base), allows us to speak of the development of a certain algorithm, allowing to construct a chain of sequential actions aimed at the construction of an ultimately closed loop of the target regulatory system. In the article, the authors consider the key (for jurisprudence) stages of forming legal relations with unmanned vehicles. Based on the comparative legal analysis, they undoubtedly confirm the presence of gaps in the law, as well as the vague understanding of the essence and typology of unmanned vehicles. By emphasizing the main issues that are most sensitive to the existing gaps in the legal regulation of the legal sphere, the authors suggest solutions for formulating amendments to the current legislation.

Keywords: artificial intelligence, unmanned vehicles, drones, vehicles, criminal law, criminal liability.

Беспилотные транспортные средства (БТС) занимают свою определённую нишу в робототехнике, оснащённой системами искусственного интеллекта. И границы её непрерывно расширяются. В современной России, как и в ряде других стран, активно ведутся работы по созданию и внедрению в практику беспилотных транспортных средств, которые используются в космосе (околопланетные орбиты, межпланетное пространство, атмосфера и поверхность планет), воздухе (земная атмосфера), на суше (городская дорожная сеть, рельсовые линии и др.), в водной среде (водная поверхность и подводное пространство), подземной среде (подземные каналы и коммуникации, в том числе трубопроводы и скважины, а также неразработанная порода). Указанные средства производятся как в военных целях, так и для использования в народном хозяйстве, например, в логистике, лесоохране и др.

Так, по сообщениям прессы, в России начались работы по проектированию высотного беспилотного аппарата, работающего на солнечной энергии. При его

создании максимально используется опыт разработки беспилотника «Сова»¹. Новый аппарат сможет барражировать на высотах до 30 км, что исключает столкновение с гражданскими авиалайнерами, имеет двойное назначение (может использоваться как в гражданских отраслях экономики, так и для решения задач обороны и безопасности) [1].

Российские конструкторы из Центра прототипирования высокой сложности НИТУ «МИСиС» «Кинетика» создали действующий прототип летающего такси-беспилотника. Разработки летающего такси ведутся и в других странах (Великобритании, Новой Зеландии, Японии). А в Голландии на 2019 г. намечено производство первого серийного летающего автомобиля PAL-V Liberty – гибрида вертолёта и автомобиля [2].

В русле тех же тенденций развивается и морской (речной) транспорт. Не только военное [3, с. 45–52], но и гражданское судостроение [4, с. 108–110] настроено на развитие безэкипажного судоходства. Судоходная отрасль находится в процессе интенсивного обсуждения компьютеризированных систем управления судами с берега. Увеличение объёмов грузоперевозок, растущие экологические проблемы и нехватка будущих моряков – со всем этим могут справиться беспилотные корабли. Британская инженерная компания Rolls-Royce, одна из ведущих мировых поставщиков коммерческой судоходной отрасли, считает, что судно без экипажа и с дистанционным управлением будет безопаснее и дешевле, чем обычное [5].

Евросоюз во главе с немецкими специалистами участвует в разработке новой системы автономного управления судами, позволяющей грузовым судам совершать океанские переходы без экипажа на борту. Указанный проект получил название «Maritime Unmanned Navigation through Intelligence in Networks» (MUNIN) [6].

Японские кораблестроительные и грузовые компании совместно с правительством приступили к разработке технологии автономной навигации для морских судов. Первые беспилотные суда должны появиться уже через 8 лет. С их помощью предприятия надеются повысить безопасность морских перевозок и отвоевать 1/3 мирового кораблестроительного рынка [7].

Китайская администрация морской безопасности совместно с Уханьским технологическим университетом запустили проект по разработке беспилотных многофункциональных судов. Их цель – выяснить, как можно использовать автономные корабли в экономическом и военном китайских секторах. Предполагается, что экипаж на беспилотных судах заменят компьютеры, соединённые с системой сер-

¹ «Сова» – российский многофункциональный беспилотный летательный аппарат, спроектированный компанией «Тайбер». Может применяться для разведки местности, мониторинга окружающей среды, использоваться для реализации специальных научно-исследовательских задач, а также в качестве ретранслятора (поднимаясь на высоту 18 км, аппарат может охватывать весьма большую площадь, что делает его использование весьма рациональным и эффективным).

веров, которые будут постоянно анализировать ситуацию на судне и за его пределами.

В конце 2018 г. своё первое электрическое автономное безэкипажное судно планируют спустить на воду норвежцы. В 2019-м – англичане. Такие же программы есть сейчас у Франции, Нидерландов, группы компаний в ЕС.

Специалисты Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ) сейчас разрабатывают цифровую модель безэкипажного судна (БЭС). В России планируется в будущем строить безэкипажные суда разных типов: научно-исследовательские, спасательные, транспортные и др. [8].

По мнению мировой научной общественности, полностью роботизированные корабли появятся не ранее середины 2030-х гг., причём они будут использоваться для доставки навалочных грузов вроде руды и зерна. Ценные товары, топливо и опасные вещества по-прежнему будут транспортироваться судами с командой на борту [9, с. 1151–1152].

В мире активно развивается беспилотный железнодорожный транспорт. Он берёт своё начало с конца 40-х гг. прошлого века. В настоящее время пассажирские беспилотники курсируют в 20-ти странах мира. Самые длинные беспилотные железнодорожные маршруты – в Дубае, Ванкувере и Сингапуре (более 60 км) [10].

По имеющимся сообщениям, в 2019 г. во Франции стартуют испытания прототипа самоуправляемого скоростного электропоезда TGV, а в 2023 г., по утверждениям французского железнодорожного оператора, начнётся их массовое использование.

Скорое распространение беспилотных поездов ожидается и в России [11, с. 157–166]. ОАО «Российские железные дороги» активно ведёт работы по их созданию¹. Некоторые беспилотные технологии в настоящее время тестируются на станции Лужская (Ленинградская обл.)², в целом готово к применению самоуправляемых поездов Московское центральное кольцо (МЦК) [12].

Подземную автоматизацию лучше всего освоили в Гонконге, там запустили 10 полностью автономных беспилотных составов, разработанных одной из китайских компаний [13]. Надо заметить, что именно в метро реализация комплекса требований для беспилотного пассажирского движения наименее затратна. Метрополитены – закрытые системы транспорта с однородным подвижным составом, передви-

¹ Первые испытания пригородного поезда с так называемым автомашинистом были осуществлены в Подмосковье 1958 г.; были успешно обеспечены выполнение графика движения и точность остановок (expert.ru/2017/06/28/bespilotnye-poesda).

² Так называемая безлюдная технология реализуется на станции с 2015 г. В частности, внедрена система роспуска вагонов с автоматическим управлением горочным локомотивом, отрабатывается система управления маневровым тепловозом по радиоканалу с удаленного рабочего места оператора-машиниста, что позволяет одному человеку управлять одновременно несколькими локомотивами.

гающим по заранее определенному маршруту и защищенным от внешнего воздействия.

Разработки в области беспилотных автомобилей начались ещё в конце 1970-х гг. в Японии. В 1987–1995 гг. в Европе существовал проект «Прометей», в ходе которого проводились эксперименты по управлению такими автомобилями. Итогом проекта стало создание беспилотника на базе легкового автомобиля Mercedes-Benz S-класса, на котором была совершена поездка из Мюнхена в Копенгаген (1600 км). Максимальная скорость в пути составила 175 км/час, во время движения автомобиль выполнял сложные маневры, в том числе по обгону других транспортных средств, перестроению и т.д., однако полностью исключить человеческий фактор из вождения в то время не удалось [13].

С 2015 г. в России активно развиваются технологии, необходимые для создания беспилотных автомобилей. Так, российская компания «КАМАЗ» в рамках программы «AutoNET»¹ подготовила прототип модели беспилотного автомобиля². Первый публичный тест-драйв беспилотного «КАМАЗа» состоялся в Набережных Челнах 27 октября 2015 г. Машина самостоятельно выполняла «змейки», развороты и останавливалась перед пешеходами.

Среди российских автомобилестроителей разработкой беспилотного транспортного средства занимается и Горьковский автомобильный завод (ГАЗ). В 2010 г. компания начала участвовать в программе «Робототехника», а начиная с 2018 г. приступила к тестированию в условиях городского движения автобуса «ГАЗель NEXT» [14].

22 июня 2018 г. беспилотный автомобиль «Яндекса» совершил первую большую поездку из Москвы в Казань. Преодолев 780 км, машина в пути находилась 11 час. (в дневное и ночное время), при этом 99 % времени двигалась в автоматическом режиме, соблюдая все скоростные ограничения.

В 2018 г. в «Сколково» запустили опытную зону для поездок на беспилотном общественном транспорте. Условия управления им приближены к тем, что есть на дорогах общего использования.

В мировой практике дорожного движения уже зафиксированы дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотников.

¹ Программа «AutoNET» – программа роботизации транспорта, предусматривает направления развития роботизированных автомобилей. Входит в «Национальную технологическую экспертизу» России, финансируемую Правительством РФ. В России создана «дорожная карта» развития российского рынка беспилотных перевозок. Безусловным лидером среди проектов «AutoNET» называют проект беспилотного грузовика КАМАЗ и ВИСТ Групп.

² Презентация беспилотного автобуса КАМАЗ-1221 ШАТЛ (широкая адаптивная транспортная логистика), разработанного НАМИ и КАМАЗ, состоялась 12 июня 2018 г. в Казани. Снабженный искусственным интеллектом электромобиль способен развивать скорость до 110 км/час.

Первая авария произошла во Флориде (США) в мае 2015 г., в результате которой погиб оператор, находившийся в кабине беспилотника. Электромобиль Tesla с включённым автопилотом протаранил на шоссе тягач с прицепом, который двигался в перпендикулярном направлении, пытаясь пересечь перекрёсток. Автомобиль проехал под фурой, в результате чего у седана снесло крышу, затем вылетел с шоссе, протаранив два забора, и остановился, врезавшись в столб. Водитель беспилотника скончался на месте происшествия.

В Tesla считают, что причина ДТП может состоять в том, что автоматика, под управлением которой находилось транспортное средство, не успела распознать опасность из-за белого цвета прицепа грузовика на фоне яркого неба. По той же причине, по предположению автопроизводителя, не среагировал вовремя и сам водитель, который мог бы взять управление машиной на себя (яркое солнце могло ослепить его). По другой версии, автопилот мог дать сбой из-за длинного свеса прицепа фуры и большого дорожного просвета, что помешало автоматике «увидеть» препятствие [15].

Вторая трагедия произошла в американском г. Темпе (штат Аризона), где 21 марта 2018 г. спортивный внедорожник Uber насмерть сбил 49-летнюю женщину. При этом в кабине «автономно-управляемой машины» сидел оператор, предусмотренный как раз на случай экстренных ситуаций. «...Было бы очень сложно избежать этого столкновения в любом режиме – автономном или с водителем – основываясь на том, как она (велосипедистка) выскочила из тени прямо на дорогу... Uber вряд ли виноват в этом инциденте, – заявила шеф полиции г. Темпе С. Моир. – Ни камеры, ни человек, сидевший в кабине испытываемого автомобиля, не заметили велосипед до момента столкновения. В частности, водитель понял, что произошло столкновение, только услышав его звук. Автомобиль, оснащённый двумя камерами, также не предпринял попытки затормозить. Машина двигалась со скоростью 38 миль в час (61 км/час) в зоне с ограничением скорости в 35 миль в час» [16].

В обоих случаях не было выявлено каких-либо дефектов в технике, которые могли бы спровоцировать аварийную ситуацию [17]. Но не был решён и вопрос об уголовной ответственности за причинённый вред. Он так и остался висеть в воздухе из-за пробелов в уголовном законе.

В некоторых странах в том или ином виде нормативные документы, регулирующие эксплуатацию беспилотных автомобилей, разработаны или активно разрабатываются. При этом отмечают как удачные, так и неудачные примеры. Так, законодательство большинства стран запрещает использование указанных транспортных средств на дорогах общего пользования. Законодатели Аризоны пытались принять закон, регулирующий функционирование беспилотников на дорогах штата, но не смогли разрешить проблему, кто должен нести ответственность за аварию: владелец автомобиля; компания, разработавшая технологию, или автопроизводи-

тель, изготовивший и продавший транспортное средство? Власти Калифорнии разработали предварительные правила, которые предполагают, что в случае необходимости водитель должен установить полный контроль над своим автомобилем. Это создало потенциальную проблему для компании Alphabet, так как в разработанном ею прототипе беспилотного автомобиля изначально не было рулевого колеса и педалей¹.

Специалисты Германии разработали этические нормы для беспилотных автомобилей, запретив искусственному интеллекту принимать решения, которые могут спасти жизни одних людей, причинив ущерб другим. Они перекликаются с тремя законами робототехники Айзека Азимова² и сформулированы следующим образом:

- 1) материальный вред приоритетнее, чем вред, нанесённый физическому лицу;
- 2) исключается всякая классификация людей, например, по возрасту и т.д.
- 3) ответственность за вред несёт производитель [18].

Исходя из указанных представлений о поведении искусственного автомобильного интеллекта, был разработан и Бундесратом одобрен закон, определяющий правовые основы использования беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования. Главным условием, предусмотренным этим законом, является обязательность нахождения за рулем водителя, готового в любой момент взять управление транспортным средством в свои руки. Кроме того, в беспилотном автомобиле должен быть установлен так называемый чёрный ящик, который будет фиксировать ход поездки. В случае дорожно-транспортного происшествия данные с чёрного ящика покажут, кто был виноват в аварии – водитель или автопилот. В случае, если авария произошла из-за технической ошибки, ответственность понесёт производитель³ [18].

Во всех ситуациях аварии с участием беспилотного автомобиля будет действовать «презумпция виновности», т.е. виновным всегда будет считаться водитель, пока данные чёрного ящика или другие результаты расследования происшествия не докажут обратного.

¹ По материалам интернет-изданий.

² Три закона робототехники – обязательные правила поведения для роботов, впервые сформулированные Айзеком Азимовым в рассказе «Хоровод» (1942). Законы гласят:

- 1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред;
- 2) робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону;
- 3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому или второму законам.

³ Проблема правового регулирования ответственности за вред, причинённый беспилотным автомобилем, обсуждается и в российской периодической печати (см.: *Баршев В., Тарасов С.* Испытал на вождение // Российская газета. 2018. 6 сент.).

К сожалению, Россия меньше других стран продвинулась в разработке законодательства в сфере использования роботомобилей. В результате отечественная «беспилотная телега» оказалась впереди «нормативно-правовой лошади» [19, с. 28–32].

30 марта 2016 г. состоялся круглый стол на тему «Нормативно-правовое регулирование применения беспилотных систем в Российской Федерации», организованный Комитетом по науке и наукоёмким технологиям. По результатам обсуждения были подготовлены рекомендации Государственной Думе, в частности предлагалось внести изменения в Правила дорожного движения, ГК РФ¹ и УК РФ [20].

На наш взгляд, помимо указанных отраслей права требуют изменений и дополнений КоАП РФ, а также целый ряд федеральных законов: ФЗ «О безопасности дорожного движения», ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.

Между тем, в недавно принятой «Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» о беспилотных транспортных средствах нет даже упоминания [21].

Очевидно, что на нынешнем этапе создания нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок функционирования БТС, а также основания и условия ответственности за нарушение этого порядка (т.е. в ситуации практически полного отсутствия такой базы), можно говорить лишь о разработке некоего алгоритма, позволяющего сконструировать цепь последовательных действий, направленных на построение в конечном итоге замкнутого контура искомой нормативно-правовой системы.

Такого рода действиями должны быть признаны:

1. Разработка стандартов, техрегламентов и правил функционирования (управления движением и эксплуатацией) беспилотных транспортных средств [22, с. 231–237] с учётом известной специфики, которой обладают современные традиционные виды транспорта. Разработку указанных нормативов придётся осуществлять применительно к конкретным видам БТС.

Правовую неопределённость в этой сфере необходимо будет преодолевать как на уровне международного права, так и в национальных законодательствах.

По этому пути уже пошли разработчики беспилотных автомобилей. Так, в сентябре 2018 г. эксперты из многих стран рассмотрели проект поправок к Венской конвенции о дорожном движении 1968 г., которые приравнивают действия автоматизированной системы управления автомобилем к вождению машины человеком.

¹ Предлагалось изменить редакцию ст. 1079 ГК РФ таким образом, чтобы понятия «автомобиль» и «транспортное средство» охватывали и понятие «беспилотное транспортное средство».

Проект поправок инициирован и подготовлен российскими экспертами Национальной технологической инициативы (НТИ) «Автонет». Документ будет рассмотрен на Всемирном форуме по безопасности дорожного движения Комитета по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН).

Сейчас в отношении допуска на дороги общего пользования беспилотников существует правовая неопределённость. Чтобы начать процесс устранения этого пробела, в конвенцию, в частности, предлагается ввести определения терминов «высокоавтоматизированное транспортное средство» и «среда штатной эксплуатации» – это эксплуатационные, географические, временные, дорожные, инфраструктурные и иные условия, для функционирования в которых специально предназначена автоматизированная система вождения. Таким образом, беспилотники получают право передвигаться не по всем дорогам общего пользования, а лишь по оборудованным специальными датчиками и метками, по которым машины будут ориентироваться.

В дальнейшем аналогичные изменения должны быть имплементированы в национальные законодательства, в том числе и в российское [23].

Подобные правовые процедуры необходимо будет осуществить и применительно к другим видам БТС.

2. Разработка различных видов и мер правовой ответственности за нарушение правил функционирования (управления движением и эксплуатацией) беспилотных транспортных средств. Видимо, не составит особого труда регламентация таких мер в рамках гражданского, трудового и административного права.

Например, в гражданском праве это можно будет осуществить в границах института «невинного причинения вреда владельцем источника повышенной опасности», в административном праве – за счёт использования института «административной ответственности юридических лиц».

3. Разработка видов, мер, оснований, условий и порядка реализации ответственности в уголовном праве за совершение преступлений с участием беспилотных транспортных средств. С наибольшим количеством проблем столкнётся законодатель в процессе регламентации именно уголовной ответственности за преступления данной категории.

И это вполне объяснимо, ибо, во-первых, российскому уголовному праву пока не знаком институт уголовной ответственности юридических лиц. Но даже после его возможного введения в УК РФ всё равно остаётся открытым вопрос о персональной ответственности физического лица – субъекта транспортного преступления; во-вторых, самую острую проблему здесь составят поиск и определение именно субъекта преступления; в-третьих, поскольку состав нового вида транспортных преступлений будет сконструирован, скорее всего, по типу материального, у правоприменителя в процессе его квалификации возникнут колоссальные сложности с

определением конкретного пункта нарушенных виновным правил безопасного управления БТС и не меньше – с установлением причинной связи между нарушенными правилами и наступившим преступным результатом; в-четвертых, не исключено также, что значительный массив такого рода транспортных преступлений будет совершаться в ситуации так называемого «неосторожного сопричинения», а это ещё больше осложнит поиск и установление их субъектов.

Несмотря на отмеченные сложности, возьмём на себя смелость утверждать: допустимость, возможность и целесообразность установления в обозримом будущем нового уголовно-правового запрета в сфере обеспечения безопасности транспортной деятельности вполне очевидны.

4. Что же касается технико-юридического его оформления, то тут возможны варианты. Оптимальной, с нашей точки зрения, выглядит следующая парадигма.

А. Нам представляется, что уголовно-правовой запрет должен быть сформулирован в виде единой, универсальной нормы, распространяющей своё действие на все виды беспилотных транспортных средств.

Конструирование норм об ответственности за транспортные преступления должно базироваться на принципах единообразного и унифицированного формулирования диспозиций и санкций этих норм. Указанные элементы должны быть согласованы между собой в рамках не только отдельных статей, но и всей системы в целом. Такая согласованность достижима лишь при условии отказа от использования в качестве ведущего криминализационного критерия различных видов транспортных средств.

Изложенное предопределяет необходимость наброска (хотя бы в самых общих чертах) определённых требований, которым должен отвечать уголовно-правовой запрет абсолютно нового вида (типа) девиантного поведения в сфере транспортной деятельности.

Прежде всего отметим тот очевидный для нас факт, что возможная в ближайшее время криминализация нового вида транспортных преступлений будет полностью отвечать требованиям, предъявляемым доктриной уголовно-правовой политики к основаниям установления уголовно-правового запрета. Известно, что криминализация транспортного преступления может быть признана научно обоснованной лишь при учёте законодателем совокупности целого ряда факторов, важнейшими из которых являются: определённая степень общественной опасности деяния, его относительная распространённость и типичность, неблагоприятная динамика данного вида транспортного правонарушения, возможность воздействия на него уголовно-правовыми средствами, невозможность успешной борьбы менее репрессивными мерами, отсутствие негативных побочных последствий запрета, наличие материальных ресурсов для его реализации, определённый уровень общественного правосознания и психологии населения [24, с. 419].

Не приходится сомневаться, что с появлением различных видов беспилотных (полностью автономных) транспортных средств, их широким тиражированием и включением в повседневную транспортную деятельность все вышеперечисленные факторы актуализируются и поставят законодателя перед необходимостью решать вопрос о криминализации нового общественно опасного деяния. Оно (деяние) возникнет как негативный побочный продукт современного научно-технологического прогресса в сфере транспортной деятельности и потребует разработки уголовно-правовых мер борьбы с ним с той же неизбежностью, с какой в недалёком прошлом научно-техническая революция породила саму систему транспортных преступлений.

Вряд ли при этом можно будет найти веские аргументы, объясняющие необходимость объединения в одной норме ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта, метрополитена и невозможность включения в неё ответственности за аналогичные нарушения на других видах механического транспорта. Связь между железнодорожным и морским транспортом уловить столь же непросто, как и между воздушным и автомобильным. Если законодатель не усматривает различий в специфике преступлений на таких видах транспорта, как железнодорожный, водный и воздушный, установив ответственность за их совершение в одной норме, то нет оснований полагать, что особенности посягательств на безопасность функционирования других видов механического транспорта столь существенны, что не позволяют сформулировать все эти преступления в виде единого состава [24, с. 427–428].

Б. Поскольку диспозиция искомой статьи с неизбежностью будет носить бланкетный характер, предлагается состав преступления сконструировать по типу материального, взяв за основу те признаки объективной стороны (речь идёт о последствиях), которые фигурируют в ч. ч. 1, 2 и 3 ст. 263 УК РФ.

При этом никаких дополнительных частей (вроде тех, что можно обнаружить сегодня в ст. 264 УК РФ) конструировать не придётся, ибо представить себе «пьяного робота-автопилота» или «нетрезвую беспилотную программу» мы не можем.

В. Субъект преступления – бесспорно специальный. Однако трактовка его, на наш взгляд, должна быть достаточно широкой. Данный элемент состава преступления должен включать в себя: а) персонифицированных разработчиков конкретной компьютерной программы, предназначенной для конкретного БСТ; б) лиц, контролирующих безопасную эксплуатацию этих программ; в) владельцев БСТ, обязанных осуществлять текущий контроль за безопасными условиями их эксплуатации; г) лиц, находящихся в БСТ и осуществляющих непосредственный контроль за безопасностью его эксплуатации.

5. В примечании к статье УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение правил безопасности функционирования (движения или экс-

плуатацию) беспилотных транспортных средств, целесообразно дать законодательное определение понятия БСТ.

Такой (в самых общих чертах) нам видится «дорожная карта» разработки нормативно-правовой базы, призванной урегулировать весь комплекс вопросов, связанных с появлением и внедрением в практическую человеческую деятельность ещё одного достижения четвёртой промышленной революции – беспилотных транспортных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальченко, С. В России построят «солнечный» беспилотник-гигант // Московский комсомолец. – 2018. – 7 июня.
2. Ячменникова, Н. Улётное такси // Российская газета. – 2018. – 31 октября.
3. Полтавский, А. В. Развитие беспилотной авиации в армиях зарубежных стран / А. В. Полтавский, В. М. Бородуля // Стратегическая стабильность. – 2007. – № 1 (38). – С. 45–52.
4. Косолапова, Е. В. Беспилотная техника в сельском хозяйстве России и за рубежом / Е. В. Косолапова, В. В. Косолапов, Т. Н. Астахова // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий : материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. – Севастополь, 2018. – С. 108–110.
5. «Роллс-Ройс» предлагает создать самоуправляемые автоматические грузовые корабли: Земля. Хроники жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://earth-chronicles.ru/news/2014-03-12-61292-987>.
6. Maritime Unmanned Navigation through Intelligence in Networks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unmanned-ship.org/munin/>.
7. Mutsui O.S.K. Lines, Ltd. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mol.co.jp>.
8. Феклистов, И. В Арктике будут работать корабли без экипажей: специалисты Росатома разрабатывают цифровую модель судов будущего // Комсомольская правда. – 2018. – 6 апреля.
9. Дмитриев, В. И. Методы обеспечения безопасности мореплавания при внедрении беспилотных технологий / В. И. Дмитриев, В. В. Каретников // Вестник государственного университета и речного флота им. адм. С. О. Макарова. – 2017. – Т. 9, № 6. – С. 1151–1152.
10. Пульт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pult.gudok.ru/archive/detail.php?ID=1385469&sphrase_id=35645.
11. Несмелов, П. В. Беспилотная авиация в России / П. В. Несмелов, И. С. Балакеримова // Совершенствование подготовки сотрудников правоохранительных органов к использованию специальных, технических и имитационных средств в

условиях глобализации современных угроз : сб. науч. ст. кафедры ДОВД в ОУ УНК СП Московского ун-та МВД России им. В. Я. Кикотя. – М., 2018. – С. 157–166.

12. Беспилотные поезда как пример автономного транспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosautonet.ru/news/bespilotnye-poezda-kak-primer-avtonomnogo-transporta>.

13. Российская газета. – 2017. – 15 сентября.

14. Феклистов, И. Автопилот на главной дороге // Комсомольская правда. – 2018. – 24 июля.

15. Ломакин, Д. Первая жертва автопилота [Электронный ресурс] // Газета.ru. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/auto/2016/07/01_a_8351963.shtml.

16. Американские полицейские не нашли вины автоматике Uber в смертельном ДТП [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/worId/20180320/1516807246.html>.

17. Забродина, Е. Нечеловеческий фактор // Российская газета. – 2018. – 21 марта.

18. Нигматуллин, И. Германия придумала три этических правила для беспилотных авто [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hightech.fm/2016/09/12/3-rules>.

19. Кошкин, Р. П. Беспилотная авиация – новая отрасль высоких технологий // Стратегические приоритеты. – 2016. – № 1 (9). – С. 22–43.

20. Нормативно-правовое регулирование применения беспилотных систем обсудили в Госдуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Duma.gov.ru/news/12015/.

21. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р г. Москва // Российская газета. – 2018. – 25 января.

22. Злотников, К. А. Особенности человеческого фактора в беспилотной авиации и подготовка операторов беспилотных летательных аппаратов / К. А. Злотников, А. А. Волосюк, Х. А. Тан // Человеческий фактор в сложных технических системах и средах : труды Второй междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2016. – С. 231–237.

23. Шадрина, Т. Беспилотникам оформляют права // Российская газета. – 2018. – 8 августа.

24. Коробеев, А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность / А. И. Коробеев. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 488 с. – (Уголовное право).

REFERENCES

1. Val'chenko, S. V. Rossii postroyat «solnechnyi» bespilotnik-gigant [In Russia, built a «solar» giant drone]. *Moskovskii komsomolets*, 2018, June 7.
2. Yachmennikova N. Uletnoe taksi [Awesome taxi]. *Rossiiskaya gazeta*, 2018, October 31.
3. Poltavskii A.V., Borodulya V.M. Razvitie bespilotnoi aviatsii v armiyakh zarubezhnykh stran [The development of unmanned aircraft in the armies of foreign countries]. *Strategicheskaya stabil'nost'*, 2007, no. 1 (38), pp. 44–52.
4. Kosolapova E.V., Kosolapov V.V., Astakhova T.N. Bespilotnaya tekhnika v sel'skom khozyaistve Rossii i za rubezhom [Pilotless equipment in agriculture of Russia and abroad]. *Perspektivnye napravleniya razvitiya otechestvennykh informatsionnykh tekhnologii* [Perspective directions of development of domestic information technologies: materials IV interregional scientific and practical conference]. Sevastopol', 2018, pp. 108–110.
5. «Rolls-Royce» proposes the creation of self-guided automatic cargo ships: the Earth. *Chronicles of life*. Available at: <http://earth-chronicles.ru/news/2014-03-12-61292-987> (accessed 16 September 2017). (In Russian).
6. Maritime Unmanned Navigation through Intelligence in Networks. Available at: <http://www.unmanned-ship.org/munin> (accessed 16 September 2017).
7. Mutsui O.S.K. Lines, Ltd. Available at: <http://www.mol.co.jp> (accessed 28 September 2017).
8. Feklistov, I. V. Arktike budut rabotat' korabli bez ekipazhei: spetsialisty Rosatoma razrabatyvayut tsifrovuyu model' sudov budushchego [In the Arctic, ships without crews will work: Rosatom's specialists are developing a digital model of the ships of the future]. *Komsomol'skaya Pravda*, 2018, April 6.
9. Dmitriev V.I., Karetnikov V.V. Metody obespecheniya bezopasnosti moreplavaniya pri vnedrenii bespilotnykh tekhnologii [Methods to ensure the safety of navigation when introducing unmanned technologies]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta i rechnogo flota imeni admirala S.O. Makarova*, 2017, vol. 9, iss. 6, pp. 1151–1152.
10. Pul't. Available at: http://www.pult.gudok.ru/archive/detail.php?ID=1385469&spphrase_id=35645 (accessed 18 May 2018).
11. Nesmelov P.V., Balakerimova I.S. Bespilotnaya aviatsiya v Rossii [Pilotless Aviation in Russia] // *Sovershenstvovanie podgotovki sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov k ispol'zovaniyu spetsial'nykh, tekhnicheskikh i imitatsionnykh sredstv v usloviyakh globalizatsii sovremennykh ugroz* [Improving the training of law enforcement officers to use special, technical and simulation tools in the context of the globalization of modern threats]. Moscow, 2018, pp. 157–166.

12. Unmanned trains as an example of autonomous transport. Available at: <http://rosautonet.ru/news/bespilotnye-poezda-kak-primer-avtonomnogo-transporta> (accessed 28 September 2017). (In Russian).
13. *Rossiiskaya gazeta*, 2017, September 15.
14. Feklistov I. Avtopilot na glavnoi doroge [Autopilot on the main road]. *Komsomol'skaya Pravda*, 2018, July 24.
15. Lomakin D. Pervaya zhertva avtopilota [The first autopilot victim]. *Gazeta.ru*. Available at: https://www.gazeta.ru/auto/2016/07/01_a_8351963.shtml (accessed 28 September 2017).
16. *The American Police did not Find the Guilt of Uber Automatics in the Fatal Accident*. Available at: <https://ria.ru/world/20180320/1516807246.html> (accessed 28 September 2017). (In Russian).
17. Zabrodina E. Nechelovecheskii faktor [The Nonhuman Factor]. *Rossiiskaya gazeta*, 2018, March 21.
18. Nigmatullin I. Germaniya pridumala tri eticheskikh pravila dlya bespilotnykh avto [Germany came up with three ethical rules for unmanned cars]. Available at: <https://hightech.fm/2016/09/12/3-rules> (accessed 28 September 2017).
19. Koshkin R.P. Bespilotnaya aviatsiya – novaya otrasl' vysokikh tekhnologii [Unmanned aircraft – a new branch of high technologies]. *Strategicheskie priority*, 2016, no. 1 (9), pp. 22–43.
20. *Legal Regulation of the Use of Unmanned Systems Discussed in the State Duma*. Available at: Duma.gov.ru/news/12015/ (accessed 28 September 2017). (In Russian).
21. Road Safety Strategy in the Russian Federation for 2018–2024: Order of the Government of the Russian Federation of January 8, 2018, No. 1-r, Moscow. *Rossiiskaya gazeta*, 2018, January 25.
22. Zlotnikov K.A., Volosyuk A.A., Tan Kh.A. Osobennosti chelovecheskogo faktora v bespilotnoi aviatsii i podgotovka operatorov bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Features of the human factor in unmanned aircraft and the training of operators of unmanned aerial vehicles]. *Chelovecheskii faktor v slozhnykh tekhnicheskikh sistemakh i sredakh* [The human factor in complex technical systems and environments: works of the Second International Sci. and Practical Conf.]. St-Petersburg, 2016, pp. 231–237.
23. Shadrina T. Bespilotnikam oformlyayut prava [Drones make out the rights]. *Rossiiskaya gazeta*, 2018, August 8.
24. Korobeev A.I. *Transportnye prestupleniya i transportnaya prestupnost'* [Traffic offenses and traffic crime]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 488 p.

УДК 343.9.018-047.58

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/133-144

Р. И. Дремлюга¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

В. В. Решетников²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: vadimvreshetnikov@gmail.com

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕДИКТИВНОЙ АНАЛИТИКИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ³

Аннотация. В последние годы всё большее внимание уделяется большим данным и их использованию. Умение не только собрать большие массивы данных, но и проанализировать их, даёт оператору, применяющему методы искусственного интеллекта к большим данным, невиданные ранее возможности. Появляются всё новые методы анализа, в том числе и предиктивного, которые позволяют с большой долей вероятности предсказывать определённые события. С развитием подобных технологий растут и возможности их применения в самых разных областях человеческой жизнедеятельности. И хотя в большинстве случаев предиктивная аналитика используется в коммерческих целях, существуют и прецеденты использования подобных методов анализа и прогнозирования в иных целях, в том числе и правоохранительных. Использование методов предиктивной аналитики позволяет правоохранительным органам узнавать о готовящихся преступлениях и, в некоторых случаях, даже предсказывать отдельные преступления. Подобные технологии способны значительно повысить возможности профилактики преступности. Однако в большинстве стран мира правовое регулирование использования предиктивной аналитики находится лишь на этапе становления, отставая от развития самих тех-

¹ Роман Игоревич Дремлюга, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Вадим Вадимович Решетников, магистрант Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Дремлюга Р. И., Решетников В. В. Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 133–144.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

нологий. Такое несоответствие ведёт к неопределённости в возможностях использования данных, полученных путём применения предиктивной аналитики, которыми обладают правоохранные органы. Зачастую, даже обладая данными, полученными путём предиктивного анализа, которые дают основания с большой долей вероятности полагать, что определённое лицо готовится совершить преступление, правоохранные органы не имеют ни малейшей возможности повлиять на это лицо. Настоящая статья посвящена исследованию отдельных правовых аспектов использования предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности. В статье рассматривается предиктивная аналитика в её широком понимании, существующие возможности её использования в правоохранительной деятельности. Помимо этого изучаются основные подходы к правовому регулированию использования предиктивной аналитики, сложившиеся в мире за последние годы. Особое внимание в статье уделено тому, как российские правоохранные органы могут использовать предсказания о преступлениях, данные предиктивными алгоритмами.

Ключевые слова. Россия, Китай, США, искусственный интеллект, большие данные, предиктивная аналитика в правоохранительной деятельности, предиктивные алгоритмы, профилактика преступности, уголовная ответственность за незаконченные преступления.

Roman I. Dremluga¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

Vadim V. Reshetnikov²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: vadimvreshetnikov@gmail.com

**LEGAL ASPECTS OF PREDICTIVE ANALYTICS APPLICATION
IN LAW ENFORCEMENT³**

Abstract: In recent years more attention has been paid to big data and its use. The big data operator that uses AI with an ability not only to collect it, but also to analyze it, has unprecedented opportunities. New methods of analysis arise, including predictive ones, which make it possible to predict certain events with a high degree of probability. With the development of such technologies, the possibilities of their application in various fields of human life are growing. And although in most cases predictive analytics is used for commercial purposes, there are precedents for using similar methods of analysis and forecasting for other purposes, including law enforcement. The use of predictive analytic techniques allows law enforcement agencies to learn about impending crimes and, in some cases, even to predict crimes. Such technologies can significantly improve the prevention of crime. However, in most countries of the world, the legal regulation of predictive analytics is only in its formative stage, lagging behind the development of technologies. Such a discrepancy leads to uncertainty in the possibilities of using data obtained through the use of predictive analytics possessed by law enforcement agencies. Often, even with the data obtained by the predictive analysis, which gives grounds to believe that a certain person is preparing to commit a crime, law enforcement agencies do not have the slightest possibility to influence this person. The present article analyzes certain legal aspects of the use of predictive analytics in law enforcement. The author examines the predictive analytics in its broad sense, as well as the existing possibilities of its use in law enforcement. In addition, the basic approaches to the legal regulation of the use of predictive analytics that have taken shape in the world in recent years are being studied.

¹ Roman I. Dremluga, candidate of legal Sciences, associate Professor of the Law school of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Vadim V. Reshetnikov, master student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Dremluga R. I., Reshetnikov V.V. Legal aspects of predictive analytics application in law enforcement // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. N 4. P. 133–144.

³ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16129.

Lastly, the article focuses on how Russian law enforcement agencies can use crime predictions given by the predictive algorithms.

Key words: Russia, China, USA, artificial intelligence, big data, predictive analytics, predictive policing, predictive algorithms, crime prevention, criminal liability for inchoate crimes.

В последние годы всё большее распространение получает использование массивов больших данных для прогнозирования на основе их изучения, анализа и статистического моделирования. Подобная деятельность получила название «предиктивная аналитика» (от *англ.* predictive analytics) и уже широко применяется в самых разных сферах, как коммерческих, так и некоммерческих [8]. Примерами успешного прогнозирования на основе анализа больших данных могут являться кампании по оптимизации производств, привлечению клиентов или избирателей (в случае использования прогнозирования в политтехнологиях).

Одним из наименее афишируемых способов применения предиктивной аналитики является её использование для прогнозирования преступлений. Несмотря на отсутствие серьёзной огласки, применение предиктивных алгоритмов в правоохранительной деятельности по всему миру уже вызвало немало споров. Сомнению подвергаются легальность и этичность подобного прогнозирования в условиях существующего правового вакуума в этой сфере.

Перед тем, как перейти к рассмотрению вопросов легальности и этичности, следует более чётко разобрать саму суть предиктивной аналитики и того, как она используется в правоохранительной деятельности. История предиктивной аналитики уходит корнями в 1940-е годы. Именно тогда были созданы первые предиктивные алгоритмы и вычислительные модели нейронных сетей. Основными направлениями использования подобных алгоритмов были дешифрование, а также моделирование при работе над ядерными программами [5]. После войны началась повсеместная коммерциализация аналитики, что и привело её к современному состоянию.

В своей сути предиктивная аналитика сводится к созданию математических моделей, которые, на основании множества данных, предсказывают возможное поведение людей. В данном случае за основу берётся идея о том, что люди и их действия крайне предсказуемы. Алгоритмы в состоянии определить паттерны поведения человека, отступления от которых если и случаются, то в пределах допустимой статистической погрешности. В расчёт берутся привычки, предпочтения, интересы человека, его окружение и жизненный опыт. По отдельности эта информация плохо применима, однако, выступая массивом, она позволяет выделить закономерности в поведении.

Родственным понятию предиктивная аналитика является понятие майнинга данных (от *англ.* data mining). При этом утверждение о том, что указанные понятия неотделимы друг от друга, не совсем верно – предиктивная аналитика может использовать множество методов; майнинг данных является лишь одним из них. Однако майнинг данных стал наиболее широко применяться при машинном обучении нейросетей (а именно использование нейросетей является самым перспективным направлением предиктивной аналитики). Под майнингом данных понимается совокупность методов обнаружения в данных ранее не известных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности [1].

Несмотря на то, что наиболее широкие области применения предиктивного анализа – коммерческие (например, директ-маркетинг, предиктивный таргетинг рекламы, управление инвестиционными рисками, а также страхование и кредитование), данные методы имеют огромный потенциал для применения и в других сферах.

Так, возможности, которые предоставляет предиктивный анализ для правоохранительной деятельности, весьма широки. Приведём наиболее распространенные примеры:

- Выявление мошеннических схем: средства предиктивного анализа позволяют минимизировать использование мошенниками фальшивых схем страхования, получение кредита и тому подобное.
- Поиск связей между преступниками: анализ больших данных с высокой долей вероятности выявляет членов ОПГ на основе различных взаимосвязей.
- Выявление криминогенных зон: предиктивный анализ позволяет правоохранительным органам определять зоны города, в которых существует наивысший риск совершения оппортунистских преступлений.
- Предсказание конкретных преступлений: с помощью анализа больших данных, в том числе визуальных (от *англ.* visual big data), специальные алгоритмы, созданные с использованием технологий машинного обучения, в состоянии определить: кто, а иногда – когда и где совершит преступление.

Предиктивная аналитика применяется в правоохранительных органах многих стран, среди которых США [4], Китай [12], Япония [7] и Чили [10]. В экспериментальном порядке осуществлялись попытки применения предиктивного анализа и в России.

Существующие предиктивные системы, используемые правоохранительными органами по всему миру, можно условно разделить на два типа: неперсонифицированные системы, которые в своей деятельности полностью исключают персональные данные людей; и персонифицированные системы, являющиеся операторами персональных данных.

Системы первого типа используют в основном статистические данные (к которым могут относиться в том числе: полицейские рапорты, информация о погоде, дорожном движении и маршрутах общественного транспорта) и не годятся для сложных задач, требующих анализа личности конкретного лица. Примером такой системы является наиболее популярное на рынке программное обеспечение PredPol [13], разработанное учёными Калифорнийского Университета совместно с Лос-анджелесским Департаментом Полиции. PredPol использует лишь три переменные: вид, время и место неблагоприятного события. Данные о личности преступников не обрабатываются. PredPol – это аналитический инструмент, который подсказывает сотрудникам полиции, на что имеет смысл обратить внимание, и тем самым «подтягивает» общий уровень подразделения правоохранительного органа. Например, показывает «горячие точки» на карте и обобщённые данные о криминальной активности.

Системы второго типа занимаются анализом гораздо более разнообразного спектра больших данных, включая визуальные большие данные (к коим относятся, например, записи с городских систем видеонаблюдения (ССТV)), данные, собираемые из активности человека в Интернете (сообщения на форумах и в социальных сетях, поисковые запросы, онлайн-покупки и прочее), а также прочие данные, как банковские счета, кредитные истории, профессиональная занятость и так далее.

Наглядным примером системы второго типа может являться алгоритм «Heat List», поставляемый в комплекте программного обеспечения CommandCentral Predictive, разработанного компанией Motorola Solutions совместно с Иллинойским Технологическим Институтом (Illinois Institute of Technology, сокр. ИТ). С помощью анализа больших данных, используя 11 переменных, алгоритм оценивает для каждого жителя Чикаго уровень риска быть застреленным или совершить преступление с использованием огнестрельного оружия [3] [11]. Статистика подтверждает точность прогнозов, данных алгоритмом: до 70% всех жертв насилия с применением огнестрельного оружия за последние несколько лет были отмечены в списке «Heat List» [9].

В Иллинойсе прогноз, сделанный ИТ, сам по себе не может являться основанием для уголовного преследования. Тем не менее, полиция Чикаго вмешивается в жизнь отмеченных в списки иным способом. Специальные люди, среди которых могут быть полицейские, священники либо иные уважаемые в определённых коммунах представители, наносят визит людям, отмеченным алгоритмом, и вручают им «Уведомительные письма», которые информируют их об опасностях, которые им угрожают [2].

На фоне неограниченного доступа некоторых предиктивных систем к массивам больших данных возникают опасения в легальности и этичности их использования. Как было отмечено в начале настоящей статьи, подобные системы, постро-

енные на методах предиктивного анализа, в большинстве стран действуют вне правового поля. Вследствие этого следует определиться с тем, как именно должны использоваться прогнозы, составленные путём применения предиктивной аналитики. В случае систем, направленных на выявление территорий с риском повышения криминогенной обстановки, это вопрос, скорее, административного характера и распределения ресурсов правоохранительных органов. Однако, когда речь идёт о предсказывании конкретных преступлений, вопрос переходит в юридическое поле, ведь неясно, какие действия могут совершать правоохранительные органы в отношении лиц, отмеченных алгоритмом. Немаловажным фактором является также отсутствие урегулирования возможностей таких систем выступать операторами больших массивов данных.

Всего на данный момент существует три подхода к регулированию применения подобных систем, которые условно можно назвать «европейский», «китайский» и «американский».

«Европейский» подход отличается крайней осторожностью в применении предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности. В основном европейские правоохранительные органы ограничиваются использованием предиктивных систем для борьбы с оппортунистской преступностью, зачастую для этого отсутствует необходимость обрабатывать разного рода персональные данные. Исключением является антитеррористическая деятельность, когда в интересах государственной безопасности предиктивные алгоритмы получают контроль над процессингом всего массива больших данных [6].

Основную роль в формировании данного подхода сыграли разработка и издание законодательных актов Европейского Союза, направленных на защиту персональных данных. Общий Регламент по Защите Данных (*англ.* General Data Protection Regulation) устанавливает особый порядок передачи права на процессинг персональных данных не имеющим на то права агентам (в данном случае – правоохранительным органам), что крайне затрудняет использование всего потенциала предиктивной аналитики.

Полной противоположностью «европейскому» подходу является «китайский». В КНР уже значительное время назад был взят курс на «цифровизацию» методов, используемых в правоохранительной деятельности. Сейчас полицейские управления КНР применяют всю полноту возможностей предиктивной аналитики, а также тесно сотрудничают с различными китайскими технологическими стартапами, в числе которых можно отметить, в частности, CloudWalk, занимающийся разработкой инновационных технологий опознания лиц. Следует также отметить, что применение предиктивного правоохранения в Китае если и регулируется, то исключительно внутренними актами соответствующих ведомств, что значительно затрудняет правовой анализ китайского опыта [12].

«Американский» подход в каком-то смысле следует «китайскому». В американской юридической теории при рассмотрении вопроса легальности анализа предиктивными алгоритмами персональных данных в рамках правоохранительной деятельности сложилось мнение, что в данном случае существует аналогия между большими данными и малыми данными, собираемыми полицейскими в ходе оперативной деятельности [4].

В этом контексте все данные, которые законным путём были получены в ходе деятельности правоохранительных органов, будь то визуальные большие данные, полученные с городских систем видеонаблюдения (ССТV), или обработанные данные активности пользователей сети Интернет, создают «обоснованное подозрение», необходимое и, одновременно, достаточное для задержания лица, подозреваемого в приготовлении преступления.

Тем не менее, несмотря на существование теории, оправдывающей использование прогнозов как оснований для задержания лиц, практика правоприменения в США не столь однозначна. Вследствие значительной раздробленности американского законодательства, отношение к таким прогнозам разнится от штата к штату. Так, в штате Иллинойс, как было описано ранее, прогноз не создаёт основания для задержания, тогда как в штате Калифорния полиция часто использует предиктивную аналитику для задержания лиц на стадии приготовления преступления и покушения на преступление.

В России на данный момент полностью отсутствует практика правового регулирования подобных ситуаций, как и какие-либо научно-теоретические разработки в отношении них. Связано это, в том числе, и с крайней ограниченностью применения предиктивной аналитики правоохранительными органами Российской Федерации. Тем не менее не вызывает сомнений, что уже в ближайшем будущем данные методы всё больше будут применяться и в России, а потому необходимо начать создавать теоретическую базу для дальнейшего законодательного урегулирования. Попробуем проанализировать предсказания преступлений, полученные методами предиктивной аналитики, с точки зрения российского уголовного права.

Для начала стоит определить момент, когда может быть сделан прогноз. Очевидно, что предсказание может быть получено в момент приготовления преступления. Как было отмечено ранее, предиктивные алгоритмы, предсказывающие конкретные преступления, анализируют данные об активных действиях потенциального преступника в Интернете, его передвижениях по городу, покупках в магазинах, круге общения и так далее. Исходя из этого можно утверждать, что прогноз может быть сделан на стадии приготовления преступления, ещё до стадии покушения.

В соответствии со ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Теоретически, в случаях предсказания алгоритмами соответствующих преступлений, в

интересах правоохранительных органов будет «подгонка» подобных предсказаний под основания для задержания лица. Проблема в том, что, в отсутствие прямого указания в законе на возможность задержания лица на основании прогноза, сделанного предиктивным алгоритмом, любое подобное задержание будет признано незаконным.

Одновременно с этим следует отметить и другой момент, балансирующий на грани права и этики: пресечение преступления правоохранительными органами в момент приготовления преступления лишает потенциального преступника возможности совершить добровольный отказ от преступления. Необходимо помнить, что любой прогноз, созданный на основе предиктивной аналитики, не является непосредственным предсказанием будущего, а ограничивается лишь моделированием ситуации, которая произойдёт с высокой долей вероятности. Алгоритм в состоянии определить, что действия, совершаемые лицом в настоящий момент времени, направлены на приготовление преступления, однако окончательность преступления не является предопределённой.

Добровольный отказ предусмотрен ст. 31 УК РФ и, в соответствии с ней, под ним понимается «добровольное прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца». При этом ст. 31 освобождает лицо от уголовной ответственности в случае наличия всех признаков добровольного отказа. Таким образом любое пресечение преступления фактически будет лишать лицо права на совершение добровольного отказа от преступления и, следовательно, накладывать на него уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление.

В этих условиях наиболее адекватным видится заимствование опыта Чикагского Департамента Полиции по применению алгоритма «Heat List». Именно профилактическая деятельность, направленная на убеждение лиц в необходимости отказаться от совершения преступлений, может быть рассмотрена как наиболее соответствующая действующему российскому законодательству. Разумеется, подобные меры сами по себе не могут гарантировать предотвращение каждого конкретного преступления, однако статистика показывает, что в районах их применения уровень преступности значительно понизился. Более того, подобная упреждающая терапия не создаёт возможность государственным структурам использовать предиктивные алгоритмы в иных целях.

Итак, из изложенного можно сделать вывод, что российское законодательство, во многом следуя за европейским, не предусматривает возможности проведения превентивных задержаний на основании прогнозов, сделанных методами предиктивной аналитики, в рамках пресечения преступлений. Тем не менее нет никаких преград для осуществления на основании предсказаний предиктивных систем дея-

тельности профилактического характера, направленной как на предотвращение конкретных преступлений, так и снижение общего количества преступлений, носящих оппортунистский характер. Не вызывает сомнений, что данная тема нуждается в серьёзной проработке на законодательном уровне ввиду неизбежного внедрения предиктивной аналитики в правоохранительную деятельность в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Data Mining Curriculum: A Proposal (Versiob 1.0). 2006, April 30 / S. Chakrabarti [et al.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://users.cs.fiu.edu/archive/taoli/class/CAP6778-S14/notes/CURMay06.pdf>.
2. Chicago Police Department. Special Order S10-05 IV.D // Custom Notifications in Chicago. – 2015. – October 6.
3. Davey, M. Chicago Police try to predict who may shoot or be shot // New York Times. – 2016. – May 21.
4. Ferguson, A. G. The rise of big data policing: surveillance, race and the future of law enforcement / A. G. Ferguson. – New York : New York University Press, 2017. – 272 p.
5. Gutierrez, D. D. InsideBIGDATA. Руководство по предиктивной аналитике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spotfiretibco.ru/wp-content/uploads/2017/09/InsideBIGDATA.pdf>.
6. Mendola, M. One step further in the «Surveillance Society» : The case of predictive policing [Электронный ресурс] / M. Mendola ; Technical and Law Center. – Режим доступа: http://techandlaw.net/wp-content/uploads/2016/10/One-Step-Further-in-the-Surveillance-Society_The-Case-of-Predictive-Policing.pdf.
7. Nevett, J. The real minority report: police trial AI to predict and prevent crimes before they happen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailystar.co.uk/news/world-news/677796/artificial-intelligence-japan-kanagawa-police-predict-minority-report-2020-olympics>.
8. Nyce, C. Predictive Analytics White Paper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.the-digital-insurer.com/wp-content/uploads/2013/12/78-Predictive-Modeling-White-Paper.pdf>.
9. Papachristos, A. V. Commentary: CPD's crucial choice: treat its list as offenders or as potential victims? // Chicago Tribune. – 2006. – July 29.
10. Peña, M. ¿Como en Minority Report! Un sistema de inteligencia artificial predice crímenes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://es.digitaltrends.com/computadoras/prediccion-crimenes-cortica-inteligencia-artificial>.
11. Rhee, N. Can police big data stop Chicago's spike in crime? [Электронный ресурс] // Christian Sci. Monitor. – 2016. – June 2. – Режим доступа: <https://www.csmonitor.com/USA/Justice/2016/0602/Can-police-big-data-stop-Chicago-s-spike-in-crime>.

12. Yi Shu Ng. China is using AI to predict who will commit crime next [Электронный ресурс] // Mashable. – 2017. – July 24. – Режим доступа: <https://mashable.com/2017/07/24/china-ai-crime-minority-report/#aJmWRct7PqqR>.

13. Пятов, А. Предсказание преступлений – реальность [Электронный ресурс] // DataSide. – 2016. – 22 июля. – Режим доступа: <http://ru.datasides.com/predicting-crime-lapd-style-in-russian>.

REFERENCES

1. Chakrabarti S. [et al.] *Data Mining Curriculum: A Proposal (Versiob 1.0)*. 2006, April 30. Available at: <https://users.cs.fiu.edu/archive/taoli/class/CAP6778S14/notes/CURMay06.pdf> (accessed 11 May 2018).

2. Chicago Police Department. Special Order S10-05 IV.D. *Custom Notifications in Chicago*, 2015, October 6.

3. Davey M. Chicago Police Try to Predict Who May Shoot or be Shot. *New York Times*, 2016, May 21.

4. Ferguson A.G. *The Rise of Big Data Policing: Surveillance, Race and The Future of Law Enforcement*. New York: New York University Press, 2017. 272 p.

5. Gutierrez D.D. *InsideBIGDATA. Predictive Analytics Guide*. Available at: <http://www.spotfiretibco.ru/wp-content/uploads/2017/09/InsideBIGDATA.pdf> (accessed 11 May 2018). (In Russian).

6. Mendola M. *One Step Further in the «Surveillance Society»: The Case of Predictive Policing*. Technical and Law Center. Available at: http://techandlaw.net/wp-content/uploads/2016/10/One-Step-Further-in-the-Surveillance-Society_The-Case-of-Predictive-Policing.pdf (accessed 11 May 2018).

7. Nevett J. *The Real Minority Report: Police Trial AI to Predict and Prevent Crimes before They Happen*. Available at: <https://www.dailystar.co.uk/news/world-news/677796/artificial-intelligence-japan-kanagawa-police-predict-minority-report-2020-olympics> (accessed 11 May 2018).

8. Nyce C. *Predictive Analytics White Paper*. Available at: <https://www.the-digital-insurer.com/wp-content/uploads/2013/12/78-Predictive-Modeling-White-Paper.pdf> (accessed 11 May 2018).

9. Papachristos A.V. Commentary: CPD's Crucial Choice: Treat its List as offenders or as Potential Victims? *Chicago Tribune*, 2006, July 29.

10. Peña M. *¿Como en Minority Report! Un sistema de inteligencia artificial predice crímenes*. Available at: <https://es.digitaltrends.com/computadoras/prediccion-crimenes-cortica-inteligencia-artificial> (accessed 11 May 2018).

11. Rhee N. Can Police Big Data Stop Chicago's Spike in Crime? *Christian Sci. Monitor*, 2016, 2 June. Available at: <https://www.csmonitor.com/USA>

/Justice/2016/0602/Can-police-big-data-stop-Chicago-s-spike-in-crime (accessed 11 May 2018).

12. Yi Shu Ng. China is Using AI to Predict Who will Commit Crime. *Mashable*, 2017, July 24. Available at: <https://mashable.com/2017/07/24/china-ai-crime-minority-report/#aJmWRct7PqqR> (accessed 11 May 2018).

13. Pyatov A. Predskazanie prestuplenii – real'nost' [Crime prediction is reality]. *DataSide*, 2016, July 26. Available at: <http://ru.datasides.com/predicting-crime-lapd-style-in-russian> (accessed 29 May 2018).

УДК 343.326

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/145-158

А. А. Мальцев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: alex@maltsev.biz

Хунг Нгуен²

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Вьетнам-Венгерский индустриальный университет, Хошимин, Вьетнам

E-mail: hungnguyen.vh@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы противодействия терроризму в Социалистической Республике Вьетнам, совершаемые, в том числе, в сфере высоких технологий. Авторы отмечают относительную молодость законодательных предписаний как в сфере противодействия терроризму, так и в сфере высокотехнологичных преступлений. В статье дана классификация преступлений террористического характера, а также рассмотрена возможность их сочетания с высокотехнологичными преступлениями. По мнению авторов, определяющими в высокотехнологичных преступлениях являются предмет и способ совершения преступления как объективные признаки состава преступления. В свою очередь, преступления террористические характеризуются классово-политической мотивацией, целью распространения страха в обществе и дестабилизации деятельности политических институтов. Следовательно, сочетание объективных и субъективных признаков данных преступлений говорит о возможной квалификации их одновременного совершения по совокупности, несмотря на отнесение их специальным законом о борьбе с терроризмом к числу преступлений террористического характера нарушения работы

¹ Александр Анатольевич Мальцев, кандидат юридических наук, магистр международного уголовного права и правосудия, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Хунг Нгуен, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; магистр права, преподаватель, Вьетнам-Венгерский индустриальный университет, Хошимин, Вьетнам.

Для цитирования: Мальцев А. А., Нгуен Хунг. Уголовно-правовое противодействие терроризму в сфере высоких технологий по законодательству Социалистической Республики Вьетнам // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 145–158.

компьютерных, телекоммуникационных, интернет сетей и цифровых устройств агентств, организаций и частных лиц, а равно иное посягательство на такие сети и устройства, а также воспрепятствование их работе. Авторы отмечают значительную пробельность в описании преступлений террористического характера, указывают, что вьетнамская правовая традиция во многом основана на советской школе права. В этой связи, с учетом традиционной близости уголовно-правовых систем России и Вьетнама, законодателю СРВ вполне целесообразно использовать российский уголовный закон для рецепции его правовых предписаний в целях эффективной и качественной борьбы с криминальными проявлениями терроризма.

Ключевые слова: Вьетнам, Социалистическая Республика Вьетнам, терроризм, террористический акт, народное правительство, сфера высоких технологий, преступление, наказание.

Alexander A. Maltsev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: alex@maltsev.biz

Hung Nguyen²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Viet Nam-Hungary Industrial University, Ho Chi Minh City, Vietnam

E-mail: hungnguyen.vh@gmail.com

**LEGAL COUNTERACTION TO HIGH-TECH TERRORISM
UNDER THE LAW OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM**

Abstract. The article deals with the issues of counteracting terrorism in the Socialist Republic of Vietnam, committed, inter alia, in the field of high technologies. The authors note the relative youth of legislative regulations both in the field of counteracting terrorism and in the field of high-tech crimes. The article provides a classification of crimes of a terrorist nature, as well as the possibility of combining them with high-tech crimes. According to the authors, the main characteristic of high-tech crimes involves objective ele-

¹ Alexander A. Maltsev, Cand. Sci (Law) LL.M. in International Crime and Justice, Associate professor, Department of Criminal Law and Criminology Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Hung Nguyen, postgraduate student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Master of Law, Lecturer, Vietnam-Hungarian Industrial University, Ho Chi Minh City, Vietnam.

For citing: Maltsev A.A., Nguyen Hung. Legal counteraction to high-tech terrorism under the law of the Socialist Republic of Vietnam // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 145–158.

ments. In turn, terrorist crimes are characterized by class-political motivation, the goal of spreading fear in society and destabilizing of political institutions. Consequently, the combination of objective and subjective elements of these crimes indicates the possible qualification of their simultaneous committing in the aggregate, despite the fact that a special law on combating terrorism considers a terrorist crime to disrupt any computer, telecommunication, Internet networks and digital devices of agencies, organizations and individuals as well as other encroachment on such networks and devices, and obstruction of their work. The authors note a significant gap in the description of crimes of terrorist nature and indicate that the Vietnamese legal tradition is largely based on the Soviet school of law. In this regard, taking into account the traditional proximity of the criminal law systems of Russia and Vietnam, it is appropriate for the lawmaker of the Socialist Republic of Vietnam to use the Russian criminal law for reception of its legal regulations in order to effectively and qualitatively combat criminal manifestations of terrorism.

Keywords: Vietnam, Socialist Republic of Vietnam, terrorism, terrorist act, people's government, hi-tech sphere, crime, punishment.

Законодательное противодействие терроризму в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) берёт своё начало в прошлом веке. В редакциях Уголовного кодекса Вьетнама 1985 г. и 1999 г. терроризм определялся как акт посягательства, угрозы посягательства на жизнь, здоровье, физическую свободу или иные действия против народной власти, совершённые в целях запугивания людей или создания трудностей для международных отношений СРВ. Такой подход законодателя к весьма многозначительному и расплывчатому определению терроризма сохранился и в действующем Уголовном кодексе, принятом в 2015 г.

Преступность в сфере высоких технологий – термин относительно новый для СРВ. Несмотря на большое количество различных исследований по этой теме, а также соответствующее правовое регулирование, сейчас во Вьетнаме нет общего понимания этого вида преступления. В этой связи и сочетание преступлений в сфере высоких технологий с преступлениями террористического характера представляет для правоприменителя существенные затруднения. Для более чёткого представления рассмотрим понятие преступлений террористического характера, а затем их возможное сочетание с высокотехнологичными посягательствами.

Действующий УК СРВ определяет террористические преступления через призму конкретных составов преступлений. Таковых вьетнамский уголовный закон насчитывает три: терроризм против народного правительства (ст. 113), терроризм (ст. 299), финансирование терроризма (ст. 300). Уголовный кодекс не содержит определения терроризма и, можно сказать, до 2013 г. такого определения в СРВ не

существовало вовсе. В этой связи интересно доктринальное определение терроризма, приводимое в юридической литературе. Согласно Энциклопедическому словарю Народной полиции Вьетнама, определения «терроризм» и «международный терроризм» таковы: «Терроризм – акт насилия, совершаемый человеком, организацией, государством или государственным союзом для запугивания, принуждения врага в целях его подчинения. Формами терроризма, как правило, являются похищение, убийство, взрывы <...>. Терроризм, управляемый некоторыми империалистическими странами и международным реакционным миром, рассматривается как национальная политика или стратегия, направленная против развитых стран и движения за национальную независимость, демократию и социальный прогресс» [1].

Легальное определение терроризма содержится в специальном законе о борьбе с терроризмом [2], принятом в 2013 г. Следует отметить, что законодатель опять же не дает нам универсальной формулы, а лишь казуистично перечисляет различные криминальные проявления терроризма. Так, часть 1 статьи 3 данного закона определяет терроризм как одно, несколько или все действия организации или лица, направленные против народного правительства, принуждающие народное правительство, иностранные и международные организации к совершению определённых действий, создающие трудности в международных отношениях СРВ или распространяющие панику в обществе. Перечисляя криминальные проявления терроризма в рамках законодательного определения, правотворец приводит следующие преступления: (1) Посягательство на жизнь, здоровье, физическую свободу или угроза посягательства на жизнь, а также психологическое запугивание других людей; (2) Присвоение имущества, нанесение ущерба, уничтожение или угроза уничтожением имущества; нарушение работы компьютерных, телекоммуникационных, интернет сетей и цифровых устройств агентств, организаций и частных лиц, а равно иное посягательство на такие сети и устройства, а также воспрепятствование их работе; (3) Руководство по созданию, производству и использованию оружия или создание, производство, хранение, транспортировка, торговля оружием, взрывчатыми, радиоактивными веществами, токсинами, легковоспламеняющимися веществами, инструментами и другими устройствами в целях совершения действий, указанных в пунктах 1 и 2; (4) Пропаганда, привлечение, подстрекательство, принуждение, вербовка или создание условий, помогающих в осуществлении действий, указанных в пунктах 1, 2 и 3; (5) Создание, участие в организации, наборе, обучении и подготовке участников для совершения действий, указанных в пунктах 1, 2, 3 и 4; (6) Другие акты, считающиеся террористическими в соответствии с положениями международных договоров о предупреждении и борьбе с терроризмом, участником которых является Социалистическая Республика Вьетнам.

Как видно из приведённых определений, понятие терроризма, указание такого способа совершения преступления, как посягательство на высокотехнологичные

системы и нарушение их работы позволяет правоприменителю эффективно противодействовать кибертерроризму.

Энциклопедический словарь Народной полиции Вьетнама, определяя преступность в сфере высоких технологий, указывает, что это вид преступления с использованием современных научных достижений – техники и современных технологий – в качестве инструментов и средств для совершения преступного акта, угрожающего обществу, умышленным или неумышленным способом [1]. В настоящее время понятие преступления в сфере высоких технологий представлено в Постановлении № 25/2014/ND-CP от 7 апреля 2014 г. о предотвращении преступлений в сфере высоких технологий [6]. Согласно Постановлению, это – опасный общественный акт с использованием высоких технологий. Это общее понятие, в котором не указаны основные характеристики преступления. В текущей системе правовых документов Вьетнама нет полного определения преступлений в сфере высоких технологий, однако есть определения конкретных преступлений, связанных с высокими технологиями. Они определены в статьях 286, 287, 288, 289 и 290 Уголовного кодекса 2015 года. В соответствии с циркуляром № 10/2012/TTLT-BCA-VQP-VTPVTT & TT-VKSNDTC-TANDTC от 10 сентября 2012 г. преступления в сфере высоких технологий и коммуникаций караются согласно Уголовному кодексу.

Продолжая рассматривать правовую регламентацию преступных проявлений терроризма, следует отметить, что Уголовный кодекс Вьетнама, следуя традициям социалистических уголовных законов, ранжирует охраняемые законом общественные отношения в порядке их приоритета как государство – общество – личность. Именно поэтому состав терроризма против народного правительства вынесен в самую первую главу особенной части, посвящённую защите национальной безопасности. При этом основной состав терроризма располагается в далёкой статье 299, расположенной в главе о преступлениях против общественной безопасности. Поэтому, вопреки сложившейся практике, в первую очередь мы рассмотрим квалифицированный состав преступления.

Согласно Уголовному кодексу Социалистической Республики Вьетнам, как в ранее действовавших редакциях, так и в действующей, преступления, посягающие на национальную безопасность, являются наиболее общественно-опасными. Преступления против национальной безопасности представляют собой две группы. К первой относятся преступления, посягающие и угрожающие фактическому существованию народного правительства (например, мятеж, захват территории). Вторая группа преступлений посягает на стабильность деятельности народного правительства, в неё входят как диверсии (саботажи) в экономической, социальной и политической сферах, саботажи в отношении политического единства, саботажи, направленные на нарушение безопасности. При этом терроризм против народного правительства относится ко второй группе, это преступления, посягающие или представ-

ляющие собой угрозу посягательства на стабильность народного правительства, на внутреннюю и внешнюю безопасность страны, на жизнь, здоровье, физическую свободу и моральное состояние людей.

Статья 113 Уголовного кодекса также расширяет пределы своего действия и ставит под уголовно-правовую защиту лиц, организации и международные организации от преступлений террористического характера, если таковые были совершены в целях разрушения существующих международных связей Вьетнама.

С учётом расположения состава терроризма против народного правительства в указанной статье, а также вышеназванных содержательных аспектов, непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие стабильность деятельности народного правительства. Внутренняя и внешняя безопасность страны, в свою очередь, выступает родовым объектом преступления, а общественные отношения, гарантирующие жизнь, здоровье, физическую свободу людей, имущественные интересы и т.п. в данном составе преступления выступают дополнительным объектом, сконструированным по альтернативному принципу.

Террористические акты, направленные против народного правительства, могут быть классифицированы по шести группам преступных посягательств.

Первая группа представляет собой состав посягательство на жизнь должностных лиц¹, граждан или иностранцев. Методы, инструменты, тактики и приёмы осуществления актов, посягающих на жизнь, отличаются в зависимости от конкретного случая, но, как правило, они характеризуются крайней общественной опасностью, несмотря на то, что законодатель данного признака состава преступления в рассматриваемой статье непосредственно не предусматривает. Они могут быть выражены в использовании взрывчатых веществ и взрывных устройств, огнестрельного оружия в учреждениях, общественных организациях, убийстве государственных служащих, граждан или иностранцев. Такие акты часто приводят к особо серьёзным последствиям и являются самыми опасными актами, относящимся к преступлениям против народного правительства. Данные деяния квалифицируются по части 1 статьи 113 вьетнамского Уголовного кодекса и наказываются лишением свободы на срок от 12 до 20 лет, пожизненным лишением свободы или смертной казнью.

Вторая и третья группы включают в себя более традиционные преступления террористического характера. Пункт «а» части 2 данной статьи криминализирует создание и участие в террористической организации или организации, занимаю-

¹ Понятие должностных лиц и государственных служащих определено в ст. 4 Закона о кадровых и государственных служащих (вступил в силу с 1 января 2010 г.). Должностными лицами являются вьетнамские граждане, которые избираются, утверждаются и назначаются на должности в органы Коммунистической партии Вьетнама, государственные органы, общественно-политические организации в центрах, провинциях и городах центрального подчинения, в сельских районах, городских округах и провинциальных городах и получают заработную плату из государственного бюджета.

щейся спонсированием терроризма. Пунктом «б) данной части установлена ответственность за «понуждение, вовлечение, вербовку в терроризм, обучение терроризму, а равно изготовление и предоставление оружия террористам».

Перечень таких организаций устанавливается актами международных органов. На Вьетнам, как на члена Организации Объединенных Наций, распространяют своё действие все резолюции Совета Безопасности ООН, принятые в рамках VII главы Устава ООН. В частности, резолюцией №1267 предусмотрено ведение санкционных списков лиц и организаций, связанных с терроризмом. Согласно постановлению Правительства СРВ, террористическими организациями и физическими лицами, осуществляющими поддержку терроризма, являются «организации и физические лица, находящиеся в списке организаций и физических лиц, связанных с терроризмом и финансированием терроризма, определённых на основании резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, принятых в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций (список Совета Безопасности Организации Объединенных Наций), а также организации и физические лица, находящиеся в «чёрном списке», определённом Министерством общественной безопасности в соответствии с положениями законодательства [3]. Министерство общественной безопасности отвечает за составление и ведение соответствующего национального списка, включение в него организаций и физических лиц, связанных с терроризмом и финансированием терроризма, и опубликование на портале Министерства общественной безопасности.

Ответственность за преступления, входящие во вторую и третью группы, установлена в виде лишения свободы сроком от 10 до 15 лет.

Четвертая группа: посягательство на физическую свободу, здоровье должностных лиц, государственных служащих, граждан или иностранцев. Это акты захвата или удержания заложников, причинение вреда здоровью. Здесь законодатель охватывает преступлениями террористического характера несколько более широкий спектр преступных деяний и относит к террористическим, в том числе, и деяния, традиционно не включаемые в данный перечень. В частности, один лишь акт посягательства на здоровье и физическую свободу должностного лица народного правительства или любого другого лица, совершённый в целях воспрепятствования деятельности народного правительства, представляет собой акт терроризма. Данное деяние в силу законоположений пункта 2 статьи 113 Уголовного кодекса наказывается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет.

Пятая группа включает в состав преступлений террористического характера ещё более широкий спектр преступных деяний, таких как угроза убийством или совершение других актов запугивания должностных лиц, государственных служащих, граждан или иностранцев, а равно совершение других актов морального запугивания в отношении данных лиц. К таким деяниям, в частности, относятся жесты,

неуважительное отношение, устное запугивание и другие действия, осуществляемые в связи с осуществлением потерпевшими или их близкими должностных обязанностей. Эти деяния могут быть совершены как непосредственно, так и опосредованно, например, по почте, телефону, интернету, через другое лицо. Чтобы оценить психологическое состояние, в котором находится потерпевший, необходимо основываться на содержании, форме и уровне угрозы, времени и конкретных обстоятельствах совершения преступления, отношениях между преступником и лицом, в отношении которого направлена угроза. Согласно пункту 3 статьи 113 Уголовного кодекса, ответственность за данное преступление предусмотрена в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

Шестая группа террористических посягательств на народное правительство включает в себя усечённые составы всех вышеназванных преступлений. Законодатель предусмотрел уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок от одного до пяти лет за приготовление к совершению террористического акта, направленного против народного правительства.

Все вышеуказанные составы преступлений сконструированы законодателем по модели формального состава преступления, в этой связи преступление будет считаться оконченным с момента выполнения соответствующего посягательства (на жизнь, здоровье и т.п.), либо выполнения иных действий, описанных в данной статье, вне зависимости от наступления опасных последствий.

Новая редакция УК СРВ хоть и предусматривает уголовную ответственность юридических лиц за целый ряд преступлений, перечисленных в ст. 76 УК СРВ (включая финансирование терроризма), однако террористические акты остались вне этого перечня. Таким образом, субъектом террористического акта против народного правительства является любое вменяемое физическое лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось 14 лет.

В качестве цели преступного посягательства, предусмотренного ст. 113 УК СРВ, указывается противостояние народному правительству. В этой связи, деяния, предусмотренные данной статьёй, могут быть совершены только с прямым умыслом.

Борьба с народным правительством может заключаться в намерении изменить политическую и социально-экономическую системы страны, свергнуть народное правительство или ослабить его, подорвать стабильность народного правительства и создать препятствия его нормальной деятельности, а также вызвать трудности в международных отношениях Социалистической Республики Вьетнам с другими странами, международными организациями. Мотивами преступников могут быть классовая ненависть, недовольство политическим режимом, политическим курсом или какой-либо деятельностью властей. В то же время, мотив не является обязательным признаком данного состава преступления.

В случае, если лицо совершает одно из деяний, описанных выше, но с другими целями, то в зависимости от каждого конкретного случая возможно привлечение преступника к уголовной ответственности за совершение иных преступлений: терроризм, убийство, угроза убийством, захват или удержание человека и т.д.

Основному составу террористического акта посвящена ст. 299 УК СРВ, расположенная в главе о преступлениях против общественной безопасности. Данная статья, по аналогии со ст. 113 УК СРВ, содержит несколько разновидностей террористического акта, которые соотносятся с первой частью данной статьи как квалифицированные и привилегированные составы преступлений.

В ч. 1 ст. 299 Уголовного кодекса состав «терроризма» определён следующим образом: «...посягательство на жизнь других людей, попытка уничтожения имущества учреждений, организаций или физических лиц в целях вызвать панику в обществе». Часть 2 данной статьи предусматривает практически идентичный статье 113 УК СРВ квалифицированный состав данного деяния в виде «создания и участия в террористической организации или организации, занимающейся спонсированием терроризма; понуждение, вовлечение, вербовку в терроризм, обучение терроризму, а равно изготовление и предоставление оружия террористам; посягательство на физическую свободу, здоровье других лиц или уничтожение или повреждение имущества учреждений, организаций или физических лиц». Кроме того, согласно ч. ч. 3, 4 рассматриваемой статьи наказуемы приготовление к перечисленным действиям, а также угроза их совершения.

Как следует из процитированного определения, а также расположения анализируемой статьи в структуре УК СРВ, основным непосредственным объектом террористического акта является общественная безопасность. Дополнительным непосредственным объектом могут являться общественные отношения, гарантирующие жизнь, здоровье, физическую свободу, нормальное моральное состояние человека; отношения собственности в случае посягательства на имущество учреждений, организаций и физических лиц.

Объективная сторона терроризма состоит из следующих трёх групп актов:

- посягательство на жизнь других людей или уничтожение имущества учреждений, организаций или физических лиц;
- посягательство на физическую свободу, здоровье других лиц или уничтожение или повреждение имущества учреждений, организаций или физических лиц;
- угроза посягательством на жизнь других лиц или уничтожение или повреждение имущества учреждений, организаций или физических лиц или совершение других актов запугивания.

Формы, методы, инструменты, средства совершения террористического акта зависят от конкретных обстоятельств, но они, как правило, очень жестоки и совершаются с использованием опасных видов оружия в местах, где есть возмож-

ность убийства большого количества людей. Существенное значение имеет способ совершения данных деяний. Общеопасная характеристика способа совершения террористического акта проявляется не только в выборе взрывных устройств, взрывчатых веществ, огнестрельного оружия в качестве орудия совершения преступления, но и в способности таких орудий вызвать массовую панику, распространить атмосферу страха на максимально широкий круг лиц. В этой связи местом совершения террористического акта избираются места массового скопления людей либо особо значимые и популярные объекты: площади, объекты транспортной инфраструктуры, торговые и деловые центры и т.п. В то же время, вьетнамский законодатель не определяет способ, место орудия и средства совершения террористического акта в качестве составообразующих признаков, что, по нашему мнению, способствует чрезмерно расширительному толкованию понятия террористического акта.

Субъективная сторона террористического акта выражена в виде прямого умысла и специальной цели: распространение страха (паники) в обществе. Согласно Совместному циркуляру №06 от 5/5/2005 Министерства общественной безопасности, Министерства обороны, Министерства юстиции, Государственного банка Вьетнама, Верховной народной прокуратуры и Верховного народного суда о руководстве по применению некоторых положений Уголовного кодекса о терроризме и финансировании терроризма, для распространения паники в обществе террористические акты, предусмотренные в статье 299, могут проводиться в общественных местах и местах скопления людей, например, на площадях, перекрёстках, на остановках, станциях транспортных средств, в транспортных средствах, в офисах учреждений и организаций, в местах развлечений, отдыха и туризма, в школах, больницах, жилых районах и зданиях или в другой инфраструктуре, куда могут прийти люди для различных целей. Например, взрыв в районе железнодорожного вокзала вызовет у граждан опасения по поводу безопасности их жизни, здоровья и имущества, когда речь идет о движении на общественном транспорте. В случае, если акт осуществлён в изолированных местах, а не в общественном месте, например, в домах или в корпоративных офисах, но в целях распространения паники в обществе, лицо, осуществляющее данный акт, также подлежит уголовной ответственности в соответствии со статьёй 299 УК СРВ [4].

Цель формирования страха в обществе является обязательной характеристикой субъективной стороны рассматриваемого состава преступления. Поэтому в случае, если лицо, желая распространить панику в обществе, совершает акт захвата воздушного или морского судна, то оно подлежит уголовной ответственности за терроризм по статье 299 Уголовного кодекса. Но, если такой захват произошел без названной цели, содеянное следует квалифицировать по статье 282 УК СРВ «Угон воздушного или водного судна».

Интересно отметить, что понятие террористического акта по вьетнамскому законодательству не включает в себя цель воздействия на принятие решений публично-правовым образованием (органами власти, международными организациями и т.п.), в то время как такой подход является к настоящему времени общепринятым и определяется, в том числе, и универсальными международно-правовыми инструментами [5]. Представляется, что отсутствие данной цели в качестве признака террористического акта способно породить коллизию правовых норм. Учитывая такой подход законодателя, к числу террористических преступлений могут быть отнесены деяния, не являющиеся таковыми по своей природе, в частности, совершённые общепасным способом: убийство, уничтожение и повреждение чужого имущества, похищение человека и т.д.

Отграничение состава террористического акта, указанного в ст. 299 УК СРВ, от смежных составов зачастую представляется весьма затруднительным. Учитывая, что «классический» террористический акт имеет определённую политическую цель в виде воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, в случае выявления такой цели содеянное следует квалифицировать по ст. 113 УК СРВ. Таким образом, ст. 299 УК СРВ представляет некую новую форму террористического акта, выраженную в совершении преступных деяний, являющихся террористическими по форме, но не по содержанию.

Как видно из анализа преступлений террористического характера, в основе их криминализации лежат деяния, представляющие собой проявления классово-политически мотивированного насилия по отношению к представителям власти. В этой связи сочетание таких преступлений с преступлениями в сфере высоких технологий на практике затруднительно и возможно лишь в отношении преступлений, входящих в пятую группу. Преступления террористического характера в сфере высоких технологий могут иметь место в случае применения ненасильственного способа их совершения, в частности, при коммуницировании угрозы посредством применения высокотехнологичных средств и/или посягательства на высокотехнологичные системы в целях уничтожения имущества и т. п.

Непосредственному правовому регулированию высокотехнологичных преступлений в Уголовном кодексе Вьетнама 2015 г. посвящены 4 статьи: ст. 286 «Создание и распространение вредоносных программ, подрывающих деятельность компьютерных и коммуникационных сетей, а также других электронных устройств»; ст. 287 «Противодействие или нарушение работы компьютерных и коммуникационных сетей, а также других электронных устройств», ст. 288 «Незаконное распространение и использование информации компьютерных и коммуникационных сетей»; ст. 289 «Незаконное вторжение в компьютерную или коммуникационную сеть, а также в электронные устройства других людей». Определяющими в каждом из этих составов преступлений являются предмет и способ совершения преступления как объектив-

ные признаки состава преступления. В свою очередь, преступления террористические, прежде всего, характеризуются классово-политической мотивацией, целью распространения страха в обществе и дестабилизации деятельности политических институтов. Следовательно, сочетание объективных и субъективных признаков данных преступлений говорит о возможной квалификации их одновременного совершения по совокупности, несмотря на отнесение специальным законом о борьбе с терроризмом к числу преступлений террористического характера нарушения работы компьютерных, телекоммуникационных, интернет сетей и цифровых устройств агентств, организаций и частных лиц, а равно иное посягательство на такие сети и устройства, а также воспрепятствование их работе.

Стоит отметить, что при описании террористического акта в новом Уголовном кодексе вьетнамский законодатель допустил целый ряд неточностей. Во-первых, наименование статей 113 и 299 указывает на криминализацию терроризма, в то время как содержательно статьи посвящены террористическому акту, который является лишь одним из криминальных проявлений терроризма. Данный пробел имелся и в Уголовном кодексе Российской Федерации, однако российский законодатель эту ошибку исправил, изменив название ст. 205 УК РФ. Во-вторых, описание признаков состава преступлений в рассматриваемых статьях нарушают принцип формальной определённости закона, поскольку предусматривают весьма пространственные формулировки, позволяющие отнести к числу террористических преступления, по своей природе таковыми не являющиеся. Статья 113 УК СРВ, кроме прочего, обладает большим потенциалом для борьбы с политическими оппонентами народного правительства, поскольку такое широкое определение позволяет квалифицировать по данной статье и посягательство на жизнь государственного деятеля, и убийство, совершённое в связи с профессиональной деятельностью потерпевшего в качестве должностного лица, и даже посягательство на здоровье и физическую свободу должностного лица народного правительства может представлять собой акт терроризма. В-третьих, оставляет желать лучшего и законодательная техника при описании не только основных, но и привилегированных составов рассматриваемых преступлений. Вторые части статей 113 и 299 практически дословно воспроизводят друг друга, что порождает их коллизию и в ряде случаев не позволяет отграничить одно преступление от другого. Рассмотренные статьи целесообразно разделить содержательно, выделив в самостоятельные составы преступлений содействие террористической деятельности, создание и участие в террористической организации, вовлечение в террористическую деятельность и т.д.

Вьетнамская правовая традиция во многом основана на советской школе права. Первые уголовные кодексы Социалистической Республики Вьетнам были во многом копией уголовных кодексов РСФСР и отличались более высоким качеством законодательной техники по сравнению с кодексом 2015 года. В этой связи, с учё-

том традиционной близости уголовно-правовых систем России и Вьетнама, законодательству СРВ вполне целесообразно использовать российский уголовный закон для рецепции его правовых предписаний в целях эффективной и качественной борьбы с криминальными проявлениями терроризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Министерство общественной безопасности // Энциклопедический словарь Народной полиции Вьетнама. Ханой : Народная полиция, 2005. – С. 69. – Вьет.
2. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам. Законодательство по предотвращению и борьбе с терроризмом. – Ханой : Юстиция, 2013. – Вьет.
3. О приостановлении обращения, замораживании, задержании и обработке денежных средств и активов, связанных с терроризмом, финансированием терроризма; создании списка организаций, личностей связанных с терроризмом, финансированием терроризма : постановление Правительства Социалистической Республики Вьетнам № 122/2013/NĐ-CP от 11 октября 2013 г. – Вьет.
4. Совместный циркуляр № 06 от 5/5/2005 Министерства общественной безопасности, Министерства обороны, Министерства юстиции, Государственного банка Вьетнама, Верховной народной прокуратуры и Верховного народного суда о руководстве по применению некоторых положений Уголовного кодекса о терроризме и финансировании терроризма / Министерство общественной безопасности, Министерство обороны, Министерство юстиции, Государственный банк Вьетнама, Верховная народная прокуратура и Верховный народный суд. – Ханой, 2012. – Вьет.
5. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Заключена в г. Нью-Йорке 9 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.
6. О предотвращении преступлений в сфере высоких технологий : постановление Правительства Социалистической Республики Вьетнам № 25/2014/ND-CP от 7 апреля 2014 г. – Вьет.

REFERENCES

1. Ministry of Public Security, *Encyclopedic Dictionary of the People's Police of Vietnam*. Hanoi: Narodnaya Politsiya Publishing House, 2005, pp.69. (In Vietnamese).
2. *National Assembly of Vietnam. Legislation on Prevention and Combating Terrorism*. Hanoi: Publ. House «Justice», 2013. (In Vietnamese).
3. *Decree of the Government of Vietnam No. 122/2013 / ND-CP of 11/10/2013 of 11/10/2013 on the Suspension of Circulation, the Freezing, Detention and Processing of Money and Assets Related to Terrorism, the Financing of Terrorism; the Creation of a*

List Of Organizations, Individuals Associated with Terrorism, the Financing of Terrorism. (In Vietnamese).

4. Ministry of Public Security, Ministry of Defense, Ministry of Justice, State Bank of Vietnam. *Supreme People's Procuratorate and Supreme People's Court, Joint circular No. 06 dated 5/5/2005 of the Ministry of Public Security, Ministry of Defense, Ministry of Justice, The State Bank of Vietnam, the Supreme People's Procuratorate and the Supreme People's Court on guidance on the application of certain provisions of the Criminal Code on terrorism and the financing of terrorism.* Hanoi, 2012. (In Vietnamese).

5. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism. (Concluded in New York on December 12, 1999). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (accessed 17 June 2018).

6. *Decree of the Government of Vietnam No. 25/2014/ND-CP dated April 07, 2014 of the Government on prescribing the prevention and combat of crimes and other law violations involving high technology.* (In Vietnamese).

УДК 343.918:004.738.5

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/159-169

Л. И. Романова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: romanova.li@dvfu.ru

ЛИЧНОСТЬ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. Характеристика личности современного преступника имеет много отличительных признаков и свойств. Особо выделяется такая категория лиц, которые совершают свои преступления посредством безграничных возможностей современного интернета, используя сферу компьютерной информации. Показаны основные исторические этапы возникновения и формирования личности преступника, описаны характерные черты социального портрета интернет-преступника, представлена его криминологическая характеристика. Автор подчёркивает, что простого решения проблемы борьбы с интернет-преступниками не существует. Учитывая, что человеческие и технические возможности не имеют границ, то любые запретительные преграды, в конечном итоге, будут преодолены, в интернете появятся новые предложения, специальные программы, позволяющие желающим анонимно, безопасно, без каких-либо негативных последствий для себя получить доступ к любой интересующей запретной информацией. Представляется, что в данной ситуации важно соблюсти баланс между установлением правовых запретов и ведением хорошо выстроенной системы мер противодействия и профилактики. Конечно, для этого нужны высокого уровня профессионалы, комплексный и системный подход, эффективные образовательные, информационные, разъяснительные программы, разработанные для разных возрастных и социальных категорий граждан. А для этого, в свою очередь, требуется воля и желание власти, время, финансовые ресурсы и человеческий потенциал. К сожалению, всё перечисленное в современных российских реалиях находится в большом дефиците. Но, как говорится, надежда умирает последней, поэтому остаётся верить и ждать, что всё-таки наступят времена, когда добро окажется сильнее зла, и преступность, совершаемая в сфере компьютерной

¹ Лариса Ивановна Романова, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Романова Л. И. Личность интернет-преступника // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 159–169.

информации, сократится до такого незначительного размера, что она перестанет представлять опасность для людей, пользующихся интернетом.

Ключевые слова: личность преступника, интернет, «теневой интернет», интернет-преступник, предупреждение, система мер противодействия и профилактики.

Larisa I. Romanova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: romanova.li@dvfu.ru

THE PERSONALITY OF A CYBER-CRIMINAL

Abstract. The personality of a modern criminal has many distinctive features and properties. This category of individuals who commit their crimes through the endless possibilities of the modern Internet, using the sphere of computer information, stands out. The main historical stages of the emergence and formation of the personality of the criminal are shown, the characteristic features of the social portrait of the Internet criminal are described, and their criminological characteristics are presented. The author emphasizes that there is no simple solution to the problem of combating Internet criminals. Considering that human and technical capabilities have no borders, any prohibitive barriers will eventually be overcome, new offers will appear on the Internet, special programs allowing those who wish to anonymously, safely, and without any negative consequences for themselves to access any interesting forbidden information. It seems that in this situation it is important to strike a balance between the establishment of legal prohibitions and the maintenance of a well-built system of countermeasures and prevention measures. Of course, this requires high-level professionals, an integrated and systematic approach, effective educational, informational and explanatory programs developed for different age and social categories of citizens. And for this, in turn, the will and desire of power, time, financial resources and human potential are required. Unfortunately, all of them in the contemporary Russia are in short supply. But, as they say, hope dies last, so we can only believe and hope that the time will come when the good is stronger than evil, and the crime committed in the field of computer information is reduced to such an insignificant number that it will cease to be a danger to people who use the internet.

¹ Larisa I. Romanova, Doctor of Law, Professor the Department of Criminal Law and Criminology of the Far East Federal University, Honored Scholar of Higher Education of Russian Federation, Vladivostok, Russia.

For citing: Romanova L. I. The personality of a cyber-criminal // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 159–169.

Keywords: personality of the offender, Internet, darknet, Internet criminal, crime prevention, system of counteraction and prevention measures.

Большая часть преступлений имеет длительную историю своего возникновения, совершенствования и преобразования в современные юридические конструкции. На протяжении всей истории учёные и практики проводили многочисленные исследования по выявлению причин и условий, изучению характеристики различных категорий личности преступников, оценке эффективности уголовной ответственности и наказания, разработке мер предупреждения и борьбы. Безусловно, что описание характеристики социальных портретов преступников менялось, дополнялось новыми чертами и признаками, исходя из исторических временных периодов, особенностей реализации политических, социально-экономических, нравственно-психологических, идеологических и других преобразований в обществе.

С появлением интернета в мире многое кардинальным образом изменилось. Интернет предоставил огромные возможности для всего человечества в получении и передаче информации, установлении новых форм общения и коммуникации, сократил расстояние и время для решения любых самых сложных вопросов, в том числе имеющих международное значение. О положительных сторонах и неограниченных возможностях современного интернета можно ещё многое сказать, но, к сожалению, он имеет и некоторые негативные характеристики, так сказать, тёмные и даже криминальные свойства, крайне отрицательно влияющие на людей.

Познать в полном объёме и понять все оттенки отрицательно действующего «тёмного интернета» чрезвычайно сложно, если не сказать больше – невозможно, так как они имеют свойство трансформироваться в качественно новые формы, многократно видоизменяться, преобразовываться в иные схемы доставки запрещённой законом информации или другим способом отрицательно воздействовать на личность человека. Интернет стал одним из главных инструментов для затягивания в виртуальный мир, формирования стойкой психологической зависимости, навязывания пагубных привычек, манипуляции общественным мнением и сознанием, особенно молодых людей.

Появились и различные категории личности преступников, специализирующихся на совершении общественно опасных деяний посредством безграничных возможностей интернета, с использованием современных технологий и компьютерной информации. Стали формироваться определённые группы лиц, которые успешно овладевали современными компьютерными технологиями, специальными техническими приёмами, чтобы реализовать свои преступные планы с использованием интернета.

Интернет изначально создавался как свободное пространство, в котором не должно быть никакой цензуры, контролирующих, надзирающих или запрещающих

функций. Любая информация, включая и негативную, могла быть очень быстро и анонимно размещена кем угодно и доступна всем желающим. Поэтому вскоре интернет стал использоваться преступниками для распространения наркотиков, детской порнографии, призывов к экстремизму, национализму, религиозному фанатизму, совершению террористических актов, для торговли оружием, живым товаром, вовлечения в тоталитарные организации, деструктивные секты. Появились многочисленные сайты, на которых мошенники всех мастей продавали фальсифицированные товары, поддельные документы, «липовые» дипломы о высшем образовании, различные справки и бланки строгой отчётности, предоставляли разного вида фальшивые услуги социального, медицинского, психологического и другого характера.

Масштаб «теневого интернета» значителен, поле деятельности его огромно. Возможности этого глубоко завуалированного пространства в наше время продолжают расширяться, приспосабливаться к изменяющимся мировым реалиям, приобретать новых игроков, желающих вести свой запрещённый криминальный бизнес в условиях скрытности, бесконтрольности, а значит и безнаказанности. Примером относительно новых негативных технологий являются тёмные компьютерные сети участников Darknet, которые создавались как скрытый сектор, изолированный, невидимый для обычных пользователей, доступный лишь для «своих». Кроме того в сетях Darknet используются сложные системы шифрования, что серьёзно затрудняет доступ правоохранительных органов к передаваемой информации даже при наличии полномочий [1, с. 52–60].

Личность интернет-преступника имеет ряд отличительных черт, свойств и признаков по сравнению с обычными преступниками, характеризуется быстрыми изменениями, высокой степенью информационного совершенствования, значительным уровнем таинственности, секретности и анонимности, умением выстроить сильную систему собственной безопасности и недосягаемости для правоохранительных органов. Нередко данная категория интернет-преступников демонстративно показывает свои профессиональные возможности, умения мастерски владеть современными информационными технологиями, таким образом данные лица самоутверждаются, выставляют на показ своё превосходство перед обычными пользователями, длительное время наслаждаются своей неуязвимостью и недосягаемостью для правоохранительных органов, уверены в полной безответственности и безнаказанности.

Круг преступлений, совершаемых с использованием современных компьютерных технологий, очень широк, и в настоящих условиях он продолжает стремительно увеличиваться. Если на первом этапе освоения интернета лица совершали, так сказать, более «безобидные» негативные деяния, например, в виде массовой рассылки спама, навязывания рекламы товаров и услуг, в том числе запрещённых законом, то в современном мире интернет-преступники в сфере

компьютерной информации могут посягать на национальную безопасность, жизнь и здоровье, влиять на изменения настроений политической направленности, вмешиваться в личную жизнь, нарушать авторские права, торговать оружием, живым товаром, вовлекать в педофилию, склонять к суициду, распространять наркотики, создавать экстремистские и террористические организации, совершать многочисленные вымогательства, мошенничества, кражи личных данных, шпионаж, шантаж, сексуальные домогательства, угрозы, запугивание и другие общественно опасные деяния.

Личность интернет-преступника, совершающая данные и другие преступления, характеризуется своими особенными чертами, признаками и свойствами, нуждается в систематическом и углубленном изучении и криминологическом исследовании изменяющегося социального портрета. К сожалению, в силу высокого уровня латентности, отставания уголовного законодательства и несовершенства статистического учёта многие аспекты характеристики личности интернет-преступников остаются вне поля зрения учёных и практиков, что в конечном итоге делает систему мер противодействия и профилактики малоэффективной, иногда финансово затратной, но бесполезной.

Криминологическая характеристика структуры личности интернет-преступника состоит из сведений о поле, возрасте, образовании, семейном, социальном и должностном положении, данных о прежних судимостях, мотивах совершенных преступлений и других признаках. Многочисленные исследования в целом подтверждают совпадение общих тенденций характеристики структуры личности преступников и личности интернет-преступников. В их числе также преобладают лица мужского пола, хотя в последние годы отмечается некоторое увеличение лиц женского пола, во многом это обусловлено профессиональной ориентацией некоторых специальностей и должностей, оборудованных автоматизированными компьютерными рабочими местами, которые чаще занимают женщины. Совершают преступления данной категории, как правило, молодые люди с хорошим образованием и владением современными компьютерными технологиями.

Так, специалисты по данным проведённых исследований отмечают, что большинство интернет-преступлений совершают мужчины (65%), на долю женщин приходится 35%, основной возраст 18–25 лет (50%) и 26–35 лет (40%), что позволяет сделать вывод о сформировавшемся характере личности интернет-преступника. Интернет-преступники в 40% случаев имеют оконченное средне-специальное образование, 27% – студенты высших учебных заведений и 8% – студенты училищ, 25% имеют оконченное высшее образование. При этом 62% интернет-преступников обладают посредственными, среднестатистическими навыками работы в информационно-телекоммуникационных сетях, 36% обладают навыками «продвинутого» пользователя, вероятно, приобретёнными самостоятельно, в отличие от компью-

терных преступников, являющихся специалистами в рассматриваемой сфере, что необходимо им для совершения преступлений [2].

Другие исследования подтверждают, что возрастной диапазон компьютерных правонарушителей колеблется в пределах от 14 до 45 лет. 54% преступников – это лица в возрасте от 18 до 25 лет; 13% – от 26 до 40 лет. Таким образом, свыше 75% выявленных преступников составляет молодежь. Преступления в сфере компьютерной информации мужчинами совершаются в 5 раз чаще, нежели лицами женского пола. Большинство субъектов таких преступлений имеют высшее или неоконченное высшее техническое образование (54%), а также другое высшее либо неоконченное высшее образование (19%); 52% правонарушителей имели специальную подготовку в области автоматизированной компьютерной обработки информации; 97% являлись сотрудниками государственных учреждений и организаций, которые использовали компьютерные системы и информационные технологии в своей повседневной деятельности, причем 30% из них имели непосредственное отношение к эксплуатации средств компьютерной техники [3].

Таким образом, в социальном портрете личности интернет-преступника хорошо прослеживается группа признаков, характеризующих уровень познания и умения владеть современными компьютерными технологиями. В то же время в их числе встречается немало дилетантов, которые нередко самостоятельно осваивают интернет-пространство для реализации своих преступных намерений. Они амбициозны, одержимы навязчивыми идеями, часто желают самоутвердиться, продемонстрировать своё превосходство, нередко на подобные незаконные действия их толкают элементарная скука, желание развлечься, протестные настроения или «чёрная» зависть. В свою очередь, длительное нахождение в виртуальном мире, бесконтрольное пользование интернетом приводит к тревожным состояниям, деформации психики, формирует у данной категории лиц стойкую интернет-зависимость.

В виртуальном мире, как и в реальном, уже сложилась чёткая классификация. Есть хакеры – программисты энтузиасты, а есть кракеры. Кракерами стали называть хакеров, совершающих хищения. К ним также относятся и компьютерные хулиганы, и вандалы, которые просто крушат сайты [4].

Наиболее опасную группу составляют всё же профессиональные компьютерные преступники. Так, на долю этих лиц приходится порядка 80% всех преступлений, которые связаны с хищением материальных ценностей в особо крупных размерах с использованием компьютера. Лица этой группы характеризуются тем, что это высококвалифицированные специалисты с высшим юридическим, техническим или экономическим образованием. Они прекрасно разбираются в электронно-вычислительной технике, мастерски владеют программированием, их действия сопровождаются продуманной маскировкой поступков и сокрытием «следов» преступления. Знания этих людей в области компьютерных технологий обширны и глубоки: они владеют несколь-

кими языками программирования, в совершенстве знают особенности аппаратной части современных компьютерных систем, имеют навыки профессиональной работы с несколькими компьютерными платформами, основными операционными системами и большинством пакетов прикладного программного обеспечения специализированного назначения, прекрасно информированы об основных системах электронных транзакций, системах сотовой связи, методах криптографии [3].

В характеристике структуры личности интернет-преступника большое значение играет определение мотивов, побудивших совершение общественно опасных деяний. Достаточно часто путь в интернет-криминальное пространство начинается с простого любопытства, желания проникнуть в сложный виртуальный мир, приобрести навык и опыт, который потом понадобится для реализации амбиционных проектов, обеспечивающих получение большой прибыли. Поэтому нередко мотивы озорства, хулиганства сопровождаются и переплетаются с низменными побуждениями мести, злобности, жадности, мелочности, алчности. Корыстная мотивация присуща подавляющему большинству интернет-преступников.

По данным проведенных исследований, корыстные цели преследовали 55,7% преступников. Они в 18,6% случаев успешно занимались распространением вредоносных программ, посредством которых у других пользователей изымали материальные средства. Совершали преступления в целях безвозмездного получения программного обеспечения (7,1%) либо последующей продажи похищенного программного обеспечения или иной информации (5,7%). В 8,6% случаев преступники преследовали цель получения бесплатного доступа к сети «Интернет», а в 7,1% – к иным техническим каналам связи (например, бесплатного пользования средствами мобильной связи). В 5,7% случаев целью совершения компьютерного преступления выступало манипулирование денежными средствами в электронных системах безналичных расчётов [6; 7; 8].

Близко к данной категории корыстных интернет-преступников примыкают мошенники, которые выстраивают многочисленные и очень запутанные схемы отъёма у граждан денежных средств, материальных ценностей, недвижимости и иных доходов. Не гнушаются они для достижения своих корыстных целей использовать прямой шантаж, угрозы применения насилия, разглашения коммерческой тайны или позорящих человека сведений, прибегают к шпионажу, размещают на сайтах конкурентов вредоносную информацию и т.д.

Среди интернет-преступников можно также выделить особую категорию лиц насильственно-сексуальной направленности. Они распространяют порнографическую информацию, насаждают педофилию, рекламируют различного рода сексуальные извращения, вовлекают несовершеннолетних и малолетних детей в развратные действия, употребление алкоголя и наркотиков, в совершение общественно опасных деяний, поощряют и даже формируют суицидальные наклонности.

Представляется, что в особенно глубоком изучении нуждается характеристика личности интернет-преступников, которые посредством современных компьютерных технологий занимаются тем, что втягивают людей в совершение террористических актов, переправляют их в «горячие» точки военных действий, вовлекают в тоталитарные организации, деструктивные секты. Условно эту категорию интернет-преступников можно назвать «вербовщики». Их социальный портрет сложен и многогранен. Как правило, они обладают специальной психологической подготовкой, навыками манипулирования сознанием людей, используют приемы нейролингвистического программирования (НЛП), с помощью которого можно вмешаться в формирование человеческого мышления, изменять сознание и поведение.

В качестве примера можно назвать хорошо организованные сети так называемых «групп смерти», которые действовали под широко известным названием «Синий кит» во многих регионах страны и привели сотни подростков к суициду. Привлечение к уголовной ответственности организаторов, закрытие и блокировка одних сайтов не спасало положение, так как появлялись новые группы, толкающие подростков совершить самоубийство, под иными названиями: «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Море китов», «Млечный путь», «NaN», «F57», «Красная сова» и др. Специалисты отмечали, что волна популярности игры «Синий кит» пришлась на январь 2016 г. Затем в декабре 2017 г. в соцсетях был отмечен резкий спад интереса к суицидальной тематике. В сентябре 2018 г. фиксировали в общей сложности не менее 500 тыс. участников «групп смерти» «ВКонтакте», но позже их количество сократилось в 10 раз – до 50 тыс. Создавались новые сообщества с аналогичной тематикой, но в каждом из них было не более 200 человек. В настоящее время ежедневно в соцсети «ВКонтакте» появляется до 3 тыс. суицидальных постов, 90% из которых опубликованы роботами. Чтобы тема детских смертей оставалась в информационном пространстве, требуются большие деньги. На такую сетевую работу заказчики тратят до миллиона рублей. Неизвестные лица вербуют не только потенциальных жертв, но и новых администраторов. Им предлагают заключить договор за каждого погибшего ребенка – гонорар от 19 тыс. рублей [7; 8].

Описать во всех подробностях единый социальный портрет интернет-преступника достаточно сложно, так как они делятся на различные категории, группы и подгруппы. Их могут объединять социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, социальное положение и т.д.) и некоторые психологические черты характера в виде скрытности, нелюдимости, получения удовольствия от нахождения в виртуальном мире, замкнутости, отсутствия друзей и реального общения с людьми, большое проведение времени за компьютером, возникновение интернет-зависимости.

Обязательными и отличительными признаками характеристики личности интернет-преступников являются: высокий уровень образовательной подготовки,

умения и навыки профессиональной работы на компьютере, их повышенный интерес к освоению новых информационных технологий, программного обеспечения, изучению специальной литературы и компьютерных новинок, позволяющих совершенствоваться и оттачивать свое мастерство.

В плане дальнейшего изучения различных характеристик структуры личности интернет-преступника предстоит ещё очень многое сделать, так как сама преступность в сфере компьютерной информации относительно молода и не достаточно исследована, статистика в полном объёме не отражает необходимые параметры и характеристики личности преступников данной категории. Особенность интернет-преступности состоит в том, что она имеет один из самых высоких уровней латентности, отличается сверхбыстрыми возможностями к видоизменению, перерождению в новые более опасные формы, привлечению в короткое время большого числа лиц к участию в запрещённых законом общественно опасных акциях, уничтожению следов совершённых преступлений. Естественно, что в безграничном интернет-пространстве легко растворить и глубоко спрятать любую негативную и откровенно криминальную информацию.

На наш взгляд, простого решения проблемы борьбы с интернет-преступниками не существует. Учитывая, что человеческие и технические возможности не имеют границ, то любые запретительные преграды, в конечном итоге, будут преодолены, в интернете появятся новые предложения, специальные программы, позволяющие желающим анонимно, безопасно, без каких-либо негативных последствий для себя получить доступ к любой интересующей запретной информации.

Представляется, что данной ситуации важно соблюсти баланс между установлением правовых запретов и ведением хорошо выстроенной системы мер противодействия и профилактики. Конечно, для этого нужны высокого уровня профессионалы, комплексный и системный подход, эффективные образовательные, информационные, разъяснительные программы, разработанные для разных возрастных и социальных категорий граждан. А для этого, в свою очередь, требуются воля и желание власти, время, финансовые ресурсы и человеческий потенциал. К сожалению, всё перечисленное в современных российских реалиях находится в большом дефиците. Но, как говорится, надежда умирает последней, поэтому остается верить и ждать, что всё-таки наступят времена, когда добро окажется сильнее зла, и преступность, совершаемая в сфере компьютерной информации, сократится до такого незначительного размера, что она перестанет представлять опасность для людей, пользующихся интернетом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романова, Л. И. Преступный мир Darknet / Л. И. Романова, Р. И. Дремлюга // Юридическая наука и практика. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 52–60.
2. Введенская, О. Ю. Характеристика личности интернет-преступника // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 116–118.
3. Мерзлов, Ю. А. Криминологический портрет лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 116–118.
4. Личность компьютерного преступника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/16_69444_lichnost-kompyuternogo-prestupnika.html.
5. Личность преступников, совершающих преступные деяния в сфере компьютерной информации, создания, использования и распространения вредных программ ЭВМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shpargalki.ru/news/4716.html>.
6. Создателя «групп смерти» в соцсетях «ВКонтакте» признали вменяемым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/1755320/>.
7. «Группы смерти» доводят детей до самоубийства за деньги. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/1779600/>.
8. Григорян, А. «Синий кит» вернулся в новом обличье. [Электронный ресурс] / А. Григорян, В. Зыков. – Режим доступа: <https://iz.ru/697537/anzhelina-grigorian-vladimir-zykov/sinii-kit-vernulsia-v-novom-obliche>.

REFERENCES

1. Romanova L.I., Dremlyuga R.I. Prestupnyi mir Darknet [Underworld Darknet]. *Yuridicheskaya nauka i praktika*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 52–60.
2. Vvedenskaya O.Yu. Kharakteristika lichnosti internet-prestupnika [Characteristics of the identity of the Internet criminal]. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4 (30), pp. 116–118.
3. Merzlov Y.A. Kriminologicheskii portret lits, sovershayushchikh prestupleniya v sfere komp'yuternoï informatsii [Criminological portrait of persons committing crimes in the field of computer information]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2015, vol. 4 (7), pp. 56–61.
4. *The identity of a computer criminal*. Available at: https://studopedia.ru/16_69444_lichnost-kompyuternogo-prestupnika.html (accessed 18 May 2018). (In Russian).
5. *The identity of criminals who commit criminal acts in the field of computer information, the creation, use and distribution of harmful computer programs*. Available at: <http://shpargalki.ru/news/4716.html> (accessed 18 May 2018). (In Russian).

6. *The creator of the «groups of death» in social networks «VKontakte» recognized sane.* Available at: <https://www.ntv.ru/novosti/1755320/> (accessed 18 July 2018). (In Russian).

7. *«Death groups» bring children to suicide for money.* Available at: <https://www.ntv.ru/novosti/1779600/> (accessed 18 July 2018). (In Russian).

8. Grigoryan A., Zykov V. *«Sinii kit» vernulsya v novom oblich'e* [«Blue Whale» is back in a new guise]. Available at: <https://iz.ru/697537/anzhelina-grigorian-vladimir-zykov/sinii-kit-vernulsia-v-novom-obliche> (accessed 18 July 2018).

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

FOREIGN EXPERIENCE

УДК 343.6:343.915(430+470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/170-179

О. А. Зигмунт¹

Университет Фехта, г. Фехта, Германия

E-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: РАЗЛИЧИЯ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Аннотация. Изучению жестокости и агрессии несовершеннолетних уделяли внимание многие учёные, которые полагают, что основной потребностью лиц, виновных в совершении насильственных преступлений, выступает защита от агрессии среды, в которой находится ребёнок. По мнению других учёных, в случаях преступного поведения несовершеннолетних на первый план выступают потребности в общении, в социальном признании, в безопасности, в сохранении и повышении своего престижа или статуса, в лидерстве. Существует много факторов, имеющих большой потенциал для объяснения насилия среди молодежи. К ним относятся социально-демографические факторы, такие как пол или тип школы, социально-экономическая ситуация семьи, как, например, безработица, социализация в семье, личное отношение к насилию, самоконтроль или так называемые нормы мужественности. Эти факторы не объясняют различий в насилии между подростками разного происхождения: в данном исследовании – несовершеннолетних в России и Германии. В России выборка составляла 1 747, а в Германии 7 238 школьников 9-х классов. Опрашивались учащиеся 9 классов, а приведённый ниже анализ основан на данных этого исследования за 1999 г. В Германии исследование проводилось в Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене, в России – в Волгограде. Методология опроса, структура выборки, временные исследовательские периоды и подготовка данных

¹ Ольга Александровна Зигмунт, PhD, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта, г. Фехта, Германия.

Для цитирования: Зигмунт О. А. Насильственная преступность несовершеннолетних в Германии и России: различия и факторы влияния // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 170–179.

были идентичными в обеих странах. Выводы в статье предлагают иной взгляд на проблему, построенный на основе сравнительного анализа её состояния в двух названных государствах.

Ключевые слова: насилие, несовершеннолетние, преступность, Россия, Германия, криминология, уголовное право, причины преступности, личность несовершеннолетнего преступника.

Olga Siegmunt¹

University of Vechta, Vechta, Germany

E-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

JUVENILES' VIOLENT CRIME IN GERMANY AND RUSSIA: DIFFERENCES AND FACTORS OF INFLUENCE

Abstract. Many scientists have paid their attention to the study of juveniles' cruelty and aggression. Some of them believe that the main need of perpetrators of violent crimes is protection against the danger of environment where the child lives. According to other scholars, the need for communication, social recognition, security, preservation and enhancement of one's prestige or status, or leadership are the most important in cases of juvenile delinquency. There are many factors that have great potential to explain violence among young people. There are socio-demographic factors, such as gender or type of school; the socio-economic situation of the family, such as unemployment; family socialization; attitude to violence; self-control or the so-called norms of masculinity. These factors fail to explain the differences in violence between adolescents from different backgrounds: this study involves juveniles in Russia and Germany. The sample includes 1 747 9th-grade students in Russia, and 7 238 in Germany. The students were surveyed, and the analysis below is based on the data from this study for 1999. The research was conducted in four German cities – Hamburg, Hannover, Leipzig and Munich, in Russia – in Volgograd. The survey methodology, sampling structure, reference periods and data preparation were identical in both countries. The conclusions of this study suggest a different view of the problem, based on the comparative analysis in the two countries – Russia and Germany.

¹ Olga A. Siegmunt, PhD, Associate Professor at the Faculty of Educational and Social Sciences University of Vechta, Vechta, Lower Saxony, Germany.

For citing: Siegmunt O. A. Juveniles' violent crime in Germany and Russia: differences and factors of influence // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 170–179.

Keywords: violence, juveniles, crime, Russia, Germany, criminology, criminal law, causes of crime, personality of the juvenile offender.

В ряде немецких исследований уже изучались молодёжное насилие и факторы, способствующие ему или предотвращающие его [2; 7; 8; 9; 16; 17; 18]. Одним из таких исследований является опрос школьников, проведенный Криминологическим исследовательским институтом Земли Нижняя Саксония в 1999–2000 гг. Опросы проводились в нескольких городах Германии и за рубежом (в том числе и в России). Опрашивались учащиеся 9 классов, а приведённый ниже анализ основан на данных этого исследования за 1999 г. В Германии исследование проводилось в Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене, в России – в Волгограде. Методология опроса, структура выборки, временные исследовательские периоды и подготовка данных были идентичными в обеих странах.

Выборка. Общая выборка составляла 8 985 человек и состояла из двух групп, образованных на основе национального происхождения семьи: коренные немцы (7 238 опрошенных) и подростки, проживающие в Волгограде (1 747 опрошенных). Волгоградская выборка содержала данные о школьниках в возрасте от 13 до 16 лет; в Германии с 13 до 18 лет. 54,7% всех респондентов в российской выборке были женского пола. В выборке коренных немцев это было 49,7%.

Образование. Школьные системы в Германии и России не сопоставимы напрямую. Поэтому лучше сравнить количество респондентов, посещающих среднеобразовательную школу и посещающих лицей или гимназию [8, с. 21ff.], которые сведены в одну группу и для простоты называются гимназия [7, с. 78–79; 8, с. 22]. К другим формам школы в Германии относятся все остальные, кроме гимназии, формы, в России – это средние общеобразовательные школы. В Германии доля учащихся, посещающих гимназию, равна 39,4%, это выше, чем в России, где количество гимназистов и лицейстов составляет 33,2%.

Профессиональный статус родителей. Профессиональный статус родителей должен отражать как уровень их образования, так и их доход. Профессиональный статус родителей определяется по специальной классификации, разработанной Ганцебум и коллегами [3], и включает такие компоненты, как наличие аттестата об окончании школы, наличие профессионального образования и вид трудовой деятельности в настоящий момент для обоих родителей [7, с. 134–135; 13]. Сравнение российских и немецких данных не показало существенных различий в профессиональном статусе семей.

Социально-экономическая ситуация семей. Школьникам задавали следующие вопросы: получают ли их родители социальную помощь? получают ли они сами социальную помощь? являются ли их мать или отец безработными в настоящее время? Из этих трёх переменных был сформирован показатель социально-

экономической депривации семей: зависимость семьи от социальной поддержки. В выборке российской молодежи почти треть (29,6%) всех респондентов живут в социально неблагополучных семьях, т.е. либо они сами, либо их родители являются безработными или получают социальную помощь, тогда как в Германии эта группа включает только одну десятую (10,3%) всех респондентов.

Насилие в детстве со стороны родителей. Опыт насилия в детстве является важным фактором в объяснении насильственной преступности в подростковом возрасте [8; 14; 15]. Русская и немецкая версии анкеты содержали вопросы о насильственных действиях родителей: Моя мама / мой папа ... (1) шлёпнули меня; (2) схватили или сильно толкнули меня; (3) бросили в меня предметом; (4) ударили меня предметом; (5) избили меня; (6) били меня кулаком или пинали. Вопросы задавались отдельно для матери (или опекуна женского пола) и отца (или опекуна мужского пола). Варианты ответов по шкале варьировались от 1 (никогда) до 2 (редко) и от 3 (иногда) до 4 (часто). После преобразования ответов были сформированы три категории: «не подвергались физическому наказанию», «подвергались физическому наказанию» и «подвергались жестокому обращению» [8]. В России в целом меньше жертв насилия со стороны родителей, но зато уровень жестокого обращения там значительно выше (в России: 55,4% «не подвергались физическому наказанию», 39,8% «подвергались физическому наказанию» и 4,8% «подвергались жестокому обращению»; в Германии: 52,4% «не подвергались физическому наказанию», 43,8% «подвергались физическому наказанию» и 3,8% «подвергались жестокому обращению»). В обеих странах чуть больше девочек, чем мальчиков, подвергаются физическому наказанию родителей. С другой стороны, мальчики чаще подвергаются жестокому обращению со стороны родителей (в России: 55,2% девочек и 55,7% мальчиков «не подвергались физическому наказанию», 41,2% девочек и 37,9% мальчиков «подвергались физическому наказанию» и 3,6% девочек и 6,5% мальчиков «подвергались жестокому обращению»; в Германии: 51,9% девочек и 52,8% мальчиков «не подвергались физическому наказанию», 44,8% девочек и 42,9% мальчиков «подвергались физическому наказанию» и 3,3% девочек и 4,3% мальчиков «подвергались жестокому обращению»).

Установки по отношению к насилию. Школьникам были представлены девять вопросов на тему насилия, например, «Немного насилия просто необходимо, чтобы получать удовольствие» или «Путём насилия молодежь по-настоящему выясняет отношения, взрослые же только занимаются болтовней» [8]. Шкала варьировалась от 1 (не согласен) до 4 (полностью согласен). Для анализа значения шкалы были преобразованы в значения от 0 до 100. Все задаваемые вопросы делятся на две группы, которые представляют собой инструментальное и неинструментальное насилие. Инструментальное насилие проявляется, например, в использовании физической силы в целях присвоения ценных вещей или в качестве атрибута власти.

В данном случае у насилия есть цель, которая выходит за рамки простого применения силы, т.е. сила используется как инструмент для достижения отдалённых целей. Примером этому является высказывание «Это нормально, когда мужчины в физической борьбе друг с другом хотят доказать, на что они способны» или «Когда я должен показать, на что я способен, я тоже применю силу». Неинструментальное насилие является простым применением силы без отдалённой цели. Целью насилия часто является удовлетворение самого акта насилия, например, «Без насилия всё было бы гораздо скучнее». Установки по отношению к насилию в целом выше у российских школьников (среднее значение 34,84), чем у немцев (среднее значение 28,63). При этом раздельное рассмотрение инструментальных и неинструментальных установок вполне оправдано. Так инструментальные установки к насилию в России выше (среднее значение 46,34), чем в Германии (среднее значение 33,59). А неинструментальные установки к насилию выше в Германии (среднее значение 18,77), чем в России (среднее значение 11,99). Существующие различия по половому признаку идентичны в обеих странах: по всем категориям установки, принимающие физическое насилие, выше у юношей, чем у девушек.

Нормы мужественности, легитимирующие насилие. Для объяснения культурных различий в насилии была разработана концепция норм мужественности, легитимирующих насилие, в основе которой находится концепция культуры чести, разработанная Нисбеттом и Коэном [6]. Согласно Нисбетту и Коэну, в обществах, где существует культура чести, существует желание использовать физическую силу для наказания за нанесение ущерба личной репутации или чести. Такие культуры, в которых насилие стало позитивно оцениваемым фактором силы в социальных взаимодействиях, развивались, в частности, «там, где государственная правовая система была слабо развита и жители были самостоятельны в своей защите» [14, с. 174]. Российское общество пострадало в 1990-х годах от сильных трансформационных процессов и ослабления государственных и гражданских институтов. В результате доверие к государственным институтам было ослаблено. Для своей защиты молодые люди полагались меньше на полицию, а больше на себя. В качестве индикатора слабого уровня доверия правоохранительным органам выступает, например, уровень подачи заявлений в полицию о совершённом преступлении, который был в это время достаточно низким у российских подростков [8, 9, 16]. Следовательно, следует ожидать, что уровень норм мужественности выше у российских молодых людей, чем у коренных немцев. Анкета содержала шкалу из семи высказываний, предназначенных для установления уровня нормы мужественности, легитимирующей насилие, у респондентов, например: «Если мужчина не готов применить насилие, чтобы защититься от оскорбления, то он – слабак или «Если жена изменяет мужу, то ему можно её бить». Варианты ответов по шкале в немецкой анкете варьировались от 1 (категорически не согласен) до 4 (полностью согла-

сен); в русской анкете – от 1 (не согласен) до 5 (полностью согласен). Для дальнейшего анализа значения обеих версий были преобразованы в значения от 0 до 100. Нормы мужественности, легитимирующие насилие, гораздо более выражены среди подростков в России (среднее значение 44,76), чем среди немецких подростков (среднее значение 26,49). Результаты анализа подтверждают выводы других авторов [1, 2] о том, что в группах с более выраженной культурой чести не только мужчины, но и женщины придерживаются мнения, что мужчины должны защищать себя и свою честь при помощи силы. Так, нормы мужественности были у российских девушек (среднее значение 39,20) и юношей (среднее значение 51,46) выше, чем у немецких (средние значения соответственно: 18,77 и 34,12).

Самоконтроль. Самоконтроль является личностной характеристикой, которая имеет решающее значение для совершения правонарушений [7]. В теории Готфредсона и Хирши [4] концепция низкого самоконтроля сформулирована как основная причина преступного и отклоняющегося поведения. Люди с низким уровнем самоконтроля импульсивны, безразличны, спонтанны, предпочитают физическую, а не умственную деятельность, риск и более заинтересованы в простых, а не сложных задачах [4, с. 90; 5]. На основе шкалы самоконтроля, разработанной Грасмиком и коллегами [5], первоначально были сформулированы 24 вопроса. Шкала «самоконтроль» включала шесть различных факторов: импульсивность, предпочтение простых задач, риск, предпочтение физической активности, эгоцентричность, темперамент. Наше исследование содержало в общей сложности 19 вопросов, например: «Я действую спонтанно, недолго думая» или «Волнующие приключения для меня важнее безопасности» [8]. Шкала в российской анкете варьировалась от 1 (никогда) до 5 (почти всегда); в немецкой – от 1 (не согласен) до 6 (полностью согласен). Поэтому для дальнейшего анализа значения обеих версий были преобразованы в значения от 0 до 100. Среднее значение по общей шкале составляет 54,69 для немцев и 55,36 для российских подростков. Различия по общей выборке незначительны и ими можно пренебречь. Зато гендерные различия достаточно значимы. Самоконтроль среди русских юношей и девушек одинаков, а у немецких девушек он намного выше, чем у юношей.

Самоотчёты о преступности: инструментальное и не инструментальное насилие. Несовершеннолетним был предложен список различных правонарушений, в которых задавался вопрос о том, совершали ли они когда-либо соответствующие преступления в течение жизни (*life prevalence*; распространённость в течение жизни), и, если да, то сколько раз за последние двенадцать месяцев (*last year incidence*; частота в течение последнего года). На основании частоты случаев за последний год были установлены данные о распространённости за последние 12 месяцев. Задавались вопросы по четырём насильственным преступлениям: нанесение телесных повреждений без оружия, угроза оружием, грабёж и вымогательство, которые впоследствии были объединены в переменную «насильственные преступления». Кроме того, эти преступления делятся

на две группы: инструментальные и не инструментальные. Так называемые инструментальные акты насилия, такие как грабёж и вымогательство, связаны с присвоением ценных вещей под угрозой или с применением силы. С другой стороны – так называемые не инструментальные насильственные преступления. К ним относится нанесение телесных повреждений, которое, обычно, мотивируется желанием кого-то побить либо демонстрацией превосходства. Больше русских, чем немецких подростков совершали грабёж или вымогательство. При этом больше немецких подростков, чем россиян, нанесли телесные повреждения без оружия.

Основные результаты: многофакторный анализ. Для многофакторного анализа были выбраны переменные, о которых известно из предыдущих исследований, что они имеют высокий потенциал для объяснения преступности несовершеннолетних [7; 8; 9; 13; 16; 17]. В данном исследовании это образование, профессиональный статус родителей, социально-экономическая ситуация семьи, насилие в детстве со стороны родителей, установки по отношению к насилию, нормы мужественности, легитимирующие насилие, самоконтроль и, конечно же, место проживания (Россия или Германия). Основным выводом этого исследования является то, что различия трёх из четырёх исследуемых видов насильственной преступности по месту проживания сохраняются и после контроля других переменных. А это нанесение телесных повреждений без оружия, грабёж и вымогательство. Уровень угроза оружием не различался у российских и немецких школьников и до анализа многофакторных моделей. Такой результат был получен несмотря на то, что для анализа были выбраны только такие факторы, которые были известны из предыдущих исследований как факторы с высоким объясняющим потенциалом. После проведённого анализа очевидно, что помимо используемых здесь традиционных факторов преступности несовершеннолетних существуют и иные, связанные с культурой той среды и того общества, в которых проживают подростки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Enzmann, D. Männlichkeitsnormen und die Kultur der Ehre. Empirische Prüfung eines empirischen Modells zur Erklärung erhöhter Delinquenzraten jugendlicher Migranten / D. Enzmann, K. Brettfeld, P. Wetzels // Soziologie der Kriminalität / hrsg.: O. Dietrich, S. Karstedt. – Köln, 2004. – S. 264–287. – (Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie ; Sonderhefte 43).

2. Was scheren mich die anderen? Markt-moral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland / D. Enzmann, I. Kammigan, O. Siegmunt, P. Wetzels. – Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2016. – 237 s.

3. A standard international socio-economic index of occupational status / H. B. G. Ganzeboom, P. M. de Graaf, D. J. Treiman, J. de Leeuw // Social Science Research. – 1992. – Vol. 21. – P. 1–56.

4. Gottfredson, M. R. *A General Theory of Crime* / M. R. Gottfredson, T. Hirschi. – Stanford : Stanford University Press, 1990. – 316 p.
5. Testing the core empirical implications of Gottfridson and Hirschi's general theory of crime / H. G. Grasmick [et al.] // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 1993. – Vol. 30 (1). – P. 5–29.
6. Nisbett, R. E. *Culture of honor: The psychology of violence in the South* / R. E. Nisbett, D. Cohen. – Boulder, CO : Westview Press, 1996. – 137 p.
7. Siegmunt, O. *Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten* / O. Siegmunt. – Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2012. – XIV, 307 s.
8. Siegmunt, O. *Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur jugendkriminalität im hell- und dunkelfeld* / O. Siegmunt. – Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013. – 165 s.
9. Siegmunt, O. *Mit Vorsicht zu genießen! Zur aussagekraft von kriminalstatistiken und zum anzeigeverhalten jugendlicher in Deutschland und Russland* // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. – 2013. – Vol. 96 (6). – S. 461–476.
10. Siegmunt, O. *Mediating role of social disorganization: a case study of Russian neighborhoods* // *Journal of Criminal Investigation and Criminology*. – 2015. – Vol. 66, iss. 4. – P. 342–352.
11. Siegmunt, O. *Neighborhood disorganization and social control: case studies from three Russian cities* / O. Siegmunt. – Springer. *SpringerBriefs in Criminology*, 2016. – 82 p.
12. Siegmunt, O. *Institutional anomie theory – empirical testing* / O. Siegmunt, P. Wetzels // *Sotsiologicheskije issledovaniya*. – 2015. – Vol. 42, iss. 4. – P. 78–87.
13. Siegmunt, O. *Social values and delinquency of Russian youth* / O. Siegmunt, P. Wetzels // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. – 2017. – Vol. 41, iss. 3. – P. 211–230.
14. *Jugend und gewalt. Eine repräsentative dunkelfeldanalyse in München und acht anderen deutschen Städten* / P. Wetzels [et al.]. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2001. – 305 p.
15. *Jugendliche in Deutschland zur Jahreswende: gefährlich oder gefährdet? Ergebnisse wiederholter, repräsentativer Dunkelfelduntersuchungen zu Gewalt und Kriminalität im Leben junger Menschen (1998–2000)* / N. Wilmers [et al.]. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2002. – 369 s.
16. Зигмунт, О. А. *Преступники и потерпевшие от насильственных преступлений: исследование латентной преступности несовершеннолетних* // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2013. – № 1 (23). – С. 106–116.
17. Зигмунт, О. А. *Миграция, интеграция и преступность: мировой исследовательский опыт* // *Труды Академии управления МВД России*. – 2018. – № 1 (45). – С. 133–137.

18. Зигмунт, О. А. Преступность несовершеннолетних в России и Германии: роль современной семьи // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. : Юриспруденция. – 2018. – № 4. – С. 173–182.

REFERENCES

1. Enzmann D., Brettfeld K., Wetzels P. Männlichkeitsnormen und die Kultur der Ehre. Empirische Prüfung eines empirischen Modells zur Erklärung erhöhter Delinquenzraten jugendlicher Migranten. In: Dietrich O., Karstedt S., hrsg. *Soziologie der Kriminalität*. Köln, 2004, ss. 264–287. (Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie ; Sonderhefte 43).

2. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. *Was scheren mich die anderen? Marktmoral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2016. 237 s.

3. Ganzeboom H.B.G., de Graaf P.M., Treiman D.J., de Leeuw J. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status. *Social Science Research*, 1992, vol. 21, pp. 1–56.

4. Gottfredson M.R., Hirschi T. *A General Theory of Crime*. Stanford: Stanford University Press, 1990. 316 p.

5. Grasmick H.G. et al. Testing the Core Empirical Implications of Gottfridson and Hirschi's General Theorie of Crime. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1993, vol. 30 (1), pp. 5–29.

6. Nisbett R.E., Cohen D. *Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South*. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 137 p.

7. Siegmunt O. *Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2012. XIV, 307 s.

8. Siegmunt O. *Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013. 165 s.

9. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 2013, vol. 96 (6), ss. 461–476.

10. Siegmunt O. Mediating Role of Social Disorganization: A Case Study of Russian Neighborhoods. *Journal of Criminal Investigation and Criminology*, 2015, vol. 66, iss. 4, pp. 342–352.

11. Siegmunt O. *Neighborhood Disorganization and Social Control: Case Studies from Three Russian Cities*. Springer. SpringerBriefs in Criminology, 2016. 82 p.

12. Siegmunt O., Wetzels P. Institutional Anomie Theory – Empirical Testing. *Sot-siologicheskije Issledovaniya*, 2015, vol. 42, iss. 4, pp. 78–87.

13. Siegmunt O., Wetzels P. Social Values and Delinquency of Russian Youth. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2017, vol. 41, iss. 3, pp. 211–230.

14. Wetzels P. et al. *Jugend und Gewalt. Eine repräsentative Dunkelfeldanalyse in München und acht anderen deutschen*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2001. 305 p.

15. Wilmers N. et al. *Jugendliche in Deutschland zur Jahreswende: gefährlich oder gefährdet? Ergebnisse wiederholter, repräsentativer Dunkelfelduntersuchungen zu Gewalt und Kriminalität im Leben junger Menschen (1998–2000)*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2002. 369 s.

16. Zigmunt O.A. Prestupniki i poterpevshie ot nasil'stvennykh prestuplenii: issledovanie latentnoi prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminals and victims of violent crime: a study of latent juvenile crime]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2013, no. 1 (23), pp. 106–116.

17. Zigmunt O.A. Migratsiya, integratsiya i prestupnost': mirovoi issledovatel'skii opyt [Migration, integration and crime: global research experience]. *Trudy Akademii upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2018, no. 1 (45), pp. 133–137.

18. Zigmunt O.A. Prestupnost' nesovershennoletnikh v Rossii i Germanii: rol' sovremennoi sem'i [Juvenile delinquency in Russia and Germany: the role of the modern family]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya*, 2018, no. 4, pp. 173–182.

УДК 343.3/.7(597):341.4

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/180-189

Хунг Нгуен¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Вьетнам-Венгерский индустриальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: hungnguyen.vh@gmail.com

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ВО ВЬЕТНАМЕ: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И БОРЬБА

Аннотация. Статья посвящена проблемам предупреждения и борьбы с транснациональной преступностью во Вьетнаме. В последние годы транснациональная организованная преступность во Вьетнаме становится всё сложнее, затрагивая социальную жизнь страны, что напрямую влияет на безопасность и общественный порядок во Вьетнаме. В частности, такие транснациональные преступления, как незаконный оборот и производство наркотиков, терроризм, торговля людьми, экономическое мошенничество, экологическая преступность, наносят серьёзный ущерб экономической, культурной и социальной жизни. В статье рассмотрены и уточнены текущее состояние, характер организованной и транснациональной преступности во Вьетнаме в настоящее время. Автор рассматривает понятие, виды транснациональной преступности, даёт прогноз развития событий в отношении борьбы с организованной транснациональной преступностью и выделяет основные задачи и методы их решения для борьбы против транснациональной организованной преступности во Вьетнаме в ближайшие годы. Автор акцентирует внимание на необходимости принятия правовых документов, связанных с международным сотрудничеством в сфере борьбы с организованной преступностью, а именно экстрадицией преступников, финансовых мошенников и международных заключённых. Также, по мнению автора, необходимо усилить координацию материальной взаимопомощи, а также использовать новейшие научные разработки в целях помощи правоохранительным органам в борьбе с преступностью. В целях дальнейшего повышения эффективности борьбы с организованной преступностью следует обратить внимание и на другие аспекты (международный обмен информацией о преступниках, улучшение управления правоохранительными органами, подготовка

¹ Хунг Нгуен, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; магистр права, преподаватель, Вьетнам-Венгерский индустриальный университет, Ханой, Вьетнам.

Для цитирования: Нгуен Хунг. Транснациональная преступность во Вьетнаме: предупреждение и борьба // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 180–189.

компетентных кадров). Осуществление всех вышеописанных мер серьёзным образом облегчит борьбу с организованной транснациональной преступностью.

Ключевые слова: Вьетнам, преступность, транснациональная преступность, транснациональная организованная преступность, борьба с преступностью, иммиграция, уголовное право, международное сотрудничество в сфере борьбы с организованной преступностью.

Hung Nguyen¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Viet Nam-Hungary Industrial University, Hanoi, Vietnam

E-mail: hungnguyen.vh@gmail.com

**TRANSNATIONAL CRIME IN VIETNAM:
PREVENTION AND COUNTERACTION**

Abstract. The article is devoted to the problems of preventing and combating transnational crime in Vietnam. In recent years, transnational organized crime in Vietnam has increased affecting the social life of the country, which directly affects the security and public order in Vietnam. In particular, the transnational crimes such as trafficking in and production of drugs, terrorism, human trafficking, economic fraud, environmental crime cause serious damage to the economic, cultural and social life. The article reviews and clarifies the current state, the nature of organized and transnational crime in Vietnam at the present time. The author examines the concept, types of transnational crime, gives a forecast of developments in relation to the fight against organized transnational crime and highlights the main tasks and methods for solving them in the fight against transnational organized crime in Vietnam in the coming years. The author focuses on the need for the adoption of legal documents related to international cooperation in the fight against organized crime, namely the extradition of criminals, financial fraudsters and international prisoners. Also, according to the author, it is necessary to strengthen the coordination of mutual material assistance, as well as to use the latest scientific developments in order to help law enforcement agencies in the fight against crime. In order to further enhance the effectiveness of the fight against organized crime, attention should be paid to other aspects (international exchange of infor-

¹ Hung Nguyen, postgraduate student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, the master of Laws, Lecturer, Vietnam-Hungarian Industrial University, Hanoi, Vietnam.

For citing: Nguyen Hung. Transnational crime in Vietnam: prevention and counteraction // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 180–189.

mation on criminals, improved law enforcement management, training of competent personnel). The implementation of all the measures described above will seriously facilitate the fight against organized transnational crime.

Keywords: Vietnam, crime, transnational crime, transnational organized crime, the fight against crime, immigration, criminal law, international cooperation in the fight against organized crime.

1. Понятие транснациональной преступности

Процесс формирования понятия транснациональной преступности связан с более полным осознанием мира людьми, более тесными торговыми связями между странами. Сейчас транснациональная преступность носит глобальный характер.

С 1990 года, и особенно в последнее десятилетие, термины «международная преступность» и «транснациональная преступность» довольно часто упоминаются в средствах массовой информации и в обществе, но в мире термины «международная преступность» и «транснациональная преступность» возникли ещё после Первой мировой войны.

В 1974 году Управление Организации Объединенных Наций по вопросам преступности [1] ввело понятие транснациональной преступности посредством перечисления пяти преступных деяний: (1) организованная преступность, коррупция; (2) преступления, связанные с произведениями искусства и культурой; (3) преступления, связанные с незаконным оборотом алкоголя и наркотиков; (4) уголовные преступления; (5) преступность, связанная с нелегальной иммиграцией.

В 1995 году Организация Объединенных Наций представила понятие транснациональной преступности: «...расследование и предупреждение преступлений, борьба с которыми прямо или косвенно связана с по меньшей мере одной другой страной» [2]. Список транснациональных преступлений расширился до 18 категорий, включая торговлю органами человека, экологическую преступность, экономическое мошенничество и. т. д.

В недавнем докладе Национального института юстиции США исследователи связали рост транснациональной преступности прямо или косвенно с такими факторами, как: глобализация экономики; рост притока иммигрантов и неэффективный контроль над незаконной иммиграцией; развитие науки и техники, особенно информационных технологий. Вышеупомянутые факторы не являются элементами, приводящими к появлению транснациональной преступности, однако это факторы, которые создают условия для развития транснациональной преступности, роста количества преступлений и их опасного уровня.

Сейчас во всем мире до сих пор используют разнообразную терминологию для обозначения таких видов преступности, как «транснациональная преступность», «транснациональная организованная преступность». Даже сейчас во Вьетнаме нет общего согласованного термина для обозначения этих видов преступлений. В этой статье мы представим только три понятия:

- Андре Боссард, бывший генеральный секретарь Интерпола (1978–1985), автор книги «Транснациональная преступность и уголовное право», выпущенной в 1990 г., выдвинул следующее понятие: *«Транснациональная преступность – это преступность, влияющая на весь мир и осуществляющаяся на границе двух и более стран до, во время или после совершения преступления»*.

- Согласно конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной преступности (2000 года): *«Транснациональная организованная преступность – это группа в составе трёх или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьёзных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду»* [3].

- Согласно определению Фам Хо, бывшего главы вьетнамского Интерпола: *«Транснациональная преступность во Вьетнаме – это конкретные трансграничные преступные акты, совершённые одним или организованной группой лиц, угрожающие интересам граждан, политическим и экономическим организациям и общественным организациям Вьетнама с целью получения материальных благ или других выгод и нарушающие уголовное законодательство Социалистической Республики Вьетнам»*.

Термин «транснациональный» описывает преступления, имеющие не только международный, но и транснациональный характер, «транснациональный» является неотъемлемой частью состава «транснациональной преступности». Под транснациональной преступностью также подразумевается, что преступление может проходить в одной стране, но иметь серьёзные последствия в другой стране.

2. Виды транснациональной преступности во Вьетнаме

В последние годы транснациональная преступность в мире и регионе стала сложнее, увеличивается количество дел и правонарушителей. В частности, такие транснациональные преступления, как незаконный оборот и производство наркотиков, терроризм, торговля людьми, экономическое мошенничество, экологическая преступность, наносят серьёзный ущерб экономической, культурной и социальной жизни многих стран мира, включая Вьетнам.

Согласно статистическим данным сил спецподразделения по вопросам финансов, каждый год в мире отмывается от 600 до 1 500 млрд долл. США [4]. Отмытые деньги в основном связаны с коррупцией, незаконным оборотом наркотиков, тор-

говлей людьми, преступления в сфере высоких технологий могут непосредственно нанести ущерб мировой экономике примерно на сумму 8–10 млрд долл. США. Кроме того, преступные группировки используют высокие технологии для кражи или посягательства на интеллектуальную собственность.

Осуществление политики торгового интегрирования Вьетнамом в последние несколько лет позволяет отметить положительную общемировую тенденцию. Число вьетнамцев, выезжающих за границу в целях заработка, обучения и путешествия, с каждым днём увеличивается. В то же время, число иностранцев, приезжающих во Вьетнам по тем же причинам, также с каждым днём возрастает. Согласно докладом Главного управления полиции по борьбе с преступностью и Форума по предупреждению и борьбе с транснациональной преступностью, осуществляющим свою деятельность с момента вступления Вьетнама во Всемирную торговую организацию (ВТО), на момент окончания 2014 года около 500 000 иностранцев проживают и работают во Вьетнаме [5]. Из них примерно 30% являются выходцами из КНР, 20% из Республики Корея и 5% из Тайваня соответственно. Также, согласно данным Управления безопасности при Министерстве общественной безопасности, известно, что за последние 5 лет Вьетнам посетили около 15 миллионов иностранцев (включая этнических вьетнамцев, проживающих в других странах) [6]. В среднем, иностранцы стали посещать Вьетнам чаще примерно на 40%. Кроме того, за данный промежуток времени было выявлено около 9 000 попыток нелегального проникновения во Вьетнам (примерно половина правонарушителей оказались уроженцами КНР).

Согласно информации спецподразделений и местной полиции о результатах по предотвращению и борьбе с преступностью, и в особенности с транснациональными преступлениями, связанными с Вьетнамом, можно увидеть, что за последние 10 лет центральными и местными органами полиции было заведено 1 260 дел о правонарушениях, связанных с транснациональной преступностью во Вьетнаме; также сообщается, что из 2 041 задержанных 692 человека не являлись гражданами Вьетнама [7]. Результаты расследования показали, что транснациональная организованная преступность становится более распространённой во Вьетнаме, приобретая новые формы и виды, а также вовлекая всё большее число национальностей. Одним из распространённых видов транснациональной преступности является незаконный ввоз и распространение наркотических веществ в особо крупных размерах во Вьетнаме при участии как иностранцев, так и вьетнамских граждан. Одной из особенностей последних лет является активный приток во Вьетнам граждан африканской национальности. Они приезжают под предлогом путешествия или торговли. Однако по истечении срока пребывания во Вьетнаме (согласно правилам о временном проживании) данный тип преступников вопреки закону нелегально остаются на территории Вьетнама для формиро-

вания преступных группировок, занимающихся наркоторговлей, торговлей людьми и мошенничеством. Ещё одним видом транснациональной преступности является создание группировок, состоящих из вьетнамских эмигрантов, на территории таких стран, как Великобритания, Чехия, Венгрия и т. д. Основной целью данных групп является выращивание гашиша. Периодически деятельность данных группировок несёт угрозу другим вьетнамским эмигрантам. Транснациональная преступность также широко распространена на чиновничьем уровне, непосредственно связана с экспортом товаров из других стран. Одним из видов такой преступности является «раздувание» государственных контрактов с целью получения материальной выгоды. К этому же виду преступности можно добавить ввоз товаров при подделке документов об оплате таможенных пошлин и налогов. Ещё одной особенностью последних лет является совершение преступлений с использованием ценных бумаг, биржевых инвестиций, Интернета, личной или банковской информации для получения материальной выгоды. Как правило, злоумышленники снимают большое количество денежных средств с банковского счёта, чтобы пустить их на производство гашиша и других психотропных веществ, а также для нелегальной закупки товаров из других стран.

Преступная деятельность, связанная с использованием высоких технологий и Интернета, также широко распространена во Вьетнаме. Данный вид преступлений главным образом осуществляется иностранными гражданами во Вьетнаме либо самими вьетнамцами, которые проживают на территории других стран. Данный тип преступления включает в себя создание и распространение компьютерных вирусов, кражу паролей и информации личного характера, кражу банковской информации, создание сайтов для нелегальных букмекерских контор, осуществление покупок с чужого банковского счёта. Преступники специально создают подобные сайты на иностранных доменах (США, Франция, Нигерия), чтобы их было тяжелее заблокировать. Посредством подобных сайтов злоумышленники получают личную и корпоративную информацию для её дальнейшей перепродажи или эксплуатации в личных целях. Ещё один необычный вид транснационального преступления осуществляется выходцами из Китая и Тайваня. Они провозят специальное оборудование, с помощью которого выполняется процесс кражи денежных средств у других граждан КНР и Тайваня.

В настоящее время в Интернете существует большое количество платёжных систем, таких как Liberty Reserve, PayPal, e-gold, e-passport, u-cash, webmoney и др. Преступники часто используют именно эти платёжные системы для получения конфиденциальной информации о клиенте (истории его покупок, номере лицевого счёта и т.д.) и её незаконного использования в целях получения денежной выгоды.

Помимо вышеописанных видов преступления, во Вьетнаме также широко распространены экологические преступления, а именно загрязнение окружающей сре-

ды, браконьерство и нелегальная добыча полезных ископаемых. Вьетнамская политика в отношении иностранного бизнеса привлекает всё больше и больше иностранных инвесторов в последние годы. Однако уровень государственного контроля зарубежных компаний очень слаб. В силу этого фактора некоторые компании (группа компаний Vedan, Tung Kuang, Miwon и т.д.) зачастую пренебрегают законами о защите окружающей среды. Это выражается в загрязнении окружающей среды и чрезмерной добыче полезных ископаемых и природных богатств. Помимо этого Вьетнам зачастую используется браконьерами в качестве «государства-транзита» для незаконного ввоза растений и животных с целью перепродажи в другие страны. Ярким примером подобной деятельности является незаконный перевоз панголинов и красных макак из Вьетнама в КНР. Нелегальный провоз природных богатств также включает в себя транспортировку из стран Африки слоновой кости и рога носорога в КНР, Австралию и Республику Корея; как правило, браконьеры прячут их в контейнерах с одеждой или бытовыми товарами.

3. Прогноз развития событий в отношении борьбы с организованной транснациональной преступностью во Вьетнаме

По информации Интерпола, преступники используют различия между правовыми системами разных стран для совершения преступлений по всему миру. Помимо этого, злоумышленники также пользуются неопытностью государств в отношении управления банковскими системами для присвоения чужой собственности и денежных средств. Кроме того, многие организации до сих пор не обновили электронную защиту конфиденциальной информации, что делает их удобной мишенью для интернет-преступников. Из-за этого Вьетнам рискует стать местом, где преступления, связанные с онлайн-кражей средств, будут наиболее распространены. Более того, данный тип преступлений будет принимать всё новые формы, как, например, подделка паспортов, распространение фальшивых дебетовых карт, кража и перепродажа конфиденциальной информации и даже DDOS-атаки на правительственные сайты. Вьетнам, как и те страны, которые также не имеют актуального законодательного регулирования данных правонарушений, скорее всего станут рассадником таких преступлений. Со временем организованная транснациональная преступность будет расширяться и пытаться вовлечь в свои структуры коррумпированных чиновников и работников правоохранительных органов. Помимо этого, различные преступные группировки сливаются в большие преступные синдикаты, при этом расширяя свою преступную деятельность (международная контрабанда, отмывание денег, торговля оружием, распространение наркотиков, подделка документов). Также преступные группировки, осуществляющие деятельность в пограничных районах, будут использовать ограничение передвижения силовых структур на нейтральной территории, чтобы обезопасить себя от преследования. Кроме того, исходя из общемировой тен-

денции последнего времени, организованная преступность развернёт свою деятельность главным образом в ключевых экономических отраслях. Преступники также будут стараться контролировать отдельные регионы развивающихся стран (в том числе и Вьетнам) для осуществления преступной деятельности, вербуя людей, которые едут путешествовать или работать в ту или иную страну.

В ближайшие годы интеграция Вьетнама в мировое сообщество будет по-прежнему важна для вьетнамского правительства. Благодаря вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО), Вьетнам достиг больших успехов в сфере экономики. Однако экономическое развитие страны также влечёт за собой множество проблем в сферах внутренней и внешней безопасности. Ярким примером этого может послужить большой наплыв эмигрантов из неблагоприятных стран, негативно влияющий на социальную обстановку в стране, а именно способствующий развитию организованной преступности во Вьетнаме (торговля людьми, наркотиками, оружием и контрабандой).

4. Основные задачи и методы их решения для борьбы против транснациональной организованной преступности во Вьетнаме в ближайшие годы

Борьба против транснациональной организованной преступности требует выполнения следующих задач:

- Усовершенствование правовой базы экономического сотрудничества для предупреждения и борьбы с организованной транснациональной преступностью во Вьетнаме в период интеграции в мировое сообщество; улучшение работы Министерства юстиции, Министерства иностранных дел и Министерства обороны; консультация правительства в подписании судебных соглашений, а также международных соглашений со странами, в которых сильно развита транснациональная организованная преступность, как, например, Сингапур, Малайзия, Индонезия, а также со странами, которые уже успешно борются с транснациональной организованной преступностью (США, Канада).

- Участие в международном сотрудничестве в сфере предотвращения и борьбы с организованной транснациональной преступностью.

- Создание международных проектов для усиления защиты от организованной транснациональной преступности.

- Создание координационных органов, состоящих из людей, хорошо осведомлённых в сфере международного права, а также свободно владеющих иностранным языком для осуществления запроса о юридическом содействии посредством контакта с генеральным секретариатом Интерпола и Асеанпола.

Подводя итог всему вышеописанному, можно утверждать, что за прошедшее время Вьетнам достиг определённых успехов в сфере международного сотрудничества по борьбе с организованной транснациональной преступностью. Одним из

главных успехов можно считать вступление в Международную организацию уголовной полиции (Интерпол и Асеанпол) в 1991 году. Однако, ввиду глобализации, организованная преступность стала более изощрённой. Поэтому необходимо усилить региональное и международное сотрудничество в сфере борьбы с организованной преступностью. Тесное сотрудничество между правоохранительными органами всех стран позволит быстрее и эффективнее обрабатывать информацию о преступных группировках.

В ближайшее время также нужно создать и обнародовать правовые документы, связанные с международным сотрудничеством в сфере борьбы с организованной преступностью, а именно экстрадицией преступников, финансовых мошенников и международных заключённых. Вьетнам подписал договоры по предупреждению и борьбе с организованной преступностью с такими странами, как Германия, Польша, Турция, Венгрия.

Помимо этого, необходимо усилить координацию материальной взаимопомощи, а также использовать новейшие научные разработки в целях помощи правоохранительным органам в борьбе с преступностью. В целях дальнейшего повышения эффективности борьбы с организованной преступностью следует обратить внимание и на другие аспекты (международный обмен информацией о преступниках, улучшение управления правоохранительными органами, подготовка компетентных кадров). Осуществление всех вышеописанных мер серьёзным образом облегчит борьбу с организованной транснациональной преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против организованной транснациональной преступности. Ханой : Национальная политика, 2004. – Вьет.
2. Нгуен Нгок Аньян. Конвенция Организации Объединенных Наций против организованной транснациональной преступности, дополнительные протоколы / Нгуен Нгок Ань, Нгуен Чыонг Зян. – Ханой : Национальная политика, 2005. – 263 с. – Вьет.
3. Нгуен Фонг Хоа (2005). Обсуждение понятий организованная преступность и организованная транснациональная преступность // Журнал народных судов. – 2005. – Февраль, № 2. – Вьет.
4. Министерство общественной безопасности. Отчёт о борьбе с транснациональной преступностью. – Ханой, 2016. – Вьет.
5. Доклад Главного управления полиции по предупреждению и борьбе с преступностью на Форуме по предупреждению и борьбе с транснациональной преступностью в период международной интеграции с момента вступления Вьетнама во Всемирную торговую организацию. – Ханой : Министерство общественной безопасности, 2017. – Вьет.

6. Пятилетний доклад «Нарушение законов Вьетнама во время иммиграции во Вьетнам» Главного управления безопасности при Министерстве общественной безопасности. – Ханой, 2016. – Вьет.

7. Отчет правоохранительных органов «Итоги работы по предупреждению и борьбе с транснациональной организованной преступностью во Вьетнаме» за 2017 г. – Ханой : Министерство общественной безопасности, 2017. – Вьет.

REFERENCES

1. *United Nations Convention against Organized Transnational Crime*. Hanoi: National Politics, 2004. (In Vietnamese).

2. Nguyen Ngoc Anyang, Nguyen Chyong Zyan. *United Nations Convention against Organized Transnational Crime, Additional Protocols*. Hanoi: National Policy, 2005. 263 p. (In Vietnamese).

3. Nguyen Fong Ho. Discussion of the concepts of organized crime and organized transnational crime. *Journal of People's Courts*, 2005, February, No. 2. (In Vietnamese).

4. *Ministry of Public Security. Report on the fight against transnational crime*. Hanoi, 2016. (In Vietnamese).

5. *Report of the Police General Directorate for the Prevention and Combating of Crime at the Forum on the Prevention and Combating of Transnational Crime in the period of international integration since the entry of Vietnam into the World Trade Organization*. Hanoi: Ministry of Public Security, 2017. (In Vietnamese).

6. *The five-year report «Violation of the laws of Vietnam during immigration to Vietnam» by the General Directorate of Security at the Ministry of Public Security*. Hanoi, 2016. (In Vietnamese).

7. Law enforcement report «Results of work on the prevention and fight against transnational organized crime in Vietnam» for 2017. Hanoi: Ministry of Public Security, 2017. (In Vietnamese).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт, директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг, декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен, профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

2018

№ 3

Главный редактор

В. И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч. Р. Айриш, П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин,
Е. П. Жариков (зам. гл. ред.), С. Д. Князев, А. И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В. Ф. Печерица, Н. Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск

В. В. Короченцев

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С. А. Прудкогляд*

Дата выхода в свет 30.04.2019

Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 15,48. Уч.-изд. л. 13,60.

Тираж 500 экз. Заказ 134.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Издательстве
Дальневосточного федерального университета
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10